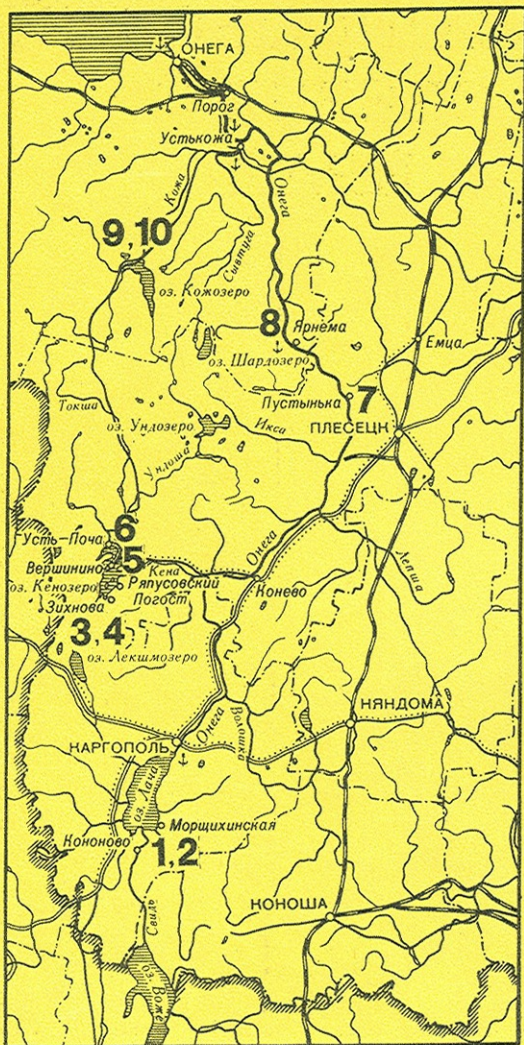

КАРГОПОЛЬСКИЙ ОЗЕРНЫЙ КРАЙ

1. Резной наличник дома в деревне Село на реке Свиди
2. «Дом в порогах» на реке Свиди

3. Церковь на Хижгоре близ Лёкшозера
4. Ограда Порженского погоста

5. Дом с расписной дверью в деревне Ряпусове
6. Никольская часовня в селе Вершинине

7. Благовещенская церковь в деревне Пустыньке
8. Амбар в деревне Ярнеме

9. Въездные ворота бывшего Кожеозерского монастыря
10. Водяная мельница на реке Коже

КАРГОПОЛЬСКИЙ ОЗЕРНЫЙ КРАЙ

Г. П. ГУНН

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1984

ББК 85.103(2)1
Г94

4901000000-148
Г—40-84
025(01)-84

© Издательство «Искусство», 1984 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕХОЖЕНЫМИ ТРОПАМИ. Предисловие В. Г. Брюсовой—————7

ОТ АВТОРА. О каргопольском озерном крае.—————12

1. ОЗЕРО ЛАЧА, РЕКА СВИДЬ.—————15

Каргополь и озеро Лача (15). Предания, связанные с озером Лача (19). Село Нокола (20). Река Свидь — древний водный путь из Белозерских земель в Поморье (22). Деревня Село — своеобразный музей деревянного зодчества под открытым небом (22). Село Хотеново (30). Деревня Мальшинское (31). Деревня Селище (36). Село Астафьево (40). У свидских порогов (41). Памятники древнерусской живописи с реки Свида (42).

2. ЛЕКШМОЗЕРСКАЯ ОКРУГА.—————46

«Каргопольская сушь» (46). Село Печниково (46). Село Лядины, новые сведения об архитектурном ансамбле XVIII в. (47). Вид Лёкшмозера (49). Челма-гора и ее прошлое (50). Заповедная ель — памятник природы (53). Село Лёкшмозерское (Морщихинская) (53). Дороги озерного края (54). На Хергозере (55). Масельга и Хижгора (58). Село Порженское (Федоровское) (62). Архитектурно-природный комплекс Порженского погоста (64).

3. КЕНОЗЕРО.—————69

Кенозеро — «былинный край» (70). Собирательская деятельность А. Ф. Гильфердинга (70). О распространении северных былин (72). Плесы Кенозера (74). Деревня Ряпусово (75). Деревня Зихнево в Глухой лахте. (81). Деревня Семеновское (87). Глубокая лахта (88). Деревня Видягино (89). Деревня Горбачиха (89). Деревня Нарышкине (91). Деревня Тарасовская (96). Село Вершинино (Кенорецкое) — исторический и административный центр округа (98). Никольская часовня XVII в.— прототип местных клетских часовен (99). Типы кенозерских изб, исследование М. А. Ильина (103). «Священная роща» у деревни Шишкино (110). Деревня Бухалово в Тамбич-лахте (112). Деревня Нямятая (113). Деревня Карпово (115). Свиной плес (118). Деревня Глазово в Шуй-лахте (118). Деревня Минино (120). Деревня Мыза (120). Деревня Усть-Поча (120). О соответствии архитектурных форм пейзажу (121).

4. СИНЕГОРЬЕ.—————125
Река Онега в среднем течении (128). Старое и новое Синегорья у Великих порогов (128). Пустынька и ее историческое прошлое (128). Благовещенская церковь XVIII в. — уникальный памятник северного деревянного зодчества (134). О бочковидном покрытии в деревянном зодчестве (138). Бирючевские пороги (142). Деревня Ярнема (144).

5. КОЖОЗЕРО.—————150
Село Усть-Кожа, деревня Макарьинское (150). Деревня Остров (151). Монастырская дорога (151). Сведения о древних поселенцах на Кожозере (153). Страницы истории бывшего Кожеозерского Богоявленского монастыря (157). Пребывание патриарха Никона на Кожозере (159). События гражданской войны (163). Каменные здания монастыря — пример создания ансамбля в позднее время (164). Памятники гражданского деревянного зодчества — ветряная мельница и хлебный амбар (171). Река Кожа и Падун (178).

ПРИМЕЧАНИЯ.—————180

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.

182

Нехоженными тропами

Знаток Севера Г. П. Гунн, автор книг «Каргополье — Онега» и «По нижней Печоре» из серии «Дороги к прекрасному», предлагает читателю новый маршрут — по каргопольскому озерному краю. Путешествие пройдет в стороне от больших дорог, но в местах, по-своему замечательных. О живописности ландшафтов этого края можно говорить лишь в превосходной степени, но естественная их красота приумножена зримой печатью многовекового творческого труда народа. Труд этот был соразмерен суровой северной природе, труд нелегкий.

На десятки километров протянулись узкой серебристой лентой озера, питающие лесные реки. На холмах, открытых неярким лучам солнца, — поля; они кормили не только самих хлеборобов, отсюда хлеб еще и вывозили, опровергая мнение о скудости северной природы. Тут и там, в низинах, по берегам рек и озер, рассеяны деревни — издали они обрамлены флотилиями лодок, цепочками банек на склонах холмов, а на взгорье живописно разбросаны ийбы. Это в большинстве своем крупные дома, в которых просторно и удобно жить, они связывают под одной кровлей целый комплекс хозяйственных построек. Где-то непременно мы увидим рощу из сумрачных вековых елей; некогда это были языческие святилища, потом — кладбищенские погосты с часовнями, а ныне — усердно оберегаемые населением природные заповедники, живая связь времен, память о тысячелетней истории края.

На возвышенных местах виднеется силуэт церкви или часовни, «таких же остроконечных, как ели, таких же,

как оне — седых», как заметил некогда путешествовавший по Северу И. Э. Грабарь. «Поразительно умение,— продолжал И. Э. Грабарь,— с которым строители-поэты выбирали места для храмов: нет возможности придумать композицию лучше той, при помощи которой они связывали встающие из-за леса шатры или вырастающие из-за береговой кручи главки церквей со всем окружающим пейзажем, с изгибом реки, с изломом холмов, с гладью лугов и со щетиной лесов. Необыкновенно сильное впечатление оставляют целые группы таких церквей на великих северных реках: издали их можно принять за укрепленные города со множеством башен и глав». Такие ансамбли стоят или стояли близ Каргополя и Онеги в Турчасове и Пияле, в Архангелах и Саунине — там, где сто-двести лет назад проходил путь в Беломорье.

В озерном крае, по Кенозеру или Лёкшмозеру, мы таких ансамблей не встретим; здесь все скромнее по размерам, чаще всего здесь возводились совсем крохотные часовенки. Но дома и здесь, как повсеместно на Севере, крупные, добротные, а деревянные мосты служат так же хорошо, как и двести лет назад, когда их строили, время их не берет. Памятники народного деревянного зодчества здесь, в особенности по Кенозеру, замечательны. Секрет их поистине удивительной привлекательности в том, что создавались они теми же мастерами, которые строили и грандиозные ансамбли,— в них то же чувство красоты, меры, тот же вкус и воспитанное веками ощущение органичной связи с природой.

Места эти не всегда были на отшибе, в стороне от проезжих трактов. В глубокой древности, около тысячелетия назад, предприимчивые новгородцы начали осваивать шаг за шагом северные и восточные земли, продвигаясь за Онегу и Северную Двину, а потом и за Урал («за Камень»). Дорога в Заволочье как раз и проходила по Кенозеру и реке Кене. Далекie походы предпринимались в основном за «мягким золотом» — драгоценной пушшиной, спрос на которую был всегда велик при дворах византийских императоров и турецких султанов, в домах немецких и голландских бюргеров. Лесной промысел был одним из главных занятий новгородцев. Присоединяя к территории Великого Новгорода обширные земли, они учили местных жителей строить ладьи и карбасы, дороги и мосты, избы и мельницы, дозорные башни и церкви. Для новгородцев плотницкое дело было не просто ремеслом, оно стало поистине искусством.

Семена упали на благодатную почву и дали обильные всходы. Деревянное зодчество было освоено народом, и каж-

дая местность, каждое поколение вносили что-то свое. В итоге длительного и непрерывного развития на обширной территории и появились шедевры северной деревянной архитектуры, ныне всемирно известные.

Новгородцы привили вкус местным жителям не только к добротным, красивым постройкам, но и к предметам городского быта: «боярские» костюмы, шитые жемчугом кокошники, полотенца с вышивкой «павами», «древом жизни» и «всадниками» стали достоянием обихода северных крестьянок. Принесены были сюда и новгородские былинны, здесь они бережно хранились столетиями, и в прошлом веке их было много записано на Кенозере.

Менялись времена, Новгород шаг за шагом уступал свои владения другим центрам русской культуры — Ростову и Суздалью, а потом и Москве. Новые пути к «ледовому морю» шли не с запада на восток, а с юга на север. Приходили и новые артели мастеров со своими традициями, которые естественно уживались со старыми. Появляются новые типы построек, другие приемы украшения. По разнообразию архитектурных форм можно судить об истории края.

Обладая незаурядным чувством поэтического восприятия, автор книги умеет раскрыть индивидуальный облик и очарование на первый взгляд непритязательных построек; под его пером каждая из них приобретает свой образ, как бы отражающий характер тех, кто их создал, или самих обитателей, чутких к красоте местности, умеющих ее одушевить.

На протяжении столетий негласным законом жизни здесь было разумное хозяйствование, рациональное использование природных богатств, которые веками не истощались. Укреплялась и росла любовь к родной земле. Теперь когда жители ходом исторических событий вынуждены переселяться в города или крупные поселки, они неохотно покидают свои насиженные места, нередко перевозят с собой на новое место дома. Переносятся в музеи-заповедники и отдельные памятники деревянного зодчества. Это, конечно, не лучший выход, и Г. П. Гунн серьезно озабочен проблемой сохранения драгоценного наследия. И мы вслед за автором серьезно задумаемся: так ли неизбежно неумолимое разрушение беспощадным временем всего этого редкостного художественного наследия, — того, что входит нерасторжимым звеном в понятие Родины. А нельзя ли сохранить его и для будущих поколений, чтобы наши потомки могли черпать из своего прошлого высокое эстетическое наслаждение, созерцая первозданную природу в слиянии с рукотворной красотой памятников архитектуры.

Вероятно, не случайно зародилась идея превратить этот край в заповедник деревянного зодчества — идея, предложенная вначале энтузиастами подобно художнику Н. И. Розову, с группой студентов много сделавшему на общественных началах для сохранения здешних памятников. Эта идея все шире внедряется в сознание, все настойчивее прокладывает себе дорогу. Тогда не придется 96-рекать на неминуемую гибель такие уникальные образцы народного зодчества Севера, как часовни и дома в Горбачихе, Вершинине, Глазове и во многих других деревнях.

Закономерно возникает вопрос о настоящей необходимости реставрации этих первоклассных памятников не только ввиду аварийного состояния многих зданий, но и для возвращения им первоначального вида, нередко искаженного упрощенными ремонтами.

Мы понимаем необходимость хранить наше фольклорное наследие — былины, сказания, песни — не выборочно, а целиком. Так же обстоит дело и с сохранением памятников древней живописи — икон. Этот и только этот принцип должен быть положен и в основу нашего отношения к памятникам народного деревянного зодчества. Мы должны сохранить их все! Сохранить оставленный нам в наследство прекрасный лик земли и сделать его еще краше. А достичь этого можно, лишь превратив эту землю в заповедную зону. Она заслуживает этого. Но мы должны оберегать не только памятники деревянного зодчества и красоту нетронутой природы — нужно сохранить в памяти людей и события нашей истории, революционных преобразований края. Ведь озерный край становится в наши дни важной ареной социалистического строительства, одним из существенных элементов в программе развития Нечерноземья, открывающей перед ним новые, широкие перспективы дальнейшего развития.

А теперь — в путь, дорогой читатель.

В. Г. Брюсова,
доктор искусствоведения

ЧЕТЫРЕХСОТЛЕТИЮ АРХАНГЕЛЬСКА,
СТОЛЬНОГО ГОРОДА РУССКОГО СЕВЕРА,
ПОСВЯЩАЕТ ЭТУ КНИГУ АВТОР

От автора

О КАРГОПОЛЬСКОМ ОЗЕРНОМ КРАЕ

Сколько звезд на небе, столько
в архангельском крае озер.

В. В. Шергин

Если взглянуть на карту Архангельской области, щедро исчерченную голубыми прожилками рек, то легко заметить, что в пятиречье Онеги — Северной Двины — Пинеги — Мезени — Печоры больших озер почти нет, а все наиболее значительные по величине водоемы простираются к западу от реки Онеги и так или иначе с ней связаны. Невеликая река, протяженностью в четыреста с небольшим километров, Онега берет начало из озера Лача, соединенного рекой Свидью с еще более крупным озером Воже. В озеро Лача впадает речка Лёкшма, вытекающая из Лёкшмозера. В среднем течении впадает в Онегу река Кена, выходящая из Кенозера. Через реки Почу и Ундошу Кенозеро связано с Ундозером, а само Ундозеро соединено с Онегой речкой Иксой, впадающей выше Бирючевских порогов. Севернее Ундозера находится уединенное Шардозеро, из которого берет начало порожистая Сывтуга, приток реки Кожи. Стоверстая каменистая Кожа вытекает из просторного Кожозера и несет в Онегу последний значительный сток воды.

Очевидно, перед нами уникальная водная система: семь крупных озер (не считая менее значительных) состоят в единстве с рекой, соседствуя друг с другом в направлении с юга на север. Эту цепь озер можно считать своеобразным «озерным краем», хотя в более широком смысле озерным краем мы называем Карелию.

Я озаглавил свою книгу «Каргопольский озерный край», хотя, быть может, географически точнее говорить «Поонежский озерный край», поскольку земли вдоль реки Онеги носят название Поонежья, а ни одно из названных выше

озер не удалено от главной водной артерии более чем на семьдесят километров. Но нашей задачей является не географическое описание озер, а выявление культурного региона, исторически связанного с центром поонежских земель.

В древности Поонежье относилось к «области града Каргополя», к каргопольской земле, Каргополю. Один из крупнейших городов Северной Руси, важный торговый центр, Каргополь административно и экономически подчинял себе огромные пространства вдоль течения Онеги до самого моря, а к западу «каргопольский рубеж» проходил по реке Илексе. Все существовавшие и возникавшие поселения — погосты, деревни, починки, входившие в мелкие административные единицы — волости или станы, — в свою очередь включались в обширный Каргопольский уезд. Все монастыри, возникавшие в период так называемой «монастырской колонизации» Севера, как бы далеко от Каргополя ни находились, именовались «каргопольскими монастырями», а «святые» этих монастырей — «каргопольскими святыми». И позже, в XVIII в., когда Поонежье несколько раз меняло административное подчинение и наконец было поделено между Олонецкой и Архангельской губерниями, понятие Каргополя сохранялось. Сохраняется это понятие и поныне у историков, археологов, искусствоведов. В научной литературе утвердились термины «каргопольская культура эпохи неолита», «каргопольское каменное зодчество», «каргопольское деревянное зодчество». Эти понятия распространяются на весь регион. Этой традиции мы и следуем.

Но есть и свое отличие у каргопольского озерного края от других мест Каргополя, и оно, конечно, в том, что этот край — озерный. Цепь озер, протянувшаяся с юга на север, образовывала как бы второй водный путь, параллельный реке Онеге. Никогда не имевший транспортного значения, путь этот тем не менее сыграл немаловажную роль в освоении и заселении бездорожного края. Вслед за первоначальным заселением берегов реки Онеги возникла вторая низка русских поселений — по озерам; параллельно по-энежскому Каргополю возникло озерное Каргополье. Деревни по реке Онеге стояли на оживленном торговом пути к морю; озерные деревни рассеялись в «усторонье», как говорили встарь, в глубине северного «сузема». Там жили более замкнуто, обособленно, образуя свои землячества. Жители озерного края называли себя «лѣкшмозерами», «кенозерами», «почозерами». Этому разделению соответствовали местные этнографические отличия в быту, одежде

и пр. Каждое из озерных землячеств сохраняло свою самобытность, следы которой встречаются и поныне.

Удаленность Поозерья от основных транспортных путей в большой степени способствовала сохранению там векового патриархального уклада. Это был край сугубо крестьянской культуры. Время двигалось здесь в ином, замедленном темпе, чем в деревнях по каргопольским трактам, более подверженных городскому влиянию. Ученые этнографы и фольклористы прошлого века и даже начала нынешнего встречались в озерном Каргополье со своеобразным этнографическим заповедником. Не случайно здесь, всего более на Кенозере, записано значительное количество былин, второе по составу после Заонежья.

На долю сегодняшнего исследователя, конечно, остается куда меньше находок, чем было сделано в прошлом. Но народная культура не исчезла. Проявления ее мы найдем, в частности, в народном зодчестве — в том, что наглядно обозримо поныне. Увидя эти места, эти прекрасные озера, мы ощутим овевающий их дух народной поэзии. Огромные произошли перемены, но что-то сохранилось из прежних сокровищ народных, надо лишь постараться их найти.

Свой путь по каргопольскому озерному краю мы, конечно, должны начать с Каргополя. Однако об этом славном городке и о его окрестностях автору не придется говорить: им это сделано ранее в книге этой же серии «Каргополье — Онега» (М., «Искусство», 1974)¹. Настоящая же книга служит дополнением к предыдущей. Задачи ее скромны: провести читателя мало исхоженным маршрутом, рассказать о памятниках и памятных местах поонежского озерного края, не претендуя на исчерпывающую полноту, но стараясь не упустить главного — прекрасного в природе и в человеческих творениях.

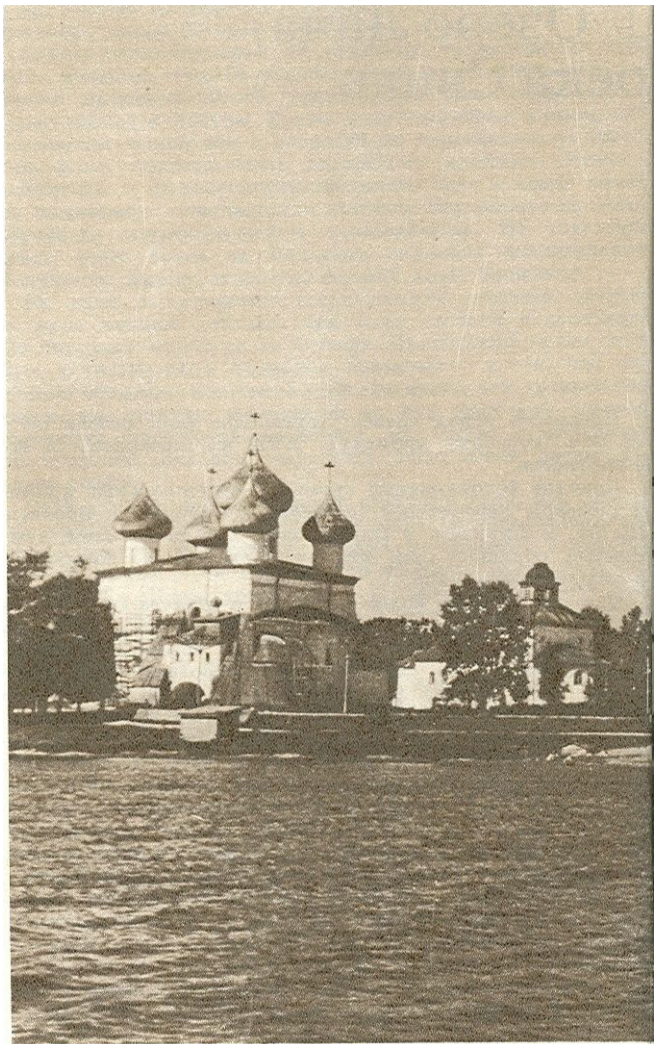
1. Озеро Лача, река Свидь

Прекрасен «град славен Каргополь» (как назван он в «Книге Большому чертежу», XVII в.), прекрасны и его окрестности.

Повидав белокаменные громады каргопольских храмов и шедевры деревянного зодчества в Саунине, в Большой Шалге, в Лядинах, в Ошевенском, путешественник, естественно, обращает свой взор туда, где еще не побывал,— в сторону озера Лача.

Оно кажется тем более манящим и отчасти загадочным потому, что Каргополь хотя и стоит на истоке реки Онеги из озера Лача (подобно Новгороду на истоке Волхова из Ильмень-озера), но самого озера с городского берега не видно — оно скрыто лесистым изгибом реки. Между тем Лача не менее легендарно, чем былинное Ильмень-озеро. Легендарно оно и упоминанием в знаменитом «Молении Даниила Заточника», памятнике XII—XIII вв.; легендарно и именем удельного князя Глеба Каргопольского, одного из героев Куликовской битвы, водными путями пришедшего на Белое озеро на соединение с белозерскими князьями; легендарно походами неизвестных первопроходцев X—XI вв., пролагавших путь к «дышащему морю-океану».

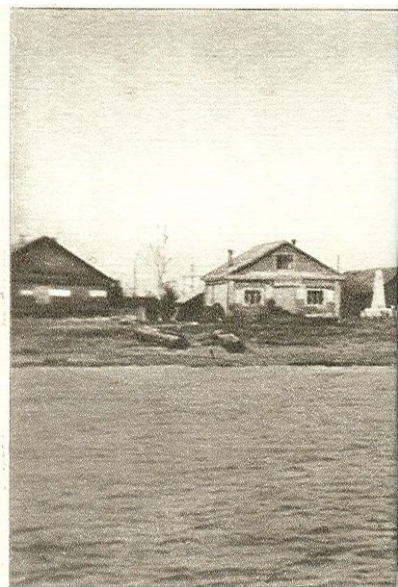
В давние времена не было иных дорог на Север, кроме водных. На Белом озере сходились пути из вологодских земель, принадлежавших Ростово-Суздальскому, позже — Московскому княжеству, и из Новгорода Великого — владыки многих северных земель. С Белого озера через волоки попадали на озеро Воже, откуда начинался прямой путь в Поморье.

*Каргополь.
Соборная горка*

*Село Нокола
на озере Лача*

Озеро Воже, протяженностью в 64 км, в давние времена входило в состав Белозерского княжества. По имени Чаронды, древнейшего поселения на ее северо-западном берегу, оно называлось также Чарондским озером. Чаронда была некогда значительным поселением и одно время именовалась даже городом. На острове Спасском — единственном на большом озере — еще в XV в. был основан Вожеозерский, или Чарондский, Спасский монастырь, упраздненный в екатерининское время, когда и от Чаронды был отнят статус города.

Озеро Воже соединено короткой судоходной рекой Свидью с озером Лача. Пройдя Лача, древние путники останавливались у истока реки Онеги на том месте, где и возник Каргополь. Но время возникновения города, как и происхождение его названия, и поныне остается легендарным.

Легендарного мы немало встретим и дальше на нашем пути: таков Север — он весь в легенде.

Мы начинаем наш первый маршрут от каргопольской Соборной горки, отплывая на пассажирском катере, который ежедневно ходит от города через озеро Лача на реку Свидь.

Все дальше будет отходить славный городок Каргополь, особенно красиво и внушительно раскрывающий свою панораму с реки; вот он скрылся за поворотом, река раздалась вширь и незаметно началось озеро.

Лача — большое озеро, вытянувшееся на 45 км в длину и поперек в самом широком месте на 13 км. Выплывая на озерный простор, ждешь, что увидишь здесь и там деревеньки, поля, луга. Но нет — видишь полосы тростников (тресты, по-северному) и лес по низким берегам, лишь кое-где глаз заметит серые срубы рыбацких изб и возле них черточки лодок. Таково Лача: оно лежит в низких, сырых берегах. Поэтому люди селились на некотором удалении от него по течению впадающих в озеро речек, а на устьях речек ставились лишь промысловые избушки. Долго будет

плыть катер по озерному плесу, редко спокойному, чаще волнистому, пока вдали, в юго-восточной стороне, не завиднеется селение.

Это — село Нокола. Оно единственное на озерных берегах (подобно Чаронде, тоже единственной на озере Воже). Только здесь, за устьем речки Кодимы, повышается озерный берег и становится пригодным для житья. С давних времен, столь давних, что и легенд не сохранилось, поселились здесь люди. На основании археологических изысканий, которые проводились в Каргополье, в частности на берегах Лача, установлено, что ранние поселения человека здесь относятся к позднему неолиту, к третьему тысячелетию до нашей эры. На местах древних стоянок при раскопках найдены черепки глиняной посуды, роговые и костяные рыболовные крючки, гарпуны, кремневые наконечники стрел, каменные скребки, долота, топоры. Все эти предметы относятся к так называемой каргопольской культуре, для которой характерны керамические изделия с орнаментом из ямок и вдавлений гребенчатым штампом (предметы каргопольской материальной культуры можно видеть ныне в Каргопольской краеведческом музее). Древнейшие жители Каргополья жили оседло, небольшими родами. Так и на месте нынешней Ноколы существовало некогда неолитическое поселение, жители которого охотились на лосей, бобров, ловили рыбу.

Когда появились на берегах Лача первые русские поселенцы, мы достоверно не знаем. Но по упоминанию озера Лача в «Молении Даниила Заточника», написанном в конце XII либо начале XIII в., можем заключить, что уже в то время оно считалось частью обжитых земель наряду с другими русскими землями. (В тексте «Моления»: «Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы, кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем».) А если принять гипотезу, что Даниил был сослан на Лача, то следовало бы предположить, что некуда больше, как в Ноколу,— ведь Каргополя еще не было, да и стоит он на реке Онеге... Гипотеза, конечно, слишком малодостоверная, а скорее — легенда, но она, как все легенды, повышает наш интерес к старому рыбацкому селу, открывшемуся перед нами.

Еще издали увидели мы белую башню, возвышающуюся над озерными водами. Казалась она маяком на этом большом озере. Отчасти это верно: колокольня села Нокола вот уже почти двести лет служит ориентиром судам и лодкам, бороздящим Лача. В формах ее мы найдем много знакомого, совсем недавно виденного: отплывая от

Каргополя, мы любовались шестидесятиметровой соборной колокольной. Нокольская колокольня сооружена в подобие ей, разве что несколько ниже. Построена она в последнюю четверть XVIII в., когда крупное рыботорговое село вознамерилось не уступить захудалому уездному городку.

Колокольня каменная, трехъярусная, давно лишившаяся оглавления. Декоративное украшение ее скромнее, чем у каргопольской колокольни: ярусы оформлены лишь плоскими пилястрами, облик ее более суровый. Некогда, по-видимому, колокольня стояла на большем удалении от берега, но за истекшее время озеро подмыло песчаный берег, и колокольня оказалась на самом берегу. Она вросла в землю и чуть накренилась, но выглядит все так же отрешенно-величаво, особенно в серый ветренный день, когда накатывают к самому ее подножию холодные волны.

Колокольня, по-видимому, намеренно поставлена особняком. Церковь стоит несколько в стороне. Ныне здание ее перестроено, утрачено прежнее завершение. Нокольская церковь XVIII в. принадлежала к типу так называемых кубоватых храмов. У зданий этого типа четверик храма служил своеобразным постаментом оригинальной кровли в виде куба со срезанными углами (в профиль эта форма покрытия больше всего напоминает перевернутую луковицу). Куб уставлен главками, чаще всего пятью: одна центральная и четыре по сторонам — так было и на нокольской церкви. Но известны и одноглавые кубоватые постройки, известны и девятиглавые.

Кубоватое покрытие — тоже одна из загадок северного деревянного зодчества. Пришло оно, конечно, из теремного зодчества Древней Руси. Получило распространение со второй половины XVII в., применялось в XVIII в. только в Поонежье и на Поморском берегу Белого моря. Нигде в других местах Севера сооружений подобного рода не встречается. Повсеместно по Северу распространены шатровые церкви нескольких форм, реже клетские, но дубоватое покрытие относится к местным архитектурным формам Каргополя. Село Ноккола — крайняя южная точка проявления этой формы, далее к северу, по Онеге, памятники этого типа будут встречаться все чаще.

Южная оконечность озера Лача представляет собой мелководные заливы, заросшие тростниками, хвощами и другими болотными растениями, — подлинное раздолье для водоплавающей птицы (здесь учрежден заказник). В зеленом частокле тресты трудно угадать, где начинается река, если бы ее фарватер не был обозначен вешками.

Не сразу в тростниковых зарослях обнаруживается низкий торфяной берег, вытянувшийся в озеро узкими косами. В устье реки на сыром берегу стоят рыбацьи избы — в пунину здесь живет рыболовецкая бригада. Но вот кончились тростники, поднялся берег, притих ветер, разгуливавший на озерном плесе, катер плывет вдоль береговых кустов по тихой, спокойной речке, лишь стуком мотора нарушая летнюю сонную тишину. Мы вошли в Свидь.

Свидь — совсем небольшая река, протяженностью 61 км, но значение ее в прошлом было немалое. Она была торной дорогой на Каргополь. Двигались по ней караваны судов вологодских и белозерских торговцев солью, которые имели право закупать соль только в Каргополе. Речная дорога была оживленной, и со временем вдоль нее выросли деревни. То, что Свидь — река издавна обжитая, подтвердит нам и открывшийся впереди вид просторных полей, большое село с белой церковью вдаль. А вот и прибрежная деревня на левом берегу, но называется она тем не менее — Село.

Отсюда и начнем мы наше знакомство со свидскими деревнями, с краем крестьянской культуры. Повидав знаменитые памятники Каргополья, здесь мы не найдем им равных (церковь XVII в. в селе Астафьево на Свиди ныне не существует). Но мастерство северных древоделов проявлялось во всем, за что бы они ни брались: в рубке избы и ее украшении, в постройке часовни, в возведении мостов, в шитье лодок, в изготовлении домашней утвари. Вот к этим, порой скромным творениям, повседневно окружающим жизнь и быт северного крестьянина и поныне, мы и должны присмотреться внимательнее во время нашего путешествия.

Деревня Село названа так, конечно, не потому, что была селом, а от слова «селитва» — поселение. В селах встарь ставили церкви, а в деревнях часовни. Так и в Селе при входе в деревню со стороны реки стоит часовня.

Покровская часовня (XIX в.) конструктивно решена просто: к срубу самой часовни примыкает сруб притвора с забранной внутрь лестницей. Часовня завершается куполом со световым фонарем. Фонарь в форме восьмерика с четырьмя световыми проемами декорирован филенками, увенчан шлемом, из которого на тонкой ножке вырастает фигурная главка с крестом. Над притвором возведен невысокий восьмерик, на который поставлена звонница стропильной конструкции с четырьмя раскрытыми пролетами по сторонам света. Звонница завершается шлемовидным покрытием со шпилем.

*Покровская, часовня
в деревне Село.
XIX в.*

Особенностью интерьера Покровской часовни является световой фонарь, пропускающий верхний свет в помещение. Обычно конструкция кровли в деревянных часовнях и церквях скрывается «небом» — расписными досками; здесь же использован прием, заимствованный из каменного церковного зодчества. Да и вся часовня, обшитая тесом, с рустом по углам, классическим карнизом, оконными наличниками и окрашенная охрой, должна была, по замыслу строителей, получить облик каменного сооружения.

Часовня поставлена на высокий подклет, который был использован как складское помещение. В подклет ведет обитая железом дверь под навесом с северной стороны, с северной и южной стороны имеются окна с железными решетками и ставнями. И навес, и дверь, ставни были окрашены.

Искусство плотников, старавшихся изо всех сил приукрасить общественное здание, словно бы не исчерпало себя в нем, а перешло на соседние дома. Стоит перевести взор от

часовни в любую сторону, как наткнешься то на угол дома, обшитый резными досками, то на причелины и «солнца», то на резные наличники окон.

Разнообразие последних придает деревенской улице веселый, нарядный вид. Они почти на каждом доме, это стало местной традицией — украшать свои избы наличниками со ставнями. Пожалуй, ни в какой другой каргопольской деревне не встретишь такого их обилия. Есть дома, где у каждого окна свой рисунок наличника и ни один не повторяется. Хотя у мастеров-резчиков был сравнительно небольшой набор художественных форм, распорядились они им с большой фантазией.

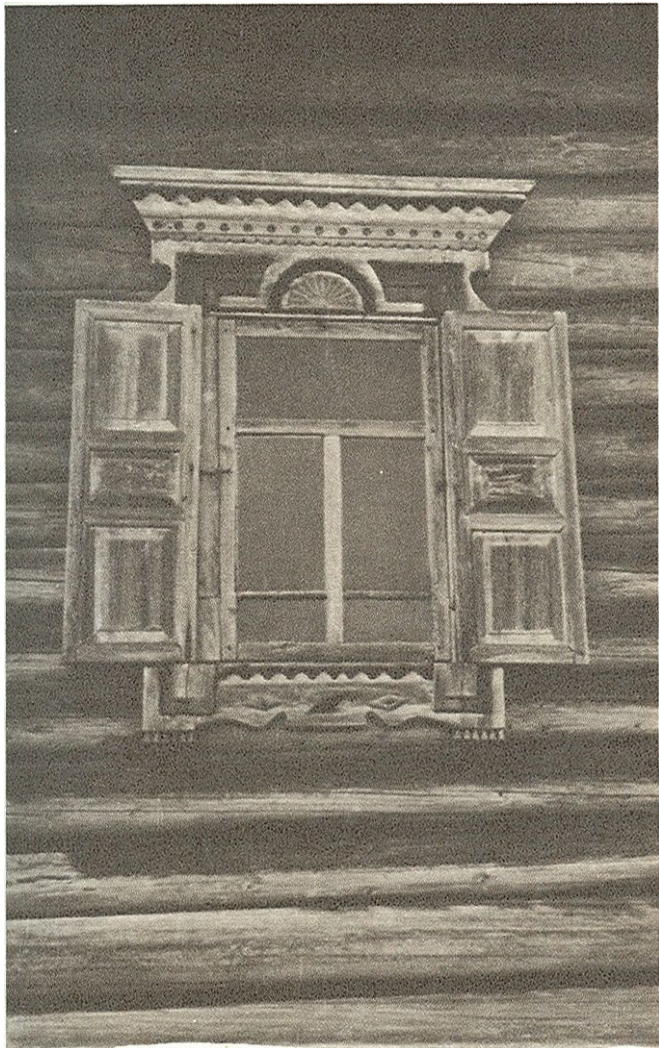
Тут найдем мы наличники с навершием в виде треугольного фронтона, или в виде прямоугольного карниза с горизонтальным членением полочками и «сухариками», или с пропиловочным завершением в виде решетки. Боковые доски зачастую оканчиваются резными капельницами, напоминающими бахрому полотенца. Нижние доски обыч-

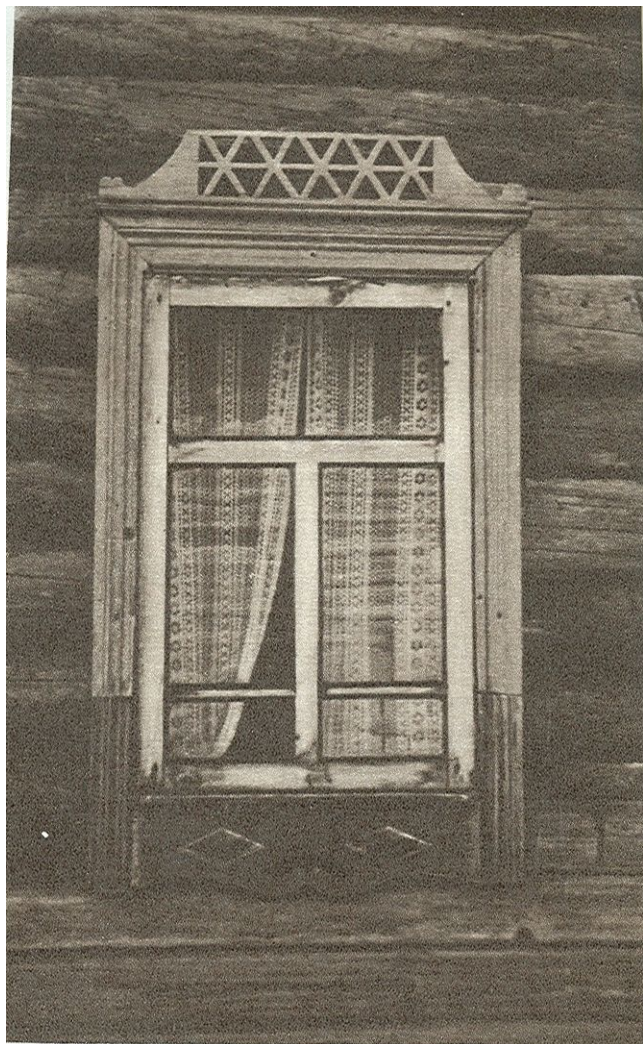
*Резной наличник избы
в деревне Село*

но очерчены красивыми линиями лекального профиля. Набор декоративных элементов в основном невелик — большей частью это солярное полукружие, ромбики и крестики. Ставни везде филенчатые, двустворчатые, обычно они расписывались, что придавало дому еще большую нарядность.

Избы в Селе сравнительно новой постройки; в оформлении их, в частности в рисунке наличников, нетрудно отыскать следы городского влияния. Самый старый дом здесь, а пожалуй, и на всей Свиди — дом 1860 г. Дом давно нежилой, обветшал, запустел, но в памяти сельчан сохранилось имя его последнего владельца, Василия Шамина.

Собственно, дома как цельного сооружения нет, осталась лишь одна изба. И полуразрушенный, обветшалый, выделяется он среди соседних домов своей особой статностью. Внушает почтение мощный сруб избы, простоявший сто двадцать лет не скосившись, сложенный из отборных сосен

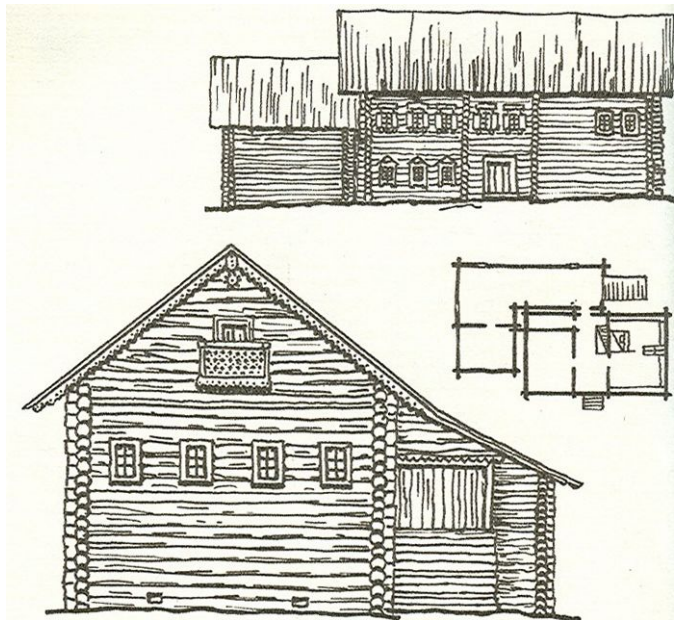

*Резной наличник избы
в деревне Село*

*Дом Бибина-Шамина
в деревне Село.
1860 г.*

с нижними венцами из лиственницы. Это четырехстенок с высоким подклетом, так что окна приходится на высоту второго этажа (подклет для хранения разного рода утвари служил как бы первым этажом). Оконные проемы, как во всех старых избах, небольшие, скупо вырезанные на фасаде, ничем не декорированные — над всем господствует бревенчатая стена. Но оформление фронтона вносит элемент нарядности и, пожалуй, приветливости. Под выступающим свесом кровли у слухового окна был прилажен небольшой декоративный балкончик. У балкончика некогда было изящное ограждение, исполненное в технике пропиловочной резьбы, ныне сохранившееся лишь частично. Впечатление нарядности дополняли резные причелины и резное многолучевое «солнце».

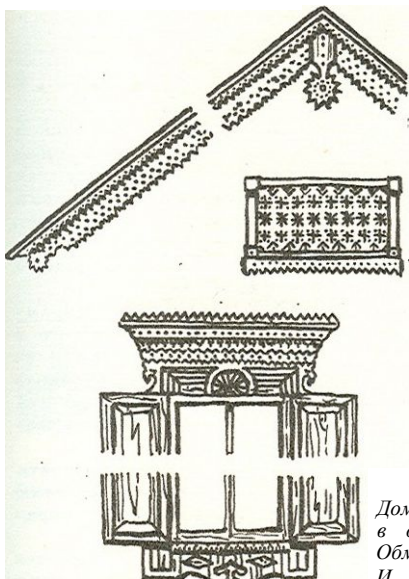
Даже то, что мы ныне видим, свидетельствует о первоклассности памятника. Каков же был дом прежде? К счастью, мы можем это узнать. Дом этот был некогда выявлен и обмерен известным исследователем русского деревянного

зодчества И. В. Маковецким и описан им в сводном труде «Архитектура русского народного жилища» (М., 1962) как дом Н. И. Бибина (предыдущего владельца, до В. Шамина).

И. В. Маковецкому довелось видеть этот дом в его дельном облике. Дом имел развитый боковой фасад, куда выходили окна горницы, причем, в отличие от более строгого лицевого фасада, окна бокового фасада были декорированы наличниками и ставнями. «Суровая северная изба казалась необычайно приветливой, гладко обтесанная бревенчатая стена — нарядной, конструктивные детали — изысканно красивыми, объем и силуэт здания — величественно стройными»², — так описывает исследователь свое впечатление от памятника.

И. В. Маковецкий описал также внутреннее пространство дома. Мы приведем это описание, поскольку планировка дома Бибина-Шамина типична для многих изб Каргополя.

*Дом Бибина-Шамина
в деревне Село.
Обмеры
И. В. Маковецкого*

«Бревенчатый помост, «взвоз», поднимался вдоль боковой стены избы непосредственно на второй этаж двора. Примыкающая к сеням горница предназначалась для жилья в летнее время. Подклет... имел самостоятельный выход, но не с улицы, а из подсенья. Изба делилась на две половины массивными, соединенными между собой шкафами, дверцы которых отворялись в обе половины. В шкафу стояла посуда, лежали полотенца, скатерти, белье. Обе половины имели одинаковые размеры и одно и то же (по два) число окон. В одной из них находилась русская печь, полавник (стол для приготовления пищи) и был сосредоточен весь хозяйственный инвентарь. Это была половина хозяйки. Во второй половине стоял стол для еды, лавки, кровати. Это была чистая половина избы. Здесь ели, выполняли домашние работы: ткали, пряли, ремонтировали упряжь, принимали гостей»³.

Очевидно, перед нами не просто дом. Это хоромы (хоромами назывались встарь жилые постройки из нескольких

связанных между собой клетей). Про такие дома говорится в народной поэзии:

«Как про старое время доселешнее.

Про хоромы наши сказывают».

Дом 1860 г. своего сказания заслуживает,— во всяком случае, для науки он не пропал бесследно. Он и стоит как сказание о высоком плотницком мастерстве. Обветшал дом, прогнила кровля, а не осел, не скопился, ровно стоит, как поставили. И не зря стоит. Люди, проходя мимо, взглядывают на нех-о с уважением, а иной прохожий, увидя незнакомого человека возле дома, подойдет, поздоровается, скажет: «Да, вот как надо строить!»

Часто, видя памятник деревянного зодчества, которому угрожает гибель, мы говорим, что надо перевезти его в музей под открытым небом. Но ведь все памятники не перевезешь... Пора прийти к другому решению: хранить памятники, достойные музея, на местах. Ведь в какой-то мере и деревня Село может претендовать на скромное звание музея своей округи.

А дом 1860 г.— его надо сохранить непременно, и сделать это можно силами самих сельчан. Работящие, ловкие руки всегда найдутся в деревне, где люди умеют строить и украшать свое жилище.

От Села через поле в нескольких километрах виднеется белая каменная церковь. Это село Хотеново. Идя к нему полевой дорогой, осознаешь, что здесь можешь употребить просторное слово — окоём. Леса отошли вдаль, преобладает полевая ровень, и в погожий летний день кажется, что ты где-то в средней полосе России. И само церковное здание, когда мы подойдем ближе, тоже кажется более уместным в средней полосе, где немало было построено подобных церквей в «епархиальном стиле» конца XIX в., а не на каргопольском Севере с его белокаменными соборами и шатровыми церквями.

Но, очевидно, памятуя, что здание воздвигается на Севере, его неизвестные нам строители использовали местный мотив шатра для завершения восьмигранного светового барабана и четырех фальшивых деревянных барабанов по углам, как и колокольни над папертью.

Идея оказалась оправданной: здание, скучное вблизи и ординарное но планировке, на удалении имеет дробный многоглавый живописный силуэт. Крупное белое здание оживляет окоем и, будучи поставленным на верхней точке плато, видно даже с озера Лача.

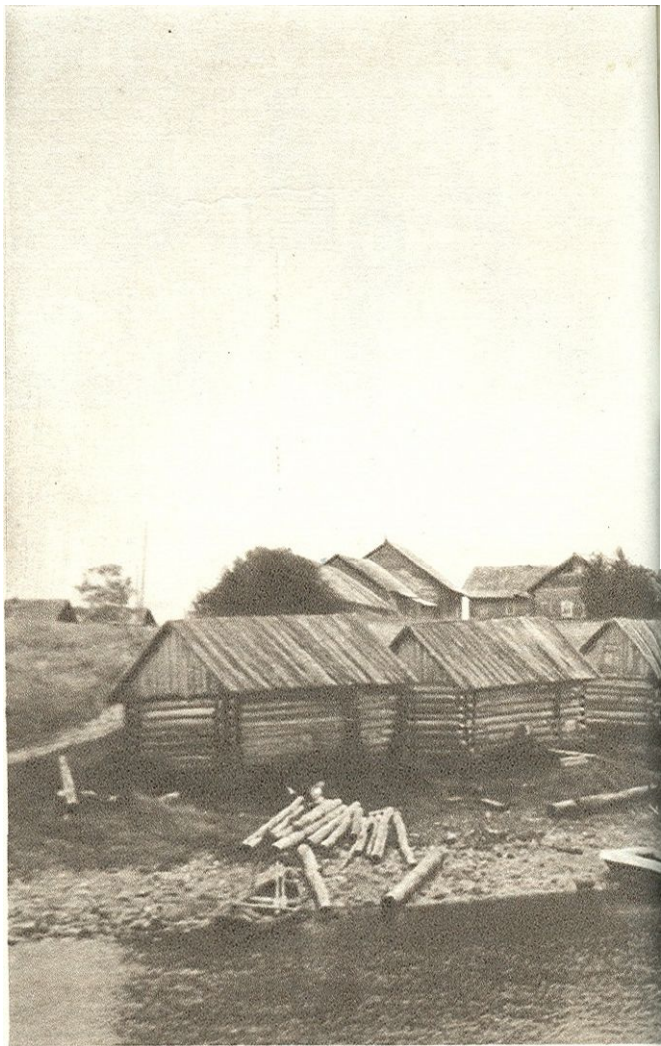
*Каменная церковь
в селе Хотенове. XIX в.*

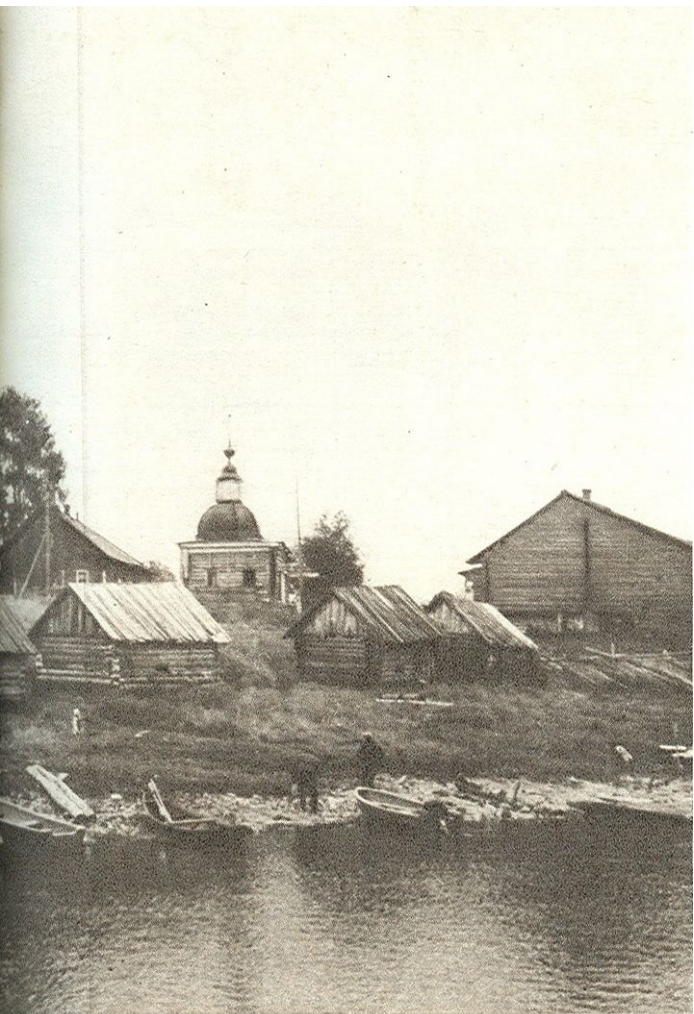
*Деревня Мальшинское
на реке Свид и*

Тиховодна и неширока Свидь в нижнем и среднем течении. Склонились кусты ивняка над водой, лежат на воде листья кувшинок и белые водяные лилии. Левый берег более возвышенный, по нему расположилось большинство свидских деревень, а правый — низменный, луговой, но невелики луга на лесной реке, тянутся они узкими полосками, стоят по берегам небольшие стожки-зароды, кони пасутся — мирные, приветливые картины, какие увидишь во многих местах России. И когда мы будем подплывать к новой деревне, ее облик тоже покажется нам знакомым.

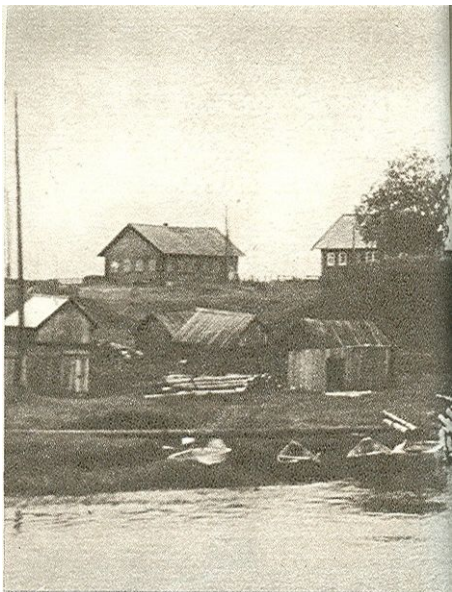
Мальшинское, в отличие от других, нашло себе место на правом берегу. Пожалуй, это одна из живописнейших свидских деревень. У лодочного причала встречают нас вереницей выстроившиеся баньки. Мимо них дорога идет на взгорок, на котором расположилась деревня.

Как обычно для приречных деревень, она начиналась с ряда домов, выстроившихся вдоль реки; в дальнейшем

*Каменная церковь
в селе Бор. XIX в.*

под прямым углом к приречному ряду возникла деревенская улица. Между приречным рядом и улицей образовалась небольшая площадка, где и была поставлена часовня. Однако постановка ее определялась и другим обстоятельством: из-под пригорка, на котором стоит часовня, бьет родничок, водой которого пользуются и поныне. Ставить часовни или кресты у родников — традиция, идущая из древности.

Часовня по форме напоминает уже виденную нами в деревне Село. Сохранился лишь главный сруб, притвор со звонницей утрачен. Кубический в плане сруб завершается куполом стропильной конструкции с деревянным барабаном над ним и фигурной главкой с крестом. Прежде сруб часовни был обшит и раскрашен. Прихотливо затесавшись в череду домов, простое сооружение это увеличивает живописную привлекательность лесной деревушки.

Двигаясь дальше вверх по реке, мы подходим к селу Бор. Оно предстает четким рядом статных изб, выстроив-

шихся по берегу, а внизу под ними, тоже рядом, поставлены баньки с поленицами дров, и по всей береговой кромке лежат лодки, самые разные.

В селе Бор, названном по-лесному, где все вокруг построено и слажено из леса, стоит каменная церковь. Но церковь эта не звучит диссонансом в краю деревянного зодчества. Она несколько приземистая, простой формы. Куб храма перекрыт сомкнутым сводом, к нему прилегает широкая полуциркульная апсида. С запада к храму примыкает трапезная небольших размеров и колокольня над притвором. Декоративное убранство церкви самое простое: пилястры по углам и полуциркульные дуги над окнами храмового куба; выразительнее отделана колокольня, раскрытая на четыре стороны,— пролеты звонницы выделены в классическом духе пилястрами с фронтовым завершением, выше на четверике поставлен каменный барабан, из которого вырастает высокий фигурный шпиль. Барабан и главка над храмом деревянные.

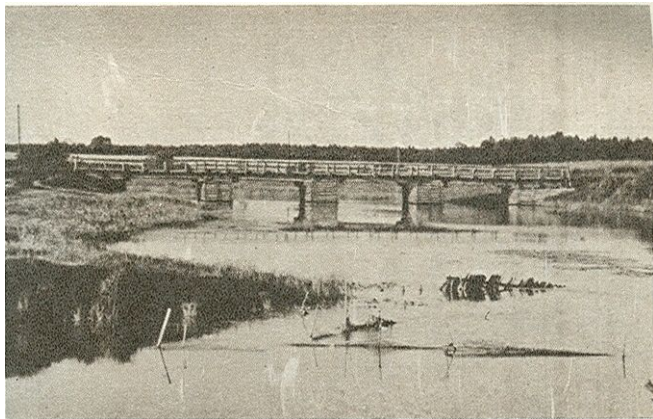
Маленькая церковка эта при всей своей непритязательности наделена благородством облика и хорошо рисуется в пейзаже. По-видимому, правилась она и местным жителям, поскольку в подобие ей ставились позднейшие деревянные часовни по Свиди, в частности уже увиденные нами в деревне Село и деревне Мальшинское.

Невелика река Свидь, невелики и ее притоки-ручьи. Лишь одна речка — Миненга — впадает в нее по левому берегу выше села Бор. Через Миненгу в ее устье возведен мост на тракте, соединяющем большинство свидских деревень.

Мост старой конструкции: построен на «городнях» — деревянных срубках, внутри засыпанных бутовым камнем, как традиционно строили мосты в Древней Руси. Он четырехпролетный. Городни срублены гладко, без остатка — так называемая рубка «в лапу», углы срубов скошены, в плане они имеют восьмиугольную форму — так красивее, а главное, безопаснее при нажиме льда в ледоход. Не один такой мост в Каргополье, есть мосты и постарше и более значительных размеров, как, например, два моста XVIII в. на реке Кене. Каждый раз при виде таких сооружений радуешься и восхищаешься мастерством северных плотников-умельцев, сочетавших в любых постройках точный инженерный расчет с простотой и ясностью решения. Так и на Свиди творение местных умельцев — мост через Миненгу — дополняет картины здешних мест, красиво вписывается в пейзаж ее невысоких берегов.

Скромны и просты виды Свиди, но все — и плесы ее, и сбившиеся кучкой избы на берегах — полно очарования, той невыразимой прелести, которой обладают деревни на тихих речках. Как мы уже заметили, для небольших свидских деревень характерна рядовая застройка вдоль реки; в деревнях побольше к ней прибавлялась уличная застройка. Но в некоторых небольших деревнях нет единства застройки: дома стоят один боковым, другой лицевым фасадом к реке, что, конечно, не умаляет живописности северной деревни.

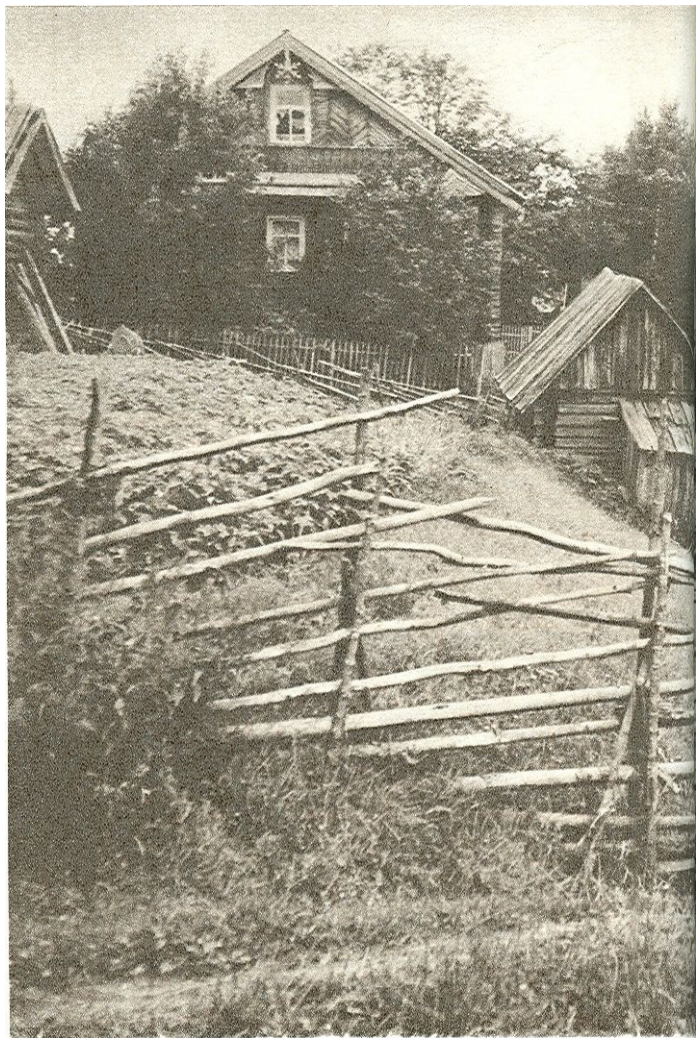
Такова деревня Селище выше устья приточной речки Миненги — деревенька, как знакомое нам Село в низовье, не придумавшая себе иного названия (а иные дальние северные деревни назывались еще проще: Жители). Она уютно расположилась у речной излучины, выстроившись рядом изб, с баньками на берегу, вереницей лодок на галечниковой бровке; напротив, за неширокой спокойной рекой, — узкая полоска лугов со стожками-зародами и сразу лес.

*Мост на городнях через
реку Миненгу. XIX в.*

*«Дом с резным солнцем»
в деревне Селище. XX в.*

Идешь короткой улицей такой деревни вдоль чинного рядка домов и невольно упираешься взглядом в дом над береговым откосом, поставленный боковым фасадом на реку, лицевым на путника. Это добротный, статный четырехстенок на высоком подклете с крытым двором. В отличие от более традиционного для северных изб покрытия по самцовому фронтону (то есть когда бревенчатая стена избы составляет единое целое с фронтоном) здесь применена стропильная конструкция крыши. Дом поновлен хозяевами, что выразилось в перекрытии крыши шифером и в окраске оконных наличников, но при этом были заботливо сохранены элементы декора. Фронтон обшит тесом «в елочку», сохранены причелины с красивой волнообразной порезкой и «полотенцем» на конце, ветряная доска фронтона поддерживает резное шестилучевое «солнце», похожее на звездочку-снежинку. Подобные элементы декора — причелины, резные «солнца» — можно видеть на многих свидских ломах и подивиться их разнообразию.

Глядя на «дом со звездочкой», мы замечаем, что, в отличие от деревень, расположенных севернее — а чем севернее, тем аскетичнее их облик, — деревни по Свиди еще сохраняют в своем облике нечто от среднерусских деревень, да и сама река на тихих плесах очень похожа на спокойные среднерусские реки. Перед домами на Свиди нередко можно увидеть палисадник (как перед «домом со звездочкой»), и хотя разросшиеся деревца и кусты заслоняют дорогое солнышко, их не вырубают, да и вдоль деревенской улицы растут деревья, придавая на отдалении деревне вид сбившихся в кучу деревьев и крыш, как обычно выглядят среднерусские деревни.

И все-таки, глядя на панораму свидской деревни, зритель не обманется — подобная организация жилища встречается лишь на Севере. Усадьба здесь не объединена с домом в одной ограде, а кажется прихотливо разбросанной. Огородик не сзади, а перед домом, за прясельной изгородью, как огораживают в Каргополье — из косо поставленных жердей (по форме ограждения зачастую можно определить местонахождение памятника деревянного зодчества, поскольку разным районам Севера присущи свои традиционные типы ограждений). Тут же, перед домом, рубленый амбар, а на скате берега — банька. Присмотревшись, понимаешь, что все поставлено так, как и надо было ставить исходя из особенностей рельефа местности. Вроде бы ничего особенного, незнакомого нет ни в самом доме, ни в его отделке, но стоит он так, что, проходя береговой дорогой или проплывая рекой, на него непременно обратишь внимание.

Пассажирский катерок причаливает у села Астафьева, напротив которого через реку стоит деревня Горка. Дальше пути нет, дальше кончаются обжитые места, река течет в сырых берегах, пересеченная порогами и перекатами. В прошлом веке у деревни Горки была сооружена плотина и устроен шлюз, позволявший маленьким парходикам и баркам проходить от Каргополя до Чаронды. Ныне плотины этой не существует, транспортное сообщение между соседними областями происходит иными путями.

Астафьево еще недавно привлекало многочисленных туристов, приезжавших полюбоваться на замечательную церковь XVII в. древнего «столпного» типа. Издалека был виден ее восьмерик-башня и высокий шатер. К сожалению, время не пощадило ее. Начались необратимые процессы разрушения, а срочные консервационные меры не были предприняты. Сгорела от удара молнии и стоявшая

Село Астафьево.
Ворога циклопической,
кладки. 1866 г.

«Дом в порогах». XIX в.

рядом вторая, тоже деревянная, поздней постройки. Егорьевская церковь, и остались на церковном месте лишь двое каменных ворот циклопической кладки, сложенные из огромных блоков. Когда с привычного места исчезает здание, всегда удивляет, как мало места оно занимало и как на этом пространстве умещались два столь значительных сооружения. На западных воротах можно разобрать высеченную на камне надпись: «Ограда... 1866 года».

Проплыв судходную часть Свида, побывав в деревнях, мы не могли не заметить, что окружающие их поля и дуга трудом поколений крестьян были отвоеваны у леса, что использован был каждый клочок пригодной земли. Заметили мы также, что, чем выше по реке, тем уже полоски прибрежных лугов, тем ограниченнее размеры полей. За Астафьевом выше — деревенька в один дом, а дальше — сырой торфяной берег. За деревней Горкой по возвышенному правому берегу над каменистым перекатом — еще деревенька в один дом.

На голом берегу, над рекой, засеянной валунами, стоит этот дом в одиноком суровом величии. Некогда он первым встречал всех плывущих по Свиدي вниз.

Дом нежилой. Собственно, от дома сохранился один остов, но остов, который не назвать иначе, как могучим. Простоял этот столетний великан до наших дней и многое может поведать о себе. Обратим внимание на его расположение. Лицевым фасадом он обращен на «летнюю», южную, солнечную сторону, а боковым — к реке (Свидь течет примерно с юга на север). Двери дома, как обычно, располагались по боковому фасаду, выходя на реку: река была главной дорогой. Изба была четырехстенной, что обычно для Каргополя, как и высокий подклет. Но больше всего изумляет нас боковая протяженность строения. К самой избе прирублены сени под одной с ней крышей, а к ним примыкает превышающий избу почти вдвое огромный пятистенный сруб «стаи» — крытого двора. По боковому фасаду его шесть окон — окна двух холодных гор-

ниц-боковуш, которые использовались под летнее жилье и как чуланы.

Дом и сейчас производит впечатление -могучего корабля, противостоящего ветрам и непогоде, но когда-то он производил еще более внушительное впечатление — когда примыкал к нему третий крупный сруб сенника, куда вел взвоз — помост, поддерживаемый кряжистыми бревнами. Крыша, как обычно у северных домов, крыта тесом. Свес кровли далеко выступает над бревенчатым фронтоном, некогда он был обшит изнутри и раскрашен. Во фронте прорублено широкое, так называемое «тальянское» окно — следы городского влияния. Сохранились резные причелины. Декоративные элементы лишь немного смягчали суровый облик здания. Охлупней с «коньками» в деревнях по Свиди, по-видимому, не применяли. Здесь господствовал свой строгий, почти монументальный стиль.

В таких домах, как этот, прежде жила большая семья, которая вела общее хозяйство. Путешественники этногра-

фы прошлого века описывали семьи в тридцать человек, жившие под одной крышей. Не забудем, что у дома была усадьба с отдельно стоящими срубами амбара, бани.

Дом в порогах, как и дом Бибина-Шамина в деревне Село, дает нам представление об одной из типичных разнородностей северных изб, характерных для Каргополя.

С таких вот одиноких изб, прочно вставших на обживаемом месте, и начинались некогда северные деревни.

Шумит река на порогах и перекатах, прежде кроткая, здесь суровая. Всего семнадцать километров водного пути остается до озера Воже. Там начинаются уже земли вологодские.

Расставаясь со Свидью и ее памятниками старины, вспомним, что эта скромная, небольшая река прославлена не только деревянным зодчеством. С этими местами связано происхождение нескольких замечательных икон.

В экспозиции вологодского музея можно увидеть прекрасную икону Параскевы Пятницы, относящуюся по стилю письма к новгородской школе XV в. В Русском музее в Ленинграде хранится Владимирская Богоматерь с избранными святыми на полях, относящаяся к вологодской школе XV в. Не вдаваясь в анализ этих произведений, мы можем заключить, что на Свидь распространялись художественные влияния двух крупных культурных центров Древней Руси.

Для нас, посетивших деревни и села по Свиди, познакомившихся с различными памятниками преимущественно деревянного зодчества, быть может, особый интерес должна представлять более скромная икона, относящаяся к так называемым «северным письмам» и, возможно, созданная местными мастерами. Это икона XVIII в. «Явление Богородицы и Николая Чудотворца пономарю Юрышу» из ныне несуществующей астафьевской шатровой церкви.

Это произведение народного искусства, близкое лубку. Между фигурами сидящей Богоматери и стоящего Николая Чудотворца растет фантастическое растение с древесным стволом, но с гигантскими цветами на ветвях. Над кроной его в полуовале изображен Спас-Эммануил. Внизу, у ног святых,— крохотная коленопреклоненная фигурка пономаря. Согласно легенде, Юрыш (то есть Юрий) шел лесом в Тихвин для принятия священства. В лесу произошло чудесное явление Богоматери вместе с Николаем Чудотворцем. Богоматерь велела Юрышу передать людям, чтобы на церкви в Тихвине был поставлен деревянный крест, а не железный, поскольку Христос был распят на деревянном кресте, а не на железном. Юрыш исполнил ее

повеление, но мастер его не послушался, полез на кровлю укреплять железный крест и свалился.

Легенда эта, безусловно, возникла в плотницкой среде. В ней отразилась своеобразная гордость мастеров-умельцев своим ремеслом — под их топорами столь податливый материал, как дерево, способен был преобразовываться в самые разнообразные формы построек и предметов. Богоматерь и Никола Чудотворец, считавшийся и покровителем плотников, как бы передавали свое благословение мастерам-древодолам.

С этой старинной легендой мы и покидаем приветливую речку Свидь.

В каргопольской земле все пути ведут в Каргополь, как «столицу» края. Туда мы и вернемся.

В дополнение к нашему водному маршруту по Свиدي и Лача можно порекомендовать поездку в Тихманьгу и Шилду, где находятся интересные памятники деревянного и каменного зодчества. Места эти относятся к окрестностям озера Лача.

А наш путь лежит от Каргополя на Лёкшозеро, откуда и начинается собственно каргопольский озерный край.

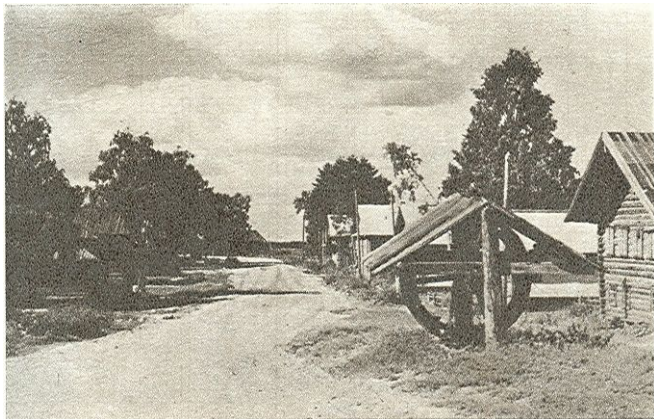
2. Лёкшмозерская округа

За Каргополем к западу простирается равнинная местность, и, кажется, ничто не предполагает близость озерного края. Обширные поля, колки скудных лесов, пыльные дороги летом, — и ни речки, ни ручейка, ни озера; потому и называются эти места — «каргопольская сушь».

Будет по пути деревня Гринево, за ней село Печниково, названное так будто бы по находимым в окрестностях чудским ямам — «печищам», следам поселений древних жителей. Места эти с давних пор известны гончарными промыслами, на основе которых возникла прославленная ныне каргопольская глиняная игрушка. В Гринево жила известная народная мастерица Ульяна Ивановна Бабкина. Ныне традиции старых мастеров продолжают мастерицы артели «Каргопольская игрушка».

Проезжая Печниково, следует обратить внимание на оригинальную конструкцию колодцев с огромными воротными колесами. Обычно на Севере распространены колодцы с «журавлями», а в ряде приречных и приозерных деревень и колодцев нет, но здесь, в «каргопольской суши», водоносный пласт залегает очень глубоко — заглянув в сруб, еле заметишь в черной бездне крохотную блестящую воду. Колодцы эти стоят как память прошлого, население пользуется водой из артезианских скважин.

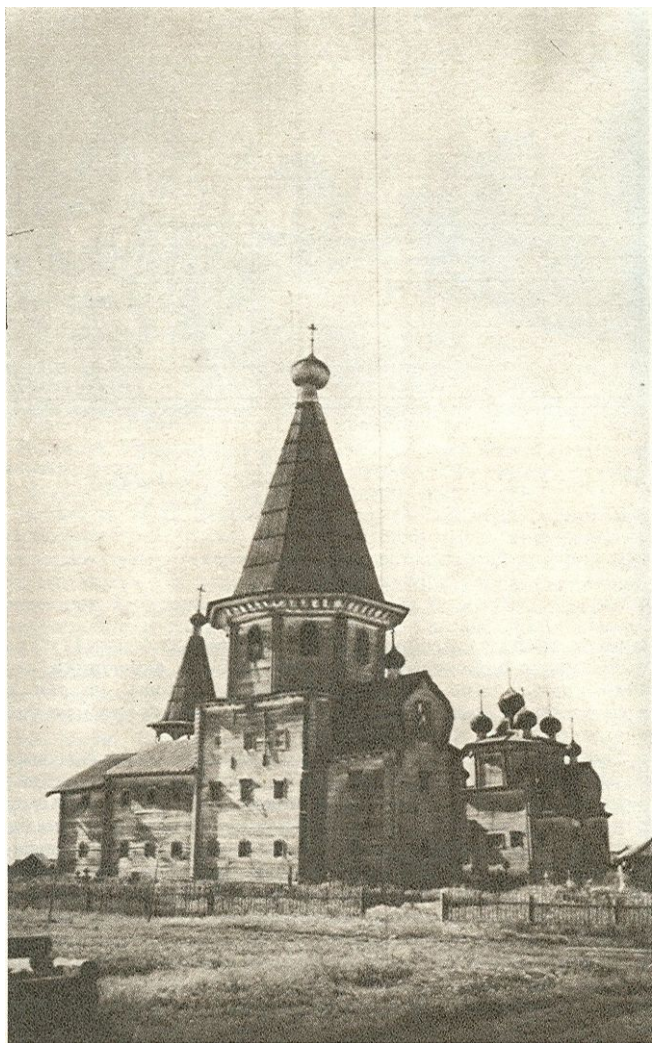
Двигаясь дальше широким лесным трактом, еще издали увидим мы на зубчатом фоне леса высокий конус в подобие ели — шатер церкви. Мы попадаем в село Лядины, где находится замечательный в истории русского деревянного зодчества ансамбль: шатровая Покрово-Власьевская

*Село Печниково.
Колодец с воротным
колесом. XIX в.*

церковь (1761 г.), двенадцатиглавая Богоявленская (1793 г.) и шатровая колокольня (XVIII в.). Хотя памятники эти многократно описывались и воспроизводились, но тем и замечательны подлинные творения зодчества, что каждый раз открываешь в них новое.

Так и в Лядинах. Стройная красота огромного шатрового Покрово-Власьевского храма и прихотливое очарование осыпанной главками Богоявленской церкви с ее уникальным в истории деревянного храмового зодчества так называемым «круглым» крыльцом, тонкий, выразительный силуэт звонницы — как будто бы все это уже известно. Известным казалось и пространственное решение ансамбля. Предполагалось, что эти общественные сооружения, как и другие памятники «каргопольской суши», в частности в Саунине, в Красной Ляге, стоящие на ровной местности, пространственно ориентированы относительно проезжих дорог. Это казалось настолько само собой разумеющимся, что иных мнений не возникало.

*Село Лядины.
Ансамбль XVIII в.*

*Бывшая Челмогорская
пустынь*

Но недавно подробными исследованиями архитектора Ю. С. Ушакова⁴ установлено, что прежде Лядины находились не в безводной местности, существовало озеро карстового происхождения, которое со временем исчезло. Таким образом, первоначальное поселение возникло при озере и по отношению к нему, а не к дороге, проложенной позже, были пространственно ориентированы общественные сооружения (настоящий ансамбль XVIII в.— второй по счету, до него в XVII в. на том же месте стояли Покровская и Георгиевская церкви). Открытие Ю. С. Ушакова, безусловно, расширяет наше представление о композиционном построении древнерусских ансамблей, об их чуткой связи с природным окружением. Ныне, бродя по окрестностям Лядин, мы должны воспринимать архитектурные памятники, вообразив гладь озера в западной стороне, ближе к речке Лёкшме.

За Лядинами, за речкой Лёкшмой начинается настоящий северный лес, глухой, сырой, с черными островерхими

елями и зеленым подстилом мха, перемежаясь бурыми пространствами моховых болот, поросших чахлыми сосенками. Тут впервые и озерко блеснет во мху близ дороги. Так десятка два километров через лесную глушь будет вести старейший пудожский тракт, пока не поредеет лесная чаща, не распахнется даль и взору путника предстанет во всей красе Лёкшмозеро.

Лёкшмозеро имеет ровную овальную форму: вдоль — тринадцать километров, поперек — четыре-пять. Прекрасна его светловодная чаша летним днем под опрокинутой над ним чашей голубых небес. Озеро лежит в золотистых песках и окаймлено ровной полоской лесов. Как у многих озер ледникового происхождения, поначалу глубина в нем нарастает медленно — несколько сот метров можно отойти от берега и все будет мелко; потом дно резко ниспадает и уходит откосом в черную глубину.

Три поселения расположены на озере. Это деревня Орлово, по-старому Орлова Гора, куда вывел нас пудожский тракт; на восточном берегу — деревня Труфановская, а на северном — село Лёкшмозерское (Морцихинская).

Селения эти впервые упоминаются в документах XVI в., хотя история Лёкшмозерской округи гораздо древнее и восходит, как и у многих других северных мест, к легендарной чуди, а если копнуть еще глубже, то и к неолиту, к каргопольской культуре.

Но нас будут интересовать времена к нам более близкие и те зримые следы прошлого, которые сохранились и в здешних селениях и в окружающей природе.

На полпути между деревнями Орловой и Труфановской вытекает из озера Лёкшма. В истоке своем носит она название Челма (что по-саамски означает протоку между двух озер) и соединяет большое Лёкшмозеро с небольшим лесным озерком Монастырским, или Челмским. Местность здесь повышается, по положому склону холма лежат неширокие поля, а на вершине горки, круто обрывающейся к озеру с топкими берегами, возвышается плотная купа старых елей, из которых выделяется одна, самая большая.

Некогда здесь находился Челмогорский, или Челмский, монастырь, а точнее, пустынь, малая обитель, какие некогда возникали и исчезали на русском Севере. Об истории большинства из них нам мало что известно, но Челмогорской пустыни больше повезло — сохранилось житие ее основателя Кирилла Челмогорского.

Житие это, отмеченное В. О. Ключевским в его известной работе⁵, содержит немало интересных сведений для истории края. Несмотря на то, что известный нам текст

относится к XIX в. и представляет собой переработку первоначального текста XVII в., это единственный исторический источник, помогающий нам хоть отчасти восстановить прошлое Лёкшмозерья.

Конечно, относиться к этому источнику приходится критически. Согласно тексту жития, основание Челмогорской пустыни относится к XIV в., то есть история ее древнее самого Каргополя (первое письменное известие о Каргополе относится к середине XV в.). Однако дата эта признается ошибочной, и основание пустыни переносится на столетие позже, ко второй половине XV в., хотя и эта дата свидетельствует о древности пустыни. Очевидна также зависимость жития Кирилла Челмогорского от жития Нила Столбенского, с которым оно совпадает в ряде эпизодов, и тем не менее живые приметы прошлого в нем содержатся.

Кирилл был новгородцем и пришел на пустое место в малонаселенном крае, которое стал осваивать. Основание им пустыни на Челме-горе, таким образом, включается в процесс так называемой «монастырской колонизации» Севера в XV—XVI вв. Примерно в одно время с Кириллом в окрестностях Каргополя основывает свой монастырь Александр Ошевенский, а на острове в Белом море возникает Соловецкий монастырь.

По свидетельству жития, Кирилл прожил на Челме-горе пятьдесят лет и умер, не обретя преемников. Лишь спустя некоторое время на месте отшельнической кельи собралась братия и началось монастырское устройство¹. В XVI в. вместе с ростом благосостояния торгового города Каргополя растет и монастырь. Вместе с Ошевенским он входит в число околгородных обителей. Известен монастырь и московскому правительству — в эпоху Грозного он используется как место ссылки неугодных лиц⁷. В это время монастырь имел три церкви (одна из них надвратная), в нем жило сто человек монашествующих (если сведения жития верны).

В годы так называемого Смутного времени шайки «литовских людей» и «русских изменников» разоряют монастырь и, по-видимому, выжигают его дотла. После «лихолетья» монастырь восстанавливается, но не достигает прежнего благополучия. Для упрочения своего положения обители необходимо было прославить своего святого основателя, и это дело принимает на себя священник Покровской лядинской церкви Иоанн, уроженец села Лёкшмозерского. Он составляет текст жития Кирилла и пишет его икону. Иоанн, называющий себя «иереем-изогра-

фом» (то есть священником-художником), был одним из тех, зачастую безвестных, северных мастеров, выходцев из крестьян, которые создали оригинальное направление в русской иконописи, ныне называемое «северными письмами». Согласно иконописной традиции, Кирилл изображался «подобием надсед, власы не с ушей, брада доле Сергиевы, мантия краткая, ряса зеленая»⁸. Таким он изображен на поздних иконах, которые можно было видеть в Покровской церкви в Лядинах, в церкви на Хижгоре. В Богоявленской церкви села Лядины некогда хранилась икона Кирилла Челмогорского с изображением его пустыни. «Палатное письмо» этой иконы могло бы дать нам некоторое представление об облике Челмогорской пустыни.

Дальнейшая история пустыни типична для многих небольших северных обителей. В XVIII в. она влачит скудное существование, а в 1764 г. упраздняется, как и еще около полусотни олонецких монастырей.

Через сто лет монастырь был возобновлен. Был возведен каменный храм с колокольней, построена каменная ограда. По переписи 1892 г., жило в нем семь монахов.

В наше время ничего не сохранилось из монастырских построек, но осталось историческое место, остался исторический пейзаж, и это порой не менее важно, чем старые постройки, да и само место таково, что не обойти его в Лёкшмозерской округе.

Пустынь была расположена именно пустынно, хотя и не столь далеко от жилых мест, но уединенно, над тихим лесным озером. Одинокó возвышается купа черных елей, далеко видимая с Лёкшмозера. Издали кажется, что еловая роща скрывает какие-то строения: часто в озерном крае в еловой роще стоит церковка или часовенка. К Челме-горе подходишь с ожиданием обнаружить нечто сохранившееся, но находишь лишь следы былого — фундаменты церкви, часовни и монастырской ограды.

Былое здесь не в зданиях, которые не сохранились, а в этих древних деревьях. В лесном крае это как будто бы не диковинка, но стоит лишь взглянуть на этих суровых великанов, чтобы понять чувство почитания, которым и славяне, и чужь окружали такие величественные деревья. Старые деревья стоят дружной купой, и лишь одна ель, самая высокая и самая старая, — несколько поодаль на выкошенной полянке, где поставлен стожок-зарод. Сколько ей лет — двести, триста? (Сосны и ели живут до четырехсот лет.) Хочется думать, что она современница монастыря и вся его история прошла возле нее. Силуэт ее очерчен плавной мягкой линией, конус ее густой хвои кажется на удале-

нии шатром деревянной церкви. Сколько раз, плывя северной рекой, проезжая северными дорогами, видишь на зубчатом фоне дальнего леса возвышающуюся над всеми будто бы ель, на самом деле — шатер сельской церкви. Так было и у нас по пути на Лёкшмозеро, на подходе к Лядинам, когда еще издали возник над лесом шатер Покровской церкви. Здесь же, на Челме-горе, не рукотворное чудо северных плотников, а природное чудо — древняя могучая ель.

Я считаю должным сказать о ней, потому что прекрасное, к которому ведут наши дороги, не одни здания, но и сама природа и ее творения. «Памятники природы» — таким термином определил немецкий естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт прекрасные создания самой природы. Здесь перед нами такой памятник. Так же как охраняем мы памятники архитектуры, надлежит нам охранять и природные достопримечательности — вот это уникальное дерево, подобного которому не найти ни в среднерусских парках, ни в северных лесах, а вот здесь, на горе, было выхлещено человеком и за долгие годы окрепло и взметнулось живой памятью лёкшмозерской старины.

И северный крестьянин, который живет в окружении лесов, который поколениями отвоевывал с огромным трудом у леса пашни и пожни, прорубал сквозь дебри дороги, понимал красоту дерева, стоящего выделенно, как и красоту еловой рощи над озером. Путешествуя дальше по озерному краю, мы не раз в этом еще убедимся. Почитание заповедных деревьев идет, конечно, с языческих времен, но и мы, видя древние деревья, свидетелей былого, проникаемся чувствами наших далеких предков, наделявших дерево могучей и доброй душой.

Из седой древности, о которой поведала нам Челма-гора, называемая встарь также «чермной» (то есть красной, прекрасной), вернемся на прекрасное Лёкшмозеро.

Огромным зеркалом приветливо сияет озеро в погожий день, бурным морем предстает оно в день непогожий, когда гуляют по нему волны, послушные всем ветрам. С южного берега, где мы находимся, в солнечный день хорошо видно колокольню церкви лёкшмозерского села. Туда мы и направимся, береговой ли дорогой, попутной ли моторкой.

Челмогорская история и здесь напомнит нам о себе. «Иерей-изограф» Иоанн, составитель жития Кирилла Челмогорского, был родом из веси Лёкшмозерской и в начале XVII в. служил дьячком в местной церкви Петра и Павла. Церковь эта была, конечно, деревянной. Сколько простояла та церковь и обновлялась ли, мы не знаем, но

знаем, что в начале XIX в. на месте прежней деревянной была поставлена каменная, сохранившая название Петропавловской (не часто встречаемое на Севере).

Церковь стоит на берегу озера и в окружающем пространстве кажется меньше своих действительных размеров. Облик ее прост и скромен, характерный для сельских приходских храмов, выстроенных в классическом уездном стиле. Невысокая однопролетная колокольня поставлена над папертью, завершение ее шлемовидное со шпилем. Помещение трапезной обширнее храма, потолок ее лежит на двух столбах. Небольшое помещение храма перекрыто сомкнутым сводом, апсида полуциркулярная. Над храмовым куполом возведен деревянный барабан с главкой.

Среди плоских лёкшмозерских берегов вертикаль церковной колокольни и высокие деревья на Челме-горе поныне служат местным рыбакам своеобразными ориентирами, относительно которых они определяют места выметывания сетей на озерном плесе, не имеющем островов и других примет.

Пудожский тракт отошел от Лёкшмозера к западу, а в другие стороны от людного лёкшмозерского села начинается край, обычно называемый бездорожным. Название это не вполне точное, хотя до сих пор закреплено за многими из северных мест. Север с давних пор не был краем без дорог, иное дело, что не подходят старые северные дороги для современного транспорта и современных скоростей. Дорог, когда-то связывавших район Лёкшмозера с другими обжитыми местами Каргополя, от села расходится несколько, и все они ведут в новые прекрасные места.

К востоку идет дорога на Хергозеро, некогда продолжавшаяся дальше на Ошевенское. На Хергозере находится место, называемое местными жителями «Макарий» в память о существовавшей там в давнее время Макарьевской Хергозерской пустыни. Основали эту пустынь монахи Ошевенского монастыря Сергей и Логгин в 1640 г. Об истории этой пустыни мы почти ничего не знаем. Просуществовала она сравнительно недолго, в 1764 г. была упразднена, на ее месте возникла деревня Макарьевская.

Любопытно и отчасти загадочно название пустыни. Она носит имя Макария Желтоводского и Унженского, основателя известного монастыря на Волге. У стен этого монастыря первоначально собиралась знаменитая Макарьевская ярмарка, позже перенесенная в Нижний Новгород. Согласно местной легенде, Макарий путешествовал по северным зем-

*Троицкая церковь
на Хергозере. 1800 г.*

»

лям, побывал и в Каргополье, дошел будто бы до Хергозера, где некоторое время прожил. Поэтому нижегородский святой оказался почитаемым в Лёкшмозерье (на иконе в церкви на Хижгоре он был изображен вместе с Кириллом Челмогорским). Его, как Медоста и Власия, считали покровителем рогатого скота. Почитанием Макария, по-видимому, объясняется и тот факт, что уже после упразднения пустыни, на рубеже XVIII — XIX вв., на удаленном Хергозере было возведено два каменных храма в маленькой деревне, возникшей на месте монастыря. Рассказывают, что в Макарьев день сходились туда люди из Лёкшмозерской округи и из Ошевенска.

До Хергозера от Лёкшмозера шестнадцать километров хорошей лесной дороги, лишь в некоторых местах заболоченной.

На подходе к Хергозеру гать пересекает желтые мхи заросшего озера. По местному преданию, во времена св. Макария это было озеро с открытой водой.

Собственно, Хергозеро не единственное в этих местах, здесь их семь, они называются: Келейное, Белое, Черное... Само же Хергозеро названо так потому, что благодаря далеко выступающему полуострову, противоположному мысу и четырем заливам оно отдаленно похоже на букву «х».

Полуостров, на котором стояла деревня, ныне не существующая, некогда был островом, позже соединенным перешейком с берегом. Теперь здесь никто постоянно не живет, лишь бригада косарей приходит в покос. И хотя в другое время кроме туристов и рыбаков редко кто здесь бывает, но вид окрестностей с чисто выкошенными лугами, уставленными аккуратными зародами, с белым зданием на мысу, отражающимся в спокойных водах, создает ощущение обожитого места. Да и местные жители говорят про «Макарий»: «Веселое там место!»

На хергозерском полуострове, как упоминалось, стояли два каменных храма. Они были построены около 1800 г. и, близко поставленные друг к другу по диагонали, разделенные отдельно стоящей колокольней, составляли единый стилевой ансамбль.

Двухпрестольный храм Введения Богородицы и Николая Чудотворца представлял собой любопытный образец сочетания форм каменного и деревянного зодчества. Его каменный куб завершался деревянной кубоватой кровлей с одной главой, а две апсиды были перекрыты деревянными бочками, как традиционно перекрывались апсиды деревянных церквей. Храм этот не сохранился, как и колокольня.

Сохранился Троицкий храм 1800 г. Это тоже каменный куб, но больших размеров, чем несохранившийся Введенский, перекрытый стропильной крышей на четыре ската, над которой поставлены пять деревянных глав, обшитых железом. Храм имеет строгий, четкий облик. В постройке акцентирована белая плоскость стен, лишь слегка члененных пилястрами. Широкие окна двухсветного помещения выделены лишь карнизными полочками. Никак не декорирован прямой карниз. Пятигранная апсида в две трети высоты стен плавно сочетается с глухой плоскостью восточной стены. Над ней крохотная главка на тонкой ножке, какие ставились над северными часовнями. С западной стороны храма оборудована паперть и пристроен небольшой притвор. С северной и южной стороны у храма крытые крыльца. В целом, это простое по формам сооружение воспринимается необычайно гармоничным среди лесов и вод тихого озера, и видом своим навеивает мотивы, схожие с пейзажами художников прошлого века.

Красоту пейзажа, создаваемую белой церковкой среди озера, еще сравнительно недавно дополняла деревяшка с несколько домов, стоящих рядом, статных, с высокими свесами кровли, балкончиками на фронтонах, резными ставнями на окнах.

Мы покидаем «Макарий», унося в душе образы прекрасной природы и архитектуры в пейзаже, но впечатления наши иные, чем на Челме-горе. Там ощутил был глубокий исторический пласт, звучала древняя легенда, возникали образы давно ушедших людей. Здесь же впечатления, скорее, эстетические, исторические же знания наши скудны. Сколько ни пытался я найти исторические сведения о Макарьевской пустыни, обнаружилось немного. В каталоге частного собрания старопечатных книг М. И. Чуванова встретила книга, некогда принадлежавшая Хергозерской пустыни: Апостол 1638 г. печатника Василия Федорова Бурцова⁹. В нем есть запись почерком XVII в.: «Сия книга апостал преподобного отца Макария Уньжеского и Желтовотского пустыни Хергозерские новой, Богом оустроеной чудотворнаго образа, Каргопольского уезду при старце Логвине да при старце Сергие... тех Бог избрал молитвами преподобного отца Макария пустыню строить и братию призывать хергозерскую», а далее приписка, что в 1812 г. продана сия книга ошевенскому крестьянину Александру Клешнину за 10 рублей. Судя по первой записи, мы можем предположить, что книга Апостол побывала в руках основателей пустыни, а также, что основана пустынь не в память легендарного пребывания св. Макария в этих краях, а в память его чудотворного образа. Вторая запись позволяет судить, что крестьянин Александр Клешнин был состоятельным и грамотным человеком. Хоть и немного, а все-таки историческая завеса слегка приподнялась.

Некогда в лёкшмозерских окрестностях существовала и третья пустынь — Аглимозерская, или Наглимозерская, в трех километрах от села к западу. Не случайно, по-видимому, живописные озера округи привлекали ищущих пустынножизни, их красота, покой, уединенность многое говорили поэтической душе человека Древней Руси. А Аглимозеро, пожалуй, самое живописное во всей округе — в высоких берегах, с гористым лесистым островом посередине, с тростниковыми зарослями и множеством заливов и бухточек. И лёкшмозеры, хотя прямо перед их избами расстилается огромное рыбное озеро, любят это небольшое, уютное озерко, где всегда тихо и покойно.

Об истории Аглимозерской пустыни знаем мы еще меньше, чем о Хергозерской, а именно: что основана она была в

1649 г. иноком Тимофеем, имела церковь Неопалимой Купины с приделом св. Николая, в 1721 г. приписана к Спас-Каргопольскому монастырю, а в 1764 г. упразднена. Вот как будто и все. Не сохранилось никаких построек, но сохранилось само место, каким оно было и двести и триста лет тому назад.

Аглимозеро изрезанными очертаниями своих берегов, лесистыми островами напоминает облик карельских озер. И действительно, Карелия здесь близко, и отделяется она от каргопольского озерного края не только административно-территориально, но и географически. Большинство карельских озер имеет сток в бассейн Балтийского моря, тогда как озера Поонежья принадлежат к бассейну Белого моря. И этот водораздел между бассейнами двух морей проходит здесь, к северу от Лёкшмозера, куда мы направимся в путь к Хижгоре и Порженскому.

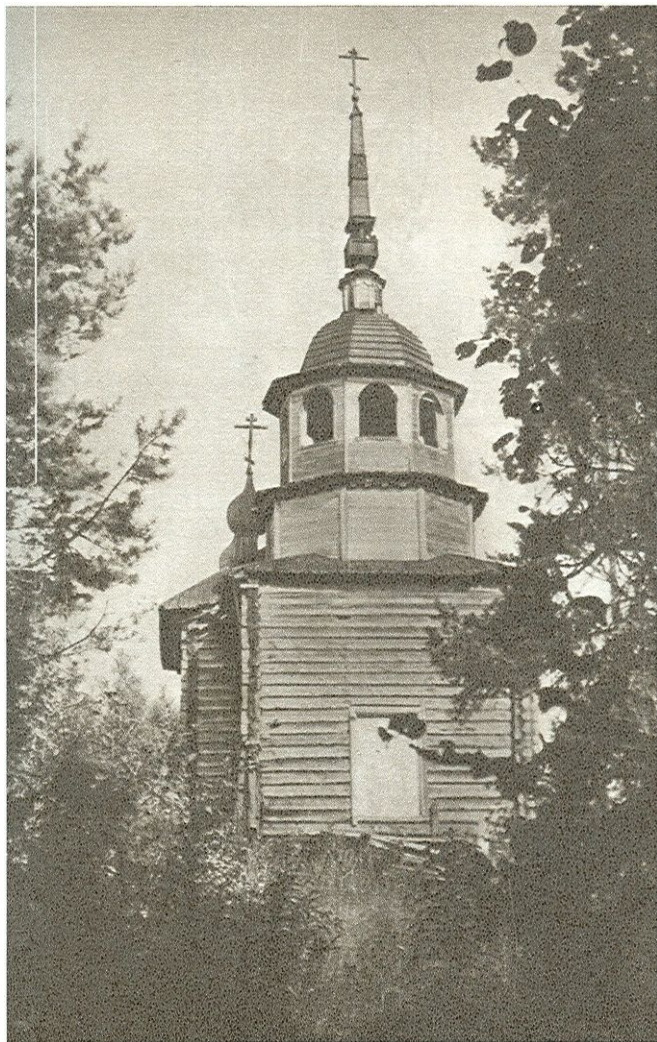
Дорога идет по Масельге, что по-карельски означает «земляная гора». Мы пройдем по высокой лесистой гряде,

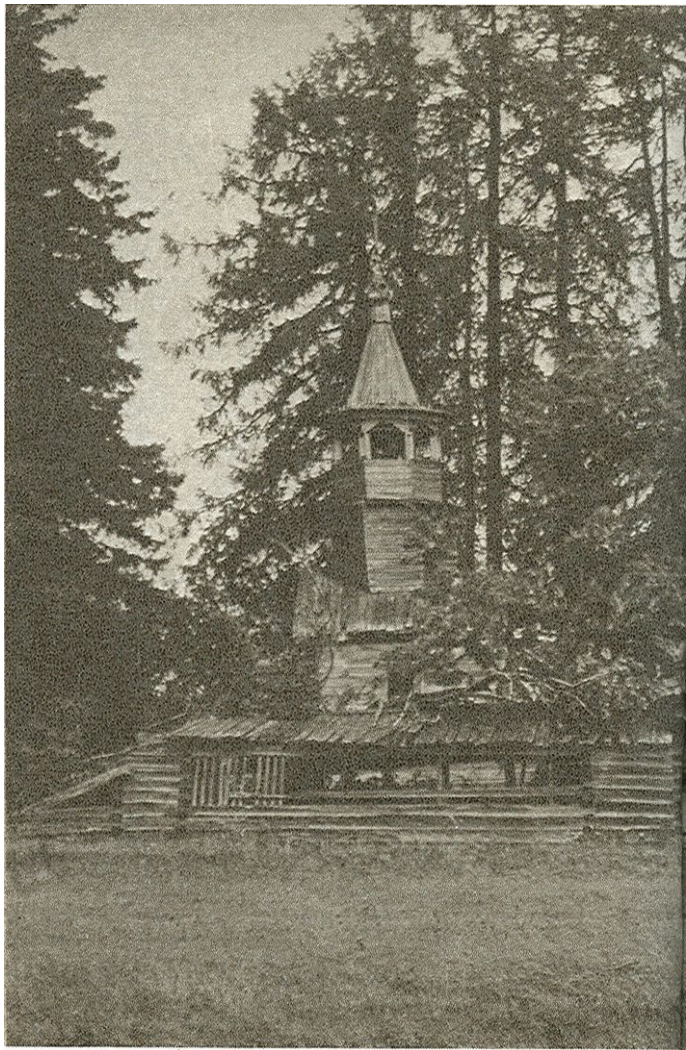
Церковь на Хижгоре.

XIX в.

спадающей крутыми склонами к двум озерам справа и слева. Здесь сердце озерного края, гряда эта и есть водораздел. Левое озеро, Морщихинское, через протоки, другие озера и речки связано с Онежским озером и, следовательно, с бассейном Балтийского моря. Правое — Виленское — через речку Виленку, другие озера и речки связано с Кенозером, а следовательно, с рекой Онегой, с бассейном Белого моря. Это удивительное место сейчас перед нашими глазами.

Дорога ведет дальше открытыми местами, полями и лугами, усеянными огромными валунами. Слева голубеет озеро, впереди открывается лесистая гряда, завершающаяся высокой темно-зеленой шапкой. Это Хижгора, высшая точка в округе. Такое место, откуда открываются просторные дали, русский человек не мог оставить неотмеченным и соорудил здесь церковь. Находится она в отдалении от маленьких деревенок, притулившихся по берегам окрестных озер. Может быть, удобнее было бы поставить ее в другом месте, но здесь выбор был обусловлен красотой пейзажа.

Сама по себе церковная постройка поздняя, начала XIX в., и не содержит в себе ничего удивительного, особенно для глаза, насмотревшегося шедевров каргопольского зодчества. Мощный куб храма, сложенный из добротного леса, прорезанный широкими окнами, крытый тесом на четыре ската и увенчанный пятиглавием, напоминает нам деревянный вариант каменного хергозерского храма. Но колокольня над папертью в этом сооружении служит главной темой. Она примыкает вплотную к храму (трапезной нет) и представляет собой восьмерик на четверике, на котором возведен второй восьмерик звонницы. Завершение шлемовидное, так необходимая здесь вертикаль здания усиливается высоким фигурным шпилем с крестом. Таким образом, сооружение получило вертикальную акцентировку, завершая высшую точку округи.

Редкостной красоты вид открывается с Хижгоры, сравнить его можно разве что с видом с соловецкой Секирной горы. Синеет под горой подковообразное озеро, напоминая речную

*Порженский погост.
Общий вид*

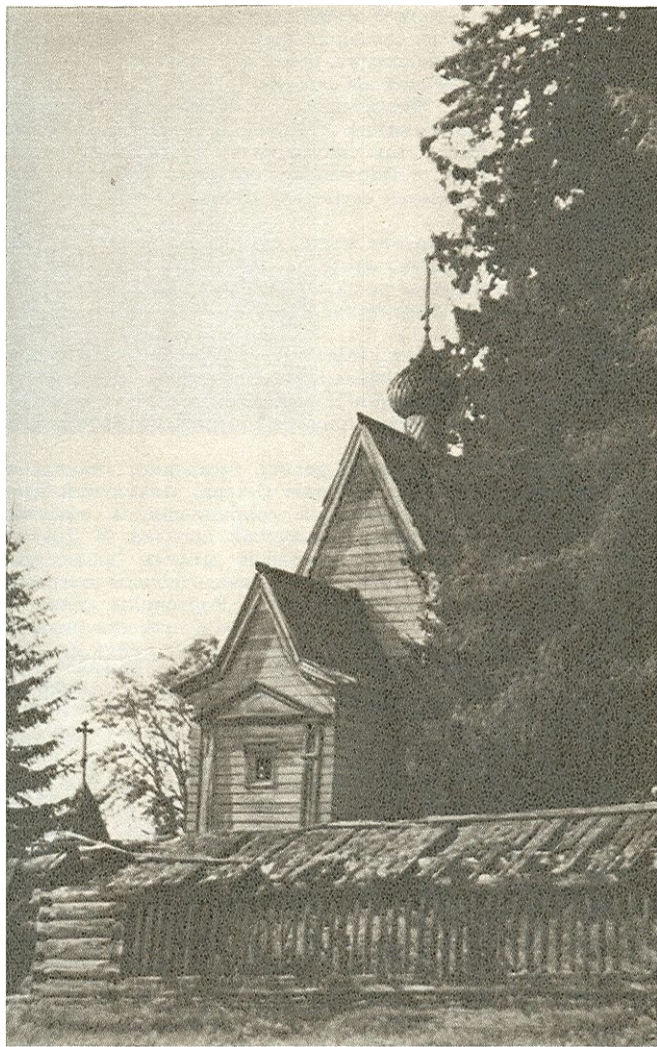
*Порженский погост.
Ильинская церковь. XVII в.*

излучину; кое-где по берегам его раскинуты домики, виднеются здесь и там луга, уставленные стогами; а дальше во все стороны до самого горизонта расстилаются лесные дали, по сгущенной синеве над которыми можно угадать скрытые в их глубине чаши озер.

А наш путь дальше, мимо других малых озер, мимо Думинского озера и далее, уже глухим лесом, к Порженскому.

Порженское расположено близко к Кенозеру, всего в двенадцати километрах, а от Лёкшмозера в двадцати, но отнести его нельзя ни к Кенозерью, ни к Лёкшмозерью. Некогда было это лесное село, жившее своей обособленной жизнью. Село лежало на торном пути от Пудожа через Лёкшмозеро на Кенозеро и дальше — на Онегу либо к дальним суземным деревням. Ныне, когда жизнь идет иными путями, люди сселились из Порженского. Постоянных жителей там теперь нет, но в таких исстари обжитых местах люди всегда бывают и останавливаются в нескольких сохранив-

шихся избах — косари в покос, туристы, рыбаки, отпускники, приезжающие из северных городов в родную деревню.

Порженское расположено по склону холма над двумя соединенными протокой небольшими озерами. Оно состояло из двух деревень: Федоровского и Окатовской, разделенных оврагом. По названию старшей деревни село называлось — Федоровское, так оно значится в старых книгах и на старых картах, а Порженское, говоря точно, название места по находящемуся несколько поодаль Большому Порженскому озеру.

Как давно обжито это место, трудно сказать; вероятно, еще с чудских времен, когда на месте нынешнего погоста могла быть священная роща с языческим капищем. О древности поселения свидетельствует и сам погост с храмом XVII в.

Если в других местах Лёкшмозерья приходилось нам говорить об историческом пейзаже или о красоте архитектурных форм в природе, то в Порженском все присутствует в единстве: и прекрасная природа, и прекрасная архитектура.

Знаменитый Порженский погост, бесспорно, уникальное явление в деревянном зодчестве Севера. Ильинский храм XVII в. — один из немногих сохранившихся клетских храмов с так называемой клинчатой кровлей. В Древней Руси это было обычное покрытие многих деревянных церквей, но до наших дней дошло гораздо больше шатровых и кубоватых церквей, чем клетских. В Каргополье «клином» был перекрыт один из храмов Елгомской пустыни (ныне не сохранившейся). Клинчатую кровлю можно найти на некоторых часовнях, например в селе Коневе на Онеге, в селе Вершинине на Кенозере, но церквей, подобных ильинской, в Поонежье мы больше не встретим.

Прост, невелик и пропорционален вытянутый ввысь сруб храма, завершенный острым скатом кровли с обломом, в конек которой врезана чешуйчатая главка, крытая лемехом. Клинчатой кровле храма соответствует и апсида, тоже с клинчатым покрытием, без главки. Особенно стройный, изящный вид имеет церковь с алтарной стороны, где острый угол кровли храма повторен вторым острым углом кровли апсиды.

В XVIII в. к храму была пристроена трапезная и колокольня с шатровым завершением. Пристройка изменила первоначальный компактный фасад храма (по-видимому, первоначально у храма был притвор, повторявший форму апсиды), растянула его по горизонтали, пригасила довлеющую вертикаль, но и в таком решении порженская церковь

*Порженский погост.
Калитка*

выглядит необычайно привлекательно. По-своему хороша и шатровая колоколенка над папертью — вторая, дополнительная вертикаль сооружения, уместная здесь.

Поэтическим обаянием обладает ветхая порженская церковь. Она по-разному смотрится издали и вблизи, с поля или с озера, с опушки леса или с дороги — разные точки открывают все новые мотивы. Не обращаешь внимания на позднюю обшивку церкви в псевдоклассическом духе с ложным портиком, настолько покоряет стройность сооружения. Обаяние прекрасных форм дополняют купы лиственниц и елей, растущих на северной стороне погоста, так что с этой стороны храм скрыт ими. Едва ли не ровесники они самого храма, особенно эти две рядом стоящие могучие ели, высотой превосходящие сам храм почти вдвое. Мы недаром отметили ель в Кирилловой пустыни — в Порженском мы встречаем такие же чудесные деревья. Это тоже одна из примечательностей погоста, так же необходимая здесь, как сам памятник архитектуры. Памятник зодчества и па-

*Порженский погост.
Ограда с угловой
башенкой*

мятник природы здесь нераздельны, немислимы друг без друга.

Но это еще не вся красота Порженского погоста. Уникальным украшением его является рубленая ограда. Некогда такая ограда была на многих северных погостах, ныне кроме Порженского можно назвать, пожалуй, лишь Водлозерский погост. (Ограда Кижского погоста возведена недавно, в подобие старых форм.)

Ограда Порженского погоста устроена из редко поставленных, рубленых «в лапу» небольших срубов, между которыми протянуты вверху и внизу длинные бревна. Промежутки забраны рядами деревянных брусьев, поставленных ребром, так что при взгляде вдоль ограды создается впечатление глухой стены, а при фронтальном подходе оградка просвечивает. Сверху ограда покрыта тесом на два ската, а по всем четырем углам сооружены башенки в виде четырехскатных шатерчиков, крытых лемехом. Над главным входом с южной стороны оборудовано крытое крыльцо

*Село Порженское
(Федоровское).
Мост на городнях. XIX в.*

с двустворчатыми расписными филенчатыми дверьми, а над ними поставлена четырехскатная палатка, крытая лемехом.

К сожалению, — как часто приходится повторять эти слова, описывая памятники деревянного зодчества, — ограда сохранилась лишь с южной и восточной стороны, отчасти с северной. Но и сама ильинская церковь внушает тревогу. Трапезная находится на грани разрушения, у самого храма прогнила кровля, может рухнуть потолок. Уникальному памятнику грозит гибель. Причем здесь случаи, когда невозможно спасти памятник, перевезя его в другое место, на чужеродную землю. Здесь не один памятник, а комплекс, состоящий из храма с трапезной и колокольной, ограды и вековых деревьев, которые тоже памятник природы. Друг без друга они не смогут существовать. Спасти памятник можно только на месте. Это жемчужина русского деревянного зодчества.

Несколько раз бывал я в Порженском. Первый раз лет пятнадцать назад, когда была здесь довольно людная

деревня. Местные жители говорили тогда мне: «Кто у нас раз побывал — снова захочет». Я бывал снова, когда местные жители переселились отсюда на Кенозеро. Какие-то дома перевезли, какие-то оставили. Порженское все еще имеет вид деревни. Достаивают на берегу баньки. Все еще служит своему назначению обветшалый мост через протоку между двумя озерами.

Этот мост тоже заслуживает быть отмеченным. По-видимому, он прошлого века, но сохраняет все конструктивные особенности древнерусской строительной техники. Он состоит из пяти четырехугольных срубов, заполненных внутри бутовым камнем. Пролеты между срубами — «городнями» — перекрывают огромные бревна, на которые положен бревенчатый настил, а на него — тесовые толстые доски. Здесь все просто и практично.

Говорят, что в Древнем Риме жрецы-понтифики (что в переводе означает «мостостроители») обладали тайным искусством возводить мосты без гвоздей. Русский крестьянин этим искусством владел в совершенстве, примером чему служит мост в Порженском.

Порженское со своими окрестностями в самом деле такое привязчивое место, что к нему, пусть в воспоминаниях, часто будешь возвращаться и перед глазами будет вставать древний погост среди высоких деревьев, из которых выглядывает остроугольная кровля заботливо скрытой церковки, с оградой и башенками, веселящими взор, как радует все простое, зримое в здешней округе: зеленые луга, ниспадающие к заросшему камышом озеру, сосновые опушки, найденные дороги и тропки, по которым можно идти все дальше, на встречу с новыми, еще неизведанными, но не менее прекрасными местами озерного края.

3. Кенозеро

Труднее всего — и это знают все путешествующие — рассказывать о местах, которые тебе особенно дороги. Разнообразные впечатления и сведения наплывают со всех сторон, и не знаешь, за какое из них ухватиться, чтобы воссоздать картину, наиболее полно отражающую увиденное. Так и у меня с озерным краем.

Не раз пролетал я над озерным краем. Куда как суров и неприветлив милый моему сердцу Север с высоты! Казался он нежилым и для жизни негодным. Настоящая «лесная пустыня» — если бы это словосочетание подходило к лесной стороне. Стояли внизу чащи островерхих елей и более разреженные сосновые боры с седым подстилом мха. Петляли внизу какие-то речонки в сплошной стене леса, так что и солнце не падало на воду. Открывались круглые темноводные озерки, как провалы в лесной чаще. Но еще больше, чем лесов, было желто-бурых пространств моховых болот. Они удручали своей безысходностью, безжизненностью. Черные топи, подобные грязным лужам, пересекали их поверхность — гнилое, гиблое место. И, кажется, нет конца лесной и болотной пустыне...

Но, глядя вниз, не сразу замечаешь разлившуюся голубизну у горизонта, а вот и засверкала там ртутная полоска, еще ближе — и вот раскрылось широкое водное пространство. Вот оно уже под нами, видны полоски тростника, просвечивает дно, видно, как нарастает глубина, а по берегу — полянки, поля, луга, деревни, дороги — жилой край, озерный край, и он все яснее, все ближе. Самолет заходит на посадку — и уже только небо и озеро — и садится на лугу. И через минуту ты стоишь у тихо накатывающей

воды, и так просторно, тихо, хорошо — и ты улыбаешься, и озеро улыбается тебе.

Трудновыразимое, но все же понятное воздействие производит вид озерной красоты на душу человека. Оно иное, чем у реки. Река вечно в движении, в течении, она не замкнута сама в себе, куда-то идет, где-то имеет выход, она сулит разнообразие и томит беспокойством. Озеро же, как ни бурно, как ни шумно бывает оно в непогоду, привносит умиротворяющее чувство в душу человеческую — оно замкнуто, оно обозримо (хотя бы на видимую часть), оно как бы сводит ваше восприятие воедино, в свой круг, и навеивает в лучшие часы спокойное, гармоническое состояние. «Озеро — самая выразительная и прекрасная часть пейзажа, — писал Генри Торо. — Это — око земли, и, заглянув в него, мы измеряем глубину собственной души»¹⁰.

Так что же сказать мне о Кенозере?

С чего начать — с описания ли его природы, с истории ли, с памятников архитектуры? Все это присутствует здесь в нераздельности, и как оторвать одно от другого?

И все-таки начать надо с «души», понимая под этим словом то особое поэтическое состояние, которое рождено человеческой восприимчивостью к прекрасному. А если так, то должно оно найти творческое выражение, и прежде всего — в самом отзывчивом поэтическом народном творчестве. И оно нашло выражение в эпической поэзии, в былинной традиции Кенозерья.

То, что русский Север — сокровищница эпической поэзии, что только Север сохранил древнерусские былины, — общеизвестно. Менее известно, что былины не были рассеяны по всему Северу, а локализовались в определенных районах. Немало былин было записано на Беломорском побережье, на Пинеге, на нижней Мезени, на нижней Печоре, но наиболее богато былинами было все-таки Заонежье. Здесь, на Онежском озере, жили знаменитые сказители (например, семейство Рябининых), здесь записаны тексты былин, признанные хрестоматийными. Другим былинным центром озерного края было Кенозеро.

Подлинное открытие олонецкого озерного края как уникального места бытования былин принадлежит Павлу Николаевичу Рыбникову (1831 — 1882) и относится к 1860 г. (До него подробного обследования Севера с целью сбора фольклора не предпринималось, хотя собирательская деятельность была начата гораздо раньше, в частности П. В. Киреевским.) В 1871 г. по следам Рыбникова совершил поездку Александр Федорович Гильфердинг (1831 — 1872). Он записал огромное количество былин, составив-

ших три тома, расположив тексты по именам сказителей и населенным пунктам — принцип, с тех пор ставший общепринятым. Гильфердинг был ученым-подвижником и жизнь свою кончил подвижнически: собравшись в новую поездку за былинами, он прибыл в Каргополь, где внезапно заболел и умер.

Гильфердинг побывал на Онежском озере десять лет спустя после Рыбникова, и, хотя ему удалось встретить замечательных сказителей, он отметил угасание там былинной традиции. Напротив, на Кенозере он нашел былинную традицию в цветущем состоянии. «Особенно замечательно Кенозеро, — пишет Гильфердинг в предисловии к «Онежским былинам». — Прибрежья этого озера, в которое со всех сторон вдаются коленами мысы и «наволоки», так что, несмотря на его значительную величину, озеро имеет в каждой точке вид залива либо пролива, — прибрежья Кенозера составляют как бы отдельный, довольно хлебородный, усеянный деревнями оазис среди громадного пустыря болот, и в этом оазисе цветет в настоящее время эпическая поэзия»".

Причину цветения эпической поэзии на Кенозере Гильфердинг видел в двух обстоятельствах: «свобода и глушь», то есть свобода от крепостной зависимости и патриархальность быта здешнего крестьянина, не подверженного еще влиянию пореформенного времени, что уже заметно было в Заонежье, ближе расположенном к северной столице.

Бесспорно, вековая традиция бытового уклада способствовала сохранению такого консервативного жанра устного народного творчества, как былина, не допускающего перерождения и новаций. Ученый-собирающий, однако, не задавался вопросом, почему именно Кенозеро стало былинным краем, то есть как пришли сюда былины и укоренились на озерных берегах.

На этот вопрос ответили современные исследователи. Они отметили то обстоятельство, что Кенозеро лежало на древнем пути из Обонежья в Заволочье. Путь этот пролегал с Онежского озера по порожистой, труднопроходимой реке Водле в Водлозеро, из него речкой Мышьи Черева, названной так за свою петлистость и узость, с волоком на озеро Купецкое, далее через Почозеро в Кенозеро, откуда рекой Кеной в Онегу, а с Онеги волоком в реку Емцу, приток Северной Двины. Потому и назывались земли, лежащие за этими волоками, Заволочьем. Путь был нелегок, но предпочитаем новгородцами, поскольку проходил через их земли. К середине XVI в. волок этот запустел, имел лишь местное значение.

Положение Кенозера на пути из Обонежья в Заволочье вело к тому, что на его берегах оседали новгородские выходцы, принесшие с собой традиции былинной культуры. Исследователями русского фольклора отмечен тот любопытный факт, что былины на Севере бытуют лишь в местах распространения новгородских поселенцев. В местах, заселенных выходцами из ростово-суздальских и московских земель, в частности на Сухоне, в Верхневажье, на Северной Двине, исключая Поморье, былины не встречаются. «Дошедшие до нас былины являлись в прошлом достоянием Новгородской земли, откуда они позднее распространились с переселенческим потоком»¹², — заключает современная исследовательница С. И. Дмитриева.

Форма былины консервативна, отработана веками. Сюжет ее каноничен, образы законченны, речевые обороты определены. Искусство сказителя состоит не в переложении былины на новый лад, а в сохранении текста в неизменности, как певали в старину. Недаром былины на Севере называют старинами. Сказитель учился мастерству у опытного предшественника. Существовали своеобразные «школы сказителей»¹³. Так, Гильфердинг называет главу «кенозерской школы» — старика Поромского (прозвище по названию острова, где он жил), его сына Ивана Сивцова и ученика Петра Воинова, определяя их как «замечательных сказителей». И все-таки, несмотря на традиционность былинного строя, как заметил тот же Гильфердинг, «каждая былина вмещает в себе и наследие предков и личный вклад певца; но, сверх того, она носит на себе и отпечаток личности»¹⁴.

Свое, личное певец вносит не в сюжет, не в обрисовку характеров, что менять недопустимо, а в манеру исполнения, как и текстуально в запев и концовку былины. Например, былина про Соловья Будимириича традиционно начинается эпической картиной русской земли:

«Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океан-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские...»

Строки эти из сборника Кирши Данилова положены на музыку Римским-Корсаковым. А северный сказитель тот же торжественный зачин поет по-своему:

«Мхи были, болота в Поморской стороне,
А голые щелья в Беле-озере,
А тая эта зябель в подсеверной стране...
А толсты становицы в Каргополе...»

Тут уж не ошибешься относительно места, где была сказана старина. В другой былине, про Василия Игнатьевича и Батыгу, где все приметы Киевской Руси: чисто поле, ракивов куст, турица со турятами, в заключение сказитель говорит и про свой озерный край:

«А мхи-ты болота ко синю морю,
 А щельё-каменьё ко сиверику.
 А широки подола Пудожаночки,
 А-й дублены сарафаны по Онеге по реке,
 Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,
 А-й пучеглазые бабенки Пошозёрочки,
 А Дунай, Дунай, Дунай,
 Да боле петь вперед не знай».

Былины эти, записанные, правда, не на самом Кенозере, но в том же озерном крае, отразили по-своему характер здешних мест, перечислив их, заодно иронически, со скомо-рошиной коснувшись местных жительниц. И Пудож, и Каргополь, и Лёкшмозеро, и Почозеро, и река Онега с Мошей оказались вживлены в былины, как и вся «подсеверная страна» с мхами и болотами, камнями и озерами. Да иначе и быть не могло: певец любит свой край, в нем для него и эпика и лирика.

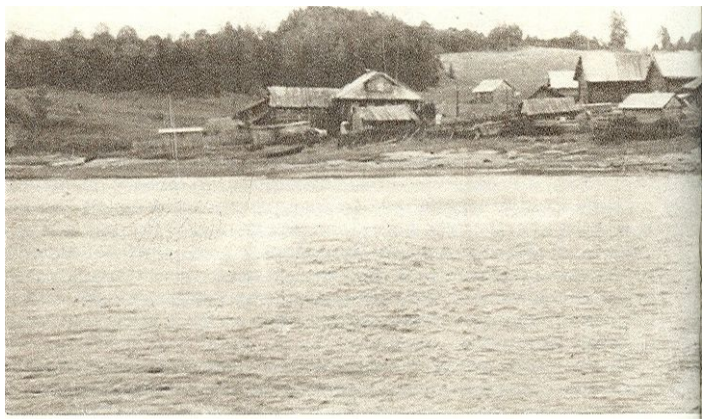
И мы ныне, когда смолкло пение северных сказителей и остались былины лишь в фольклорных сборниках, здесь, на Кенозере, глядя на его берега и воды, ощущаем витающий над этими местами дух народной поэзии, или, говоря словами Гильфердинга, «на Кенозере воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии»¹⁵.

Мы рассказывали так много о былинах потому, что это важная сторона народной культуры прошлого, связанной с этими местами, и потому, что эпическая поэзия как нельзя более подходит к облику удивительного по-своему Кенозера.

Кажется, здесь она и должна была жить. Сам пейзаж озера эпичен. Нет здесь светлого простора Лёкшмозера, нет мягкой лиричности порженского пейзажа. Берега здесь круче, воды темнее, леса суровее.

Как определить это озеро? Туристы иногда называют его «северной Швейцарией» — называют так за гористость берегов, — но много ли дает это сравнение? Многие ли из нас видели Швейцарию, кроме как на картинках? Да и нет, наверное, на свете двух одинаковых озер, и каждое озеро по-своему неповторимо.

Так неповторимо и Кенозеро. В каргопольском Поозерье оно из самых значительных. Однако оно не кажется огром-

ным водоемом, хотя путь пассажирского катера вдоль озерных берегов составляет шестьдесят километров. Мы нигде не увидим просторного плеса, а везде наш взгляд натолкнется на темный лесистый мыс или лесистый остров, загородивший дали. Причудливую живописность озеру придают изрезанные очертания его берегов с лучевидными заливами, называемые по-местному лахтами, а также два больших вытянутых острова посреди озера — Мамонов и Медвежий, перекрывшие озерный плес вкуче с другими, меньшими островами. В сложной конфигурации озера не сразу разберешься, но разобраться все же не столь трудно.

Кенозеро разделяется на три плеса. Восточный плес носит название Кенорецкого — по реке Кене, берущей исток из его северо-восточной оконечности. Как помнит читатель, мы закончили наш предыдущий маршрут в Порженском, откуда до Кенозера оставалось всего двенадцать километров. Дорога с Порженского выводит к южной оконечности озера, и, быть может, логично было бы ее продолжить.

Но большинство туристов попадает на Кенозеро транспортными путями, а именно: от станции Плесецкая Северной железной дороги до села Конева автобусом и от Конева другим автобусом до Першлахты. (Можно проехать и из Каргополя автобусом до села Конева.) Поэтому автор начинает свое описание с истока реки Кены от деревни Першлахты, следуя маршрутом пассажирского теплохода, совершающего регулярные рейсы по озеру.

Сначала мы проплываем длинной Кенорецкой тубой мимо жилого острова Поромского, а затем Кенорецким плесом к завидневшейся вдали деревне под голым зеленым холмом.

Мы находимся в самой юго-восточной оконечности озера. Катер причаливает к каменистому крутому склону с береговой полосой из огромных булыжин, отшлифованных волнами, будто к искусственной пристани. Это — Майлахта, имеющая и другое название — Ряусово. Когда-то это были две деревни, разделенные ручьем, но позже деревни соединились, сохранив оба названия.

Вид деревни Ряпусово

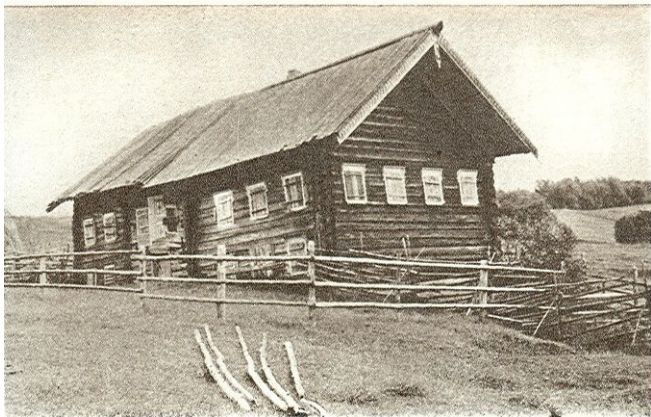
*Деревня Ряпусово.
Бывшая курная изба.
XIX в.*

В Ряпусове начинаем мы знакомство с кенозерскими деревнями. Прежде всего отметим, как деревня стоит: в распадке между холмами, на нижней террасе берега с еловым частоколом леса вокруг. Обычно так, в низинах или на неплодородных землях, ставили старые кенозерские деревни, сберегая возвышенные солнечные места под пашни.

Собственно Ряпусовом называлась деревня за ручьем, ближняя к лесу. Сюда выходит дорога из Ошевенска, из людной Ошевенской округи, тридцатипятикилометровым трактом мимо Важреки и Важозера.

Здесь самая старая часть деревни. Определить это можно по свободной постановке изб, подчиненной не рядовому или уличному порядку, а рельефу местности. Они расположились просторно на удобных площадках пологого холма, фасадами на солнечную сторону.

До недавнего времени стояли здесь три черных (или, как их называют, рудных) избы. Ныне их нет. Две из них разобраны по ветхости, третья переделана под белую топку.

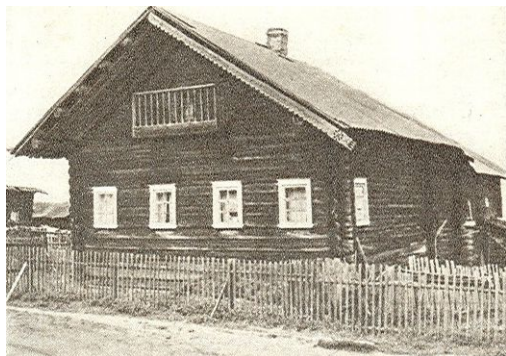
*Деревня Ряпусово.
«Дом с расписной дверью».
XIX в.*

Избы эти, свободно расставленные по склону холма, выглядели необычайно живописно, донося до наших дней обстановку давних, былинных дней Кенозерья. В таких вот избах, с плотным слоем дыма под потолком, долгими зимними вечерами плели кенозерские рыбаки сети при свете лампы или лучины и звучал протяжный голос сказителя. А ловили в здешнем заливе рыбу ряпушку, по-местному — ряпуса, откуда и название — Ряпусово.

Несколько в стороне от других изб, на небольшом возвышении, по-местному — горбышке, стоит статный дом, который мы назовем «домом с крашеной дверью». С него и начнем мы рассказ о кенозерском деревянном зодчестве, в котором тоже по-своему воплотился овевающий эти места дух эпической поэзии.

Это большой, двухэтажный («двужирный», как называют на Севере) дом, у которого в одной связи, под одной крышей, стоят три сруба: сруб жилой избы, сруб сеней с внутренней лестницей, сруб хозяйственных помещений с

*Расписная дверь избы
в деревне Ряпусове*

*Дом в деревне Майлахте.
1875 г.*

боковыми горницами. Когда-то боковой фасад дома выглядел еще более растянутым за счет четвертого сруба крытого двора, у которого вверху располагался сеник, а внизу — помещения для крупного скота.

Такие огромные, вытянутые дома-корабли поныне стоят в недалеком Ошевенском, к которым наш дом близок по форме.

Мы уже отмечали, что типичным для Поонежья является четырехстенки. Таков и наш столетний великан. Лицевой фасад его, приходящийся на скат горбышка, кажется удивительно высоким. Окон нижнего, подклетного этажа здесь не прорублено, перед нами строгий ряд черных бревен, и лишь почти под самым далеко выступающим свесом кровли (обычная примета старых изб) суровый облик фасада оживлен четырьмя окнами в скромных наличниках. Это впечатление суровости, нахмуренного чела дополняет глухой фронтон, лишь слегка оживленный резными причельными досками и свисающей ветреницей.

Боковой фасад, с которого ведет вход в дом, имеет более приветливый, нарядный вид — он как бы приглашает к себе. Он смотрит на путника десятью окнами верхних и нижних помещений, свидетельствуя о своей просторности и добротности. Дверь, как обычно на Севере, низкая — входить в северные избы всегда приходится наклонившись, — а над дверью было оборудовано крыльцо-балкон. Балкон имел преимущественно декоративное значение — он украшал фасад, а филенчатая двустворчатая расписная дверь на балкон придавала особую нарядность дому.

Сам балкон не сохранился, и на боковом фасаде красуется одна балконная дверь. Эта дверь, высокая, широкая, размером крупнее других дверей в доме, — интересная и даже загадочная деталь украшения. На белом ее фоне по филенчатым полям в рамках изображены с немалым искусством розы. Этим она напоминает расписные двери ампирических особняков. Не растут розы на Кенозере, да и стилистическое изображение отлично от росписей местных умельцев. Быть может, двери эти вывезены из других мест? К сожалению, краски выцвели, и недавно хозяева дома подновили роспись, отчего утратилось ее первоначальное изящество.

Когда-то на краю деревни стоял деревянный обетный крест, высокий, без резьбы, покрытый на два ската. Теперь он перенесен в ограду бывшей рудной избы, переделанной под белую топку.

За ручьем, в сравнительно более новой части деревни, преобладает рядовая застройка. Издали, с окрестных холмов, деревня выглядит живописной кучкой изб, сбившихся к самой воде. Интересно, что выстроились дома озадками к озеру, а лицом к проезжей дороге. То, что озеро в окрестном пейзаже — главная краса, северный крестьянин, конечно, понимал, но с озера дули холодные ветры, и дома отвернулись от воды на солнечную сторону.

Так поставлен дом 1875 г. — типичный для Кенозерья жилой дом. Дома на высоких подклетах, как только что увиденный нами дом-корабль, в целом не характерны для этих мест, как, напротив, характерны они для всего течения реки Онеги, — облик кенозерского дома обычно скромнее. Это тоже четырехстенок с четырьмя окнами по фасаду, с шестистекольными рамами в скромных наличниках. Декоративное оформление его просто: это причелины с волнистой прорезкой, с полотенцами на концах, простого орнамента. Бревенчатый самцовый фронтон оживляет простой формы декоративный балкончик, оформляющий слуховое окно. Само слуховое окно украшено резным наличником и филенчатыми ставнями, что позволяет предположить, что

так же были украшены и окна дома и выглядел он наряднее. К тому же и ставни и подзорные доски были раскрашены, что давало своеобразную подцветку сдержанному строю темно-коричневатых бревен сруба. Как у многих старых домов, дата постройки вырезана на консоли: «1875».

А курные избы исчезли в Ряпусове. Только на одной, вросшей в землю, давно заброшенной избенке увидели мы резной дымарь.

За Ряпусовом дорога проходит у подножия высокого крутого холма с плоской вершиной. Место это самой природой создано для обзора окрестных далей, а несколько кражистых реликтовых сосен, стоящих над скатом холма, свидетельствуют о давней приметности этого места. Можно предположить, что в легендарные чудские времена было здесь языческое капище, а позже это выделенное самой природой место украсилось часовней. Правда, сведений о ряпусовской часовне не сохранилось, и сами местные жители не помнят, какой она была. К счастью, в архиве фототеки Музея архитектуры имени А. В. Щусева нашлась выцветшая любительская фотография. На ней изображена часовня XVIII в. клетской формы с гульбищем, главка врезана в кровлю просто, без перехода, звонница рубленая. Примечательной особенностью была ведущая к ней по крутому склону холма лестница с промежуточной площадкой и с перильным ограждением.

Рассказывают, что в праздничные дни собирались здесь люди, водили хороводы — пестрыми нарядами украшалась тогда зеленая вершина холма, а в Ивановскую ночь, по кенозерскому обычаю, во всех деревнях по высоким берегам разводились костры и светилось все озеро огоньками в сумеречную северную белую ночь.

Дальше дорога всходит на высокий холм с лежащими на нем деревьями и полями, и еще более прекрасные картины открываются взору. Пейзаж многопланов: Мамонов остров образует живописные кулисы, за которыми открывается сверкающее пространство Кенорецкого плеса; лес и вода создают впечатление торжественного покоя, и легко и радостно сердцу.

Дорога спускается в низину и, недолго пройдя лесом, выводит к околице небольшой деревеньки, тихой, отдаленной, словно бы хранящей дыхание старины: она ограждена изгородью с воротами и калиткой, слепились в кучу крыши ее изб, а среди них виднеется замшелая кровля, позеленевший лемех часовни и несколько островерхих елей. Это — Зихнево (существует также написание: Зихнова, Зехново; мы придерживаемся местного наименования).

*Часовня с гульбищем
в деревне Зихневе.
XVIII в.*

Стоит Зихнево в южной оконечности озера у Глухой лахты, длинным, узким заливом уходящей в лесную глушь. Расположилась деревня над маленьким внутренним озерком, связанным с большим озером короткой протокой. Озерко это родникового наполнения, с прозрачной водой, в которой видны причудливые светло-зеленые водоросли. А над озерком, над обрывом, на самом возвышенном месте, среди островерхих елей притулилась редкой красоты часовня XVIII в. (схожей формы часовня стояла в Ряпусове).

Очарование ее не только в самих формах часовни с гульбищем, но и в прекрасном природном окружении. Северные мастера понимали красоту места, как и то, что низко поставленное сооружение здесь проиграет. Поэтому они подняли сруб часовни на подклет, рубленный с выпускными концами, которые служат опорой для галереи, окружающей часовню с трех сторон. Оформление часовни просто. Свесы двускатной кровли опираются на резные столбики, между ними было глухое перильное ограждение. Луковка на тон-

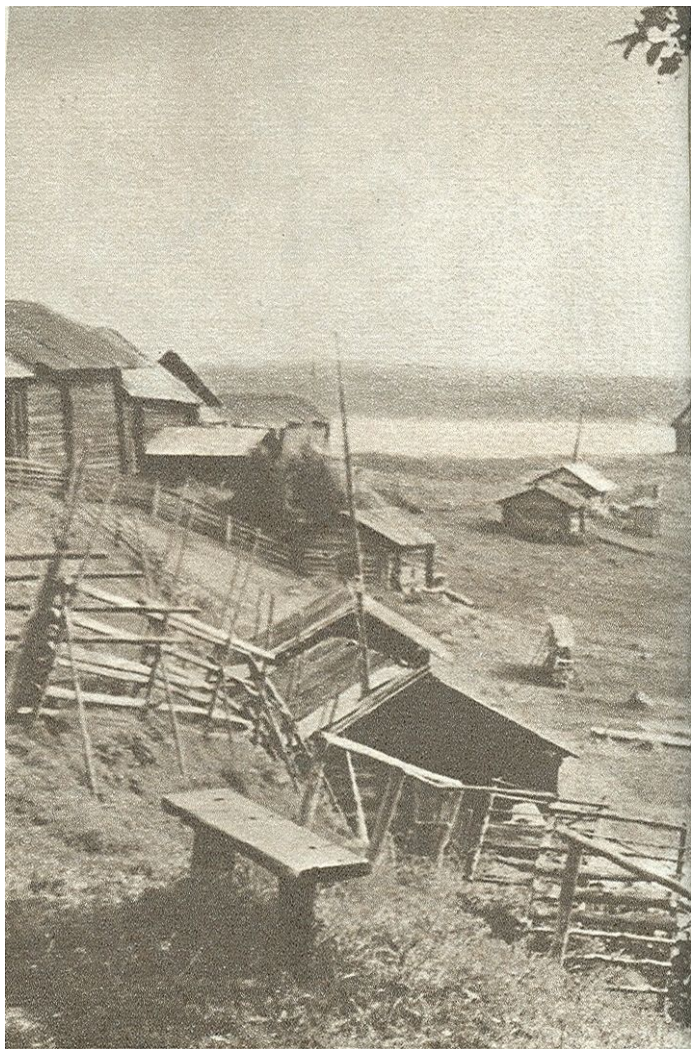
*Часовня из деревни
Мамонов Остров (ныне
в Архангельском музее
деревянного зодчества
в Малых Корелах). XVIII в.*

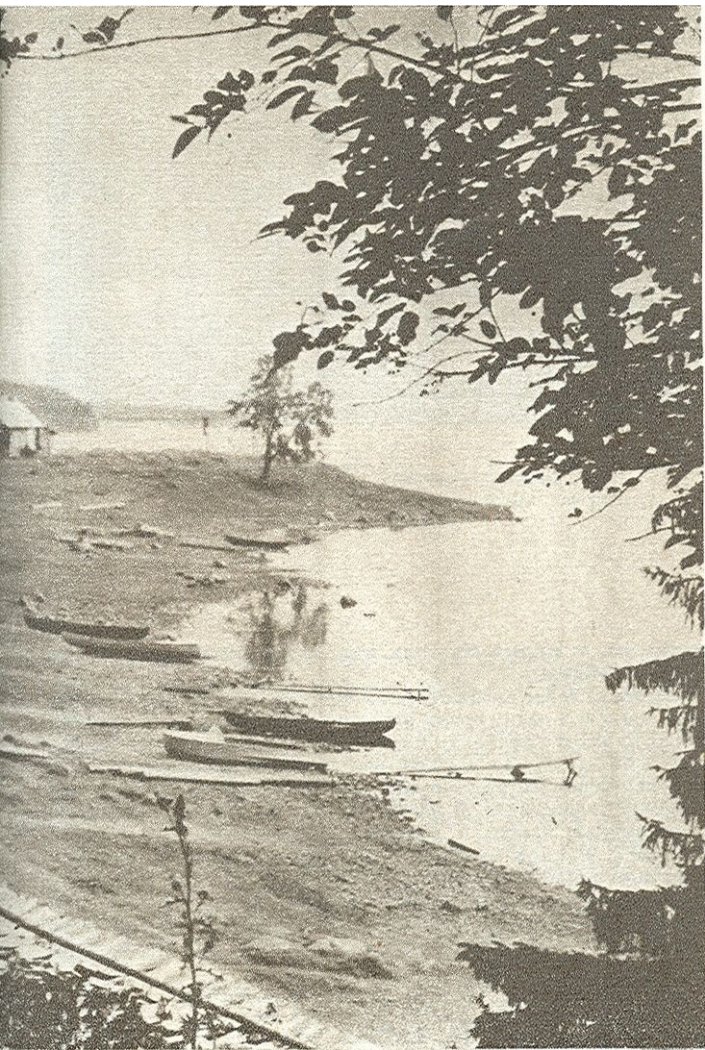
Деревня Семеновское

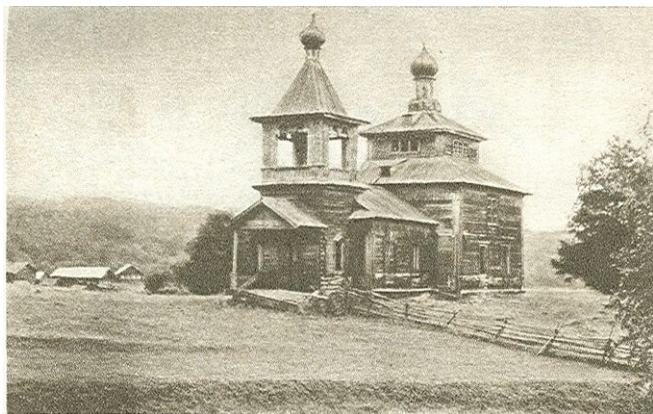
кой шейке простодушно врезана в конек кровли. Над входом на галерею срублена восьмигранная звонничка, перекрытая плоской кровлей со шпилем и крестом. Все ясно, скромно и, хочется сказать, деликатно, выражая этим словом то отношение к людям, которое вложили кенозерские мастера в свое творение: открытость и приветливость, мягкость и ненавязчивость. Оно располагает к себе, приглашает остановиться, отдохнуть, не спеша полюбоваться красотой мира.

Мы увидим еще немало часовен, которыми издавна славится Кенозеро, но, забегая вперед, скажем, что зихневская — одна из красивейших. Сам по себе конструктивный прием ее — постановка на высокий подклет — не единичен и встречается в Поонежье (например, часовня в деревне Авдотьино под Коневом на реке Онеге), но на Кенозере нигде больше не повторяется, хотя тип часовни с галереей — один из двух типов местных клетских часовен.

К этому типу относится, в частности, часовня из деревни Мамонов Остров. Ныне, она перевезена в Музей деревянного

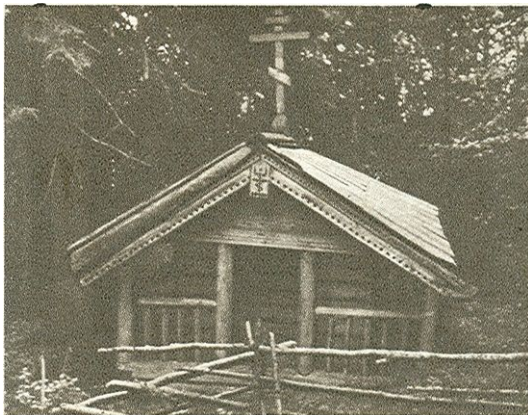

*Деревня Видягино.
Церковь. XX в.*

зодчества в Малых Корелах под Архангельском, где ее и можно увидеть.

Облик ее более сдержанный и строгий. Она не приподнята над землей, а стоит почти вровень с ней. Красоту ее очертаниям придает клинчатая кровля с переломом, причем широкие полицы служат навесом над галереей. Поддерживается галерея резными столбиками, между которыми глухое перильное ограждение. В центре кровли из конька выступает коротенькая шейка с главкой, пропорционально соотношенные с объемом часовни. В формах мамоновской часовни ощутима большая древность (XVIII в.). В отличие от зихневской, предназначенной стоять открыто, на вершине, это тип лесной придорожной часовни, спрятавшейся в хвойную чащу. Вскоре, в Горбачихе, мы увидим другой памятник этого типа.

Продолжив наш путь по извилистым берегам Кенозера, переплыв Глухую лахту, мы попадаем на далеко выступающий в озеро мыс, на котором расположилась деревня

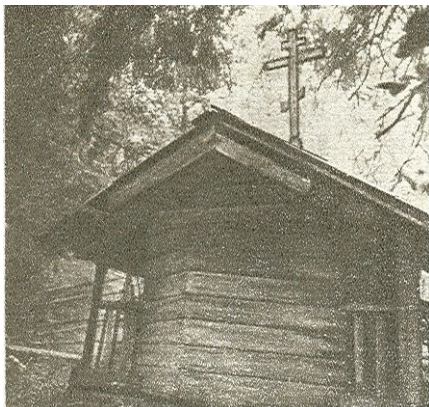

*Деревня Горбачиха.
Придорожная часовня.
XIX в.*

Семеновское. Здесь тоже, как почти в каждой кенозерской деревне, стоит клетская часовня (главка утрачена), похожая на обычный амбарный сруб.

Деревня Семеновское (Семеново) интересно для нас не столько скромной культовой постройкой, сколько своей пространственной организацией. Она стоит, как сказано, на полуострове, открытая всем ветрам. Кенозерские плотники учли все особенности рельефа и нашли каждой избе свое место, так что возникла своеобразная форма планировки: расположившись свободно, дома как бы закрывают друг друга от господствующих на озере ветров.

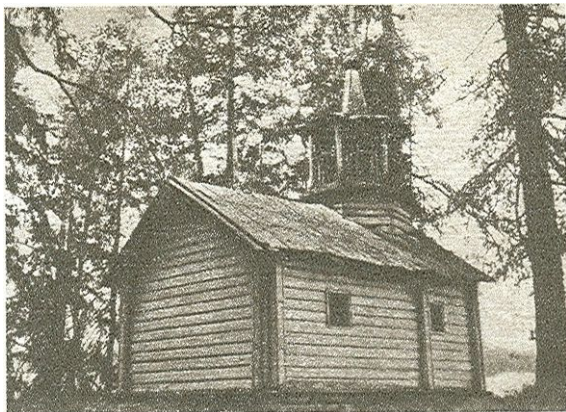
Подробно исследовавший планировку этой деревни Ю. С. Ушаков отмечает, что при составлении масштабного чертежа селения «появилось ощущение проектного чертежа, хотя ясно было, что такого проекта никогда не существовало и логичный во всех отношениях замкнутый планировочный прием... — результат коллективного творчества народа»¹⁶.

*Деревня Горбачиха.
Придорожная часовня,
вид с восточной стороны*

За Семеновским мысом в крутых лесистых берегах начинается Глубокая лахта. В дальнем конце ее перегораживает вытянувшийся узким языком полуостров, на котором стоит деревенька Видягино в шесть домов, а за ним открывается Видягинское, или Домашнее, озеро. В это озеро впадает бегущая все время под уклон, шумя и скача по камням, подобно горной реке, речка Порженка, названная так, очевидно, за свою порожистость. Течет она из Порженского озера, из уже знакомых нам мест. Сюда, к Глубокой лахте, выводит и дорога из села Порженского.

Возле деревни Видягино стоит деревянная церковь, пожалуй, самое позднее из культовых сооружений Кенозерья. Поставлена она в начале нашего века, но поздняя датировка не дает нам основания относиться к такого рода памятникам с пренебрежением. Церковь срублена, конечно, в подражание каменным церквям, но и здесь северные плотники внесли свое, оригинальное. На четырехскатной кровле они поставили четырехстенный сруб с широкими окнами, выполняю-

*Деревня Горбачиха.
Часовня в еловой роще.
XIX в.*

ший роль светового барабана, и уже на его кровле водрузили главу. Подобное новшество делает сооружение непривычным для северных мест. В окружении гористого лесного пейзажа оно напоминает чем-то церкви Закарпатья.

Но это, конечно, мимолетное сравнение: слишком неожидан облик церкви, но поставлена она, как ставят церкви на Севере, — на самом выигрышном для обзора месте и в то же время так, чтобы не занимать плодородной земли, столь ценимой здесь. Гористые берега Кенозера с крутыми откосами и узкими гребнями лишь в немногих местах переходят в пологие косогоры или ровные плато, и все эти места с давних времен освоены людьми под пашни и пожни. Церкви и часовни возводились преимущественно на песчаном бугре, в роще, на краю холма или у берега озера на лесной опушке, как церковь в Видягине.

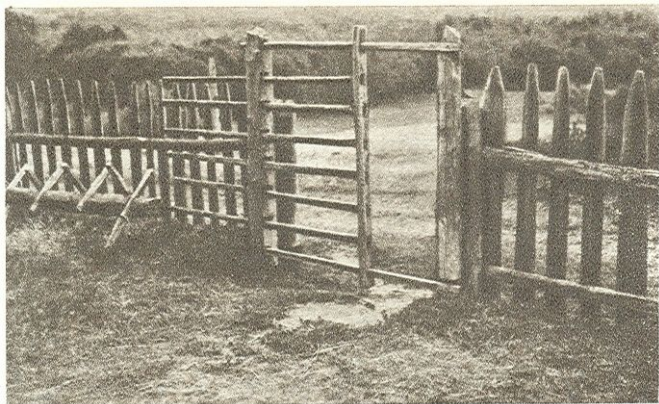
Дорога из Порженского, которая двенадцать километров идет по угорам, выходит в соседнюю с Видягином деревню Горбачиху. На подходе к деревне, когда в просвете лесной

*Деревня Тарышкино.
Дом с балконом. XIX в.*

дороги завиднеются деревенские крыши, справа появится на обочине маленькая придорожная часовенка. Стоит она в густом сыром лесу, но чернолесье выросло недавно, а прежде здесь была небольшая роща старых деревьев, одно из которых — сосна в два обхвата — засохло от старости.

Часовня является вариацией типа лесных часовен, образцом которого служит упомянутая выше часовня Мамонова Острова. Это сооружение совсем небольшое, хочется сказать, крохотное: на его узком гульбище человек не может распрямиться в рост и двоим не разойтись. Проста и незатейлива его форма: два ската кровли поддерживаются гладкими столбами между которыми протянуто перильное ограждение из тонких столбиков. Единственным декоративным элементом являются причелины с пробивным узором. Крест укреплен прямо на кровле. Моленное помещение невелико. Любопытной особенностью его является восточная стена, срубленная углом, так что в плане часовня отдаленно напоминает лодку — емкий образ для озерного края.

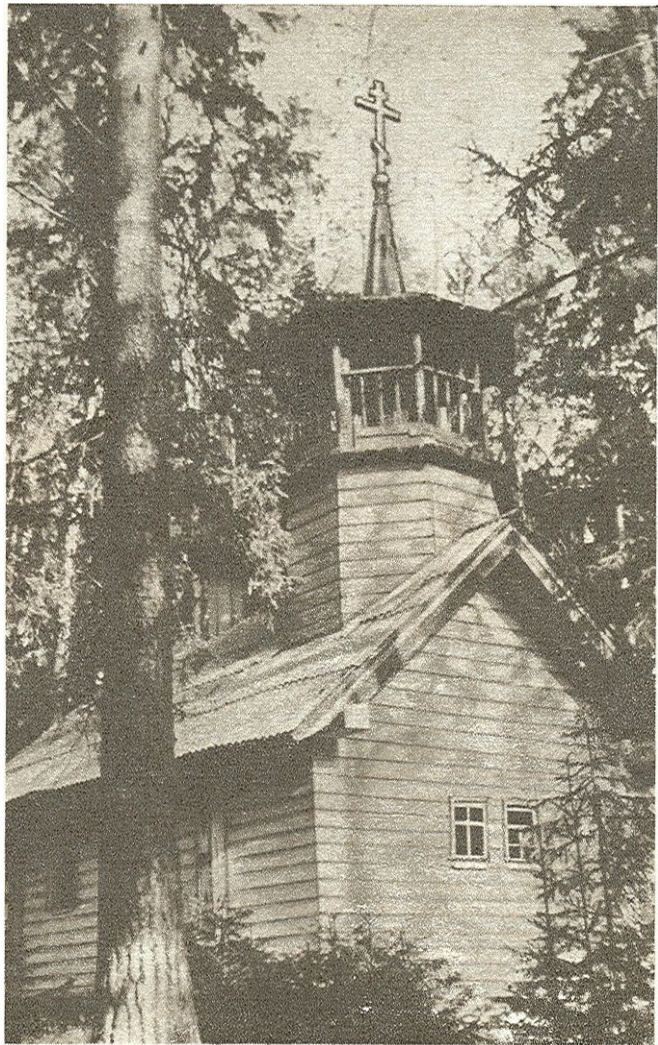

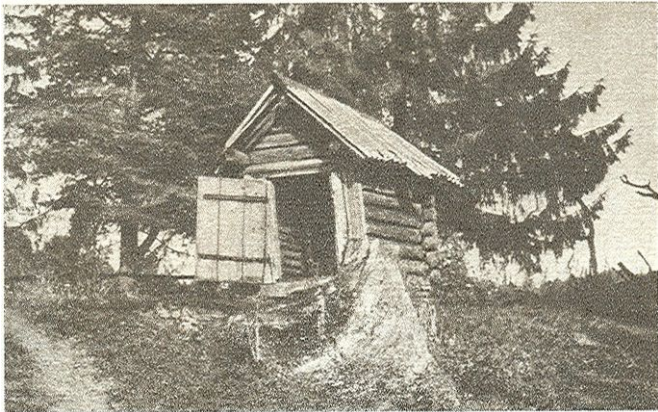
*Деревня Тарышкино.
Ограда дома с балконом*

В самой деревне Горбачихе, на берегу лахты, в еловой роще, как часто на Кенозере, стоит вторая часовня, наиболее простой и распространенной здесь формы. Это крытый на два ската сруб размерами с небольшую избу, над притвором которого сооружена звонница стропильной конструкции с перильным ограждением, с плоским покрытием и плоским завершением с крестом, видом своим напоминающая обзорную вышку.

За Горбачихой через неширокий залив Глубокой лахты, называемой Копецкой лахтой, на возвышении стоит деревня Тарышкино. Это одно из живописнейших мест на Кенозере. Лесистые наволоки и острова образуют несколько кулис, среди которых блестит вода — на все три стороны. Ощущение шири, приволья под стать торжественности народного эпоса, и мы снова убеждаемся, что кенозерские былины звучали на фоне поэтичной природы.

Прекрасный пейзаж, открывающийся из окон деревенских домов, требовал и в отделке жилища некоего художе-

*Деревня Тарышкино.
Часовня в еловой роще.
XIX в.*

*Деревня Тарышкино.
Часовня Крест. XIX в.*

Деревня Тарасово

←

→

ственного соответствия, и владелец дома, стоящего на высшей точке холма, постарался особенным образом его украсить. Над входом в дом по боковому фасаду сооружен резной балкон, с которого открывается лучший в округе вид. Кенозерцы, как и многие жители северных деревень, ходили на отхожие промыслы в города, и, конечно, оттуда занесены формы этого балкона с резной оградкой, повторяющей витую железную, и подфронтонные арки - подобные балконы можно было увидеть в старых северных городах, скажем, в Вологде. Окна дома тоже выглядят на городской манер — большие, с резными наличниками и двустворчатыми филенчатъши ставнями.

Любопытной особенностью ограды усадьбы является калитка непривычной формы: она не распаивается, как обычно, а сдвигается в сторону. И здесь проявлена та же оригинальность, что и в оформлении дома в целом.

Часовен здесь две, и стоят они укромно, не над озером, а в стороне, за деревней, под лесом.

Одна — придорожная часовенка, называемая Крест, — настолько мала, что, скорее, примешь ее за какую-то будочку. Это крохотный сруб, крытый на два ската, внутри которого в пору поместиться одному человеку, и то коленапреклоненно. По-видимому, когда-то рядом стоял придорожный крест, от которого часовня и получила свое название. Подобных миниатюрных сооружений, пожалуй, мы нигде больше не встретим.

По другую сторону дороги (если идти от деревни, то влево) возвышается густая еловая роща. Можно пройти мимо нее, если не знать, что в чаще стоит еще одна часовня. Вековые деревья со всех сторон обступили и скрыли в хвойной глуши эту значительных размеров постройку клетского типа, с двускатной кровлей, главкой на дощатом барабане и восьмериковой звонницей над притвором, вознесенной ввысь под стать обступившим ее высоким деревьям. (Местные жители следят за сохранностью часовни и даже покрыли ее шифером.) Здесь, в чаще, среди седых елей, в тиши леса, кажется она таинственным сооружением, нарочито упрятанным подалее от любопытных глаз. А в просвете деревьев, чуть отойдешь в сторону, начинает просвечивать вода — везде в здешних краях озеро напоминает о себе.

Выйдя из Глубокой лахты и двигаясь дальше вдоль извилистых берегов озера, мы придем в маленькую, всего в несколько домов, деревню Тарасовскую, лежащую в распадке между лесистыми холмами.

По-разному ставились деревни Кенозерья. В деревнях побольше преобладала рядовая застройка, в деревнях поменьше — свободная, как в Тарасовской. Очевидно, названа она по имени первого жителя, к которому стали пристраиваться другие, стараясь ставить избы на возвышенных местах, а в низине, среди деревни, возвели часовню. Во многих деревнях Кенозерья часовни стоят обособленно, а здесь она служит объединяющим центром в произвольной деревенской планировке. Пусть формы ее просты — все то же клетское сооружение с маленькой главкой на кровле и легкой звонничкой в виде вышки на четырех столбах, поддерживающих кровлю со шпилем, — но поставлена она — не подобрать иного слова — уместно, видна отовсюду и служит своеобразным фоном деревенским избам.

Судя по избам этой маленькой деревни и других, нами увиденных, мы убеждаемся, что кенозерцы редко ставили избы на высокие подклеты, обычно окна расположены сравнительно низко от земли, зато тем более впечатляюще выглядит фронтон из крупных самцовых бревен (на Кенозере продолжали крыть по самцам, в то время как в других местах

стали применять стропильную конструкцию, а фронтоны зашивать тесом). Дом 1911 г., как вырезано на консоли, является хорошим образцом кенорецкой избы сравнительно недавнего прошлого. Это четырехстенка, но широкий по лицевому фасаду, как чаще бывает у пятистенок. Поставлен и отделан с присущим северным плотникам вкусом. Красив его высокий фронтон, украшенный резными причелинами, свисающей резной ветреницей в форме полотенца. Охлупней на кенозерских избах, как мы замечали и прежде, нет. Украшают дом красивые оконные наличники с прорезной резьбой. Рисунок их характерен для резьбы позднего времени, в то время как небольшие оконные проемы с шестистекольными рамами и особенно одностворчатые ставни, выкрашенные желтой краской, с алым кругом посередине — архаическим солярным знаком — переносят нас к более древней традиции кенозерского народного зодчества.

На окраине деревни стоят два обетных креста. Это тоже одна из примечательностей здешних мест — народная архитектура малых форм. Когда-то таких крестов, поставленных по обету в память какого-либо события (например, избавления от мора скота), было много на Кенозере. По местной традиции кресты обвивались полотенцами.

Обычно такие кресты ставились при дороге, как и в Тарасовской, где их можно видеть возле мостика через ручей, тоже рубленного по старому образцу, у дороги в деревню Бор. Когда-то там находилась оригинальная часовня, но не так давно погибла от людского небрежения — сгорела.

Деревня Тарасовская стоит в стороне от маршрута теплохода, и попасть сюда можно либо на лодке, либо лесной дорогой от Тарышкина. Плывая отсюда дальше к северу, мы будем проходить мимо островов Овечьего и Кобыльего, названных так потому, что жители деревни Мамонов Остров пасли здесь скот, далее — мимо острова Виловатого, очертаниями своими похожего на двурогие вилы, подобные рогатине, какими и поныне мечут сено на кенозерских покосах, и наконец, выбравшись из путаницы лахт и островов, попадем на широкий плес. Здесь на узком песчаном наволоче и далее под высоким холмом раскинулось главное селение-Кенозера — Вершинино, или Кенозерское. Не так давно это были два близких селения, но ныне они соединились. Это был центр Кенозерской волости. Церквей было две — каменная и деревянная. Каменная Преображенская церковь построена в 1810 г. и представляет собой традиционное для приходских церквей сочетание объемов прямоугольной трапезной, кубического храма и пятигранной апсиды. Храм был покрыт на четыре ската, увенчан пятиглавием.

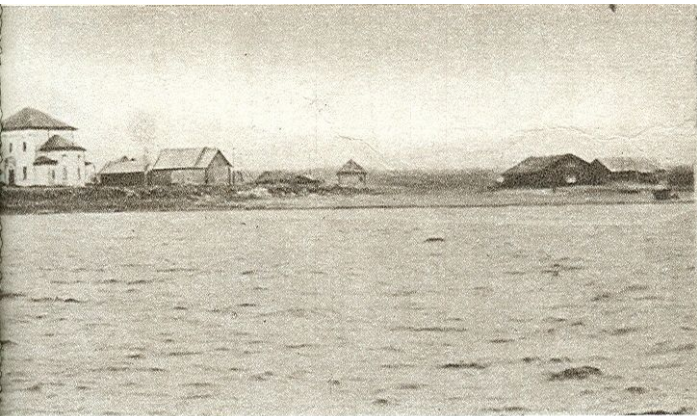

*Стирая часть села
Вершинине (Кенорецкое)*

В подобие каменного храма рядом была поставлена летняя деревянная церковь, повторяющая его формы в дереве. Ныне сохранилась только каменная церковь, утратив колокольню над притвором.

Далее под высоким голым холмом стройным рядом изб вытянулось собственно Вершинино, чьим именем теперь называется все большое село. Село значительно выросло за последние годы, сюда переселились жители отдаленных лесных деревень, перевезя свои дома, в том числе и из Порженского.

Если бы писать специальную монографию об этнографии, фольклоре, деревянном зодчестве Кенозера, то начать ее следовало бы с Вершинина. В старом центре Кенозерья все формы народного творчества должны были выступить наиболее ярко. Так это и было. Именно здесь Гильфердингом записано наибольшее количество кенозерских былин (свыше шестидесяти). В 80-е гг. прошлого века этнографы брат и сестра Н. и В. Харузины изучали здесь народные обычаи.

В 20-е гг. нашего века исследовал жилые постройки села известный советский искусствовед и архитектор М. А. Ильин.

И сегодня мы найдем здесь прототипы форм деревянного зодчества, уже увиденных нами.

Вершинине, как говорилось, лежит на низком берегу, не на вершине, но под вершиной, под высоким холмом, доминирующим над всей округой. На вершине холма одиноко стоит Никольская часовня XVII в. Ее можно назвать прототипом клетечих часовен Кенозерья: подобно старому дереву, она раскидала свои семена по озерным берегам.

Часовня столь прекрасно найденной формы, с таким смелым взлетом клина и отводом полиц над повалом, что и в поздней тесовой обшивке не теряет своего очарования. Как подлинный архитектурный шедевр, ее можно рассматривать бесконечно, находя новые выигрышные точки, чему способствует и рельеф местности и природный фон — открывающийся с холма озерный простор, наполняющий душу восторгом.

*Село Вершинине.
Никольская часовня.
XVII в.*

*Село Вершинино.
Никольская часовня,
вид с восточной стороны.*

Мы замечаем, что поставлена часовня не на самой высшей точке верхнего плато, а слегка на скате холма, так что южная стена значительно выше северной, но такая постановка при рассматривании здания снизу придает ему величавость.

Часовня как бы закрепляет вершину высокого берега и, одиноко стоя среди широкого оголенного пространства, выглядит монументальным сооружением. Но вблизи — и это свойство многих памятников деревянного зодчества — она кажется совсем небольшой, размеры ее соотнесены с человеком, она может показаться даже приземистой, вросшей в склон холма, как воспринимается, например, часовня с восточной стороны, откуда особенно четко рисуется силуэт ее кровли с изящно врезанной главкой.

Даже неопытному глазу заметно, что звонница поставлена неуместно — она не согласована с часовней композиционно, а лишь прирублена. И действительно, звонница пристроена к часовне в начале нашего века.

*Село Вершинино.
Двужирная изба. 1897 г.*

Мы отмечали уже свойственное кенозерцам почитание памятников старины. Так чтилась не только жителями Вершинина, но и окрестных мест Никольская часовня. Сам холм здесь считался заповедным и, по свидетельству этнографа В. Харузиной, поле на холме начали распахивать сравнительно недавно. По давней традиции в летние белые ночи молодежь собиралась на холме на гулянье. Место это называлось «поле». Как выглядели эти гулянья, какими красками пестрело «поле», теперь можно только вообразить, но вид с вершины и поныне открывается такой же, каким описала его В. Харузина сто лет назад: «Светлыми струями капризно и грациозно разлилось Кенозеро в мягких, низменных и зеленых берегах. Тут большой залив; там узкий, длинный наволок (мыс). Вот оно пропадает совсем, и вдруг с другой стороны поля покажется снова, светлое, смеющееся. Вот опять забежит за большой зеленый остров и снова блеснет уже в третьей стороне. Вот на горизонте мелькнет едва заметная светлая полоска... и это Кенозеро»¹.

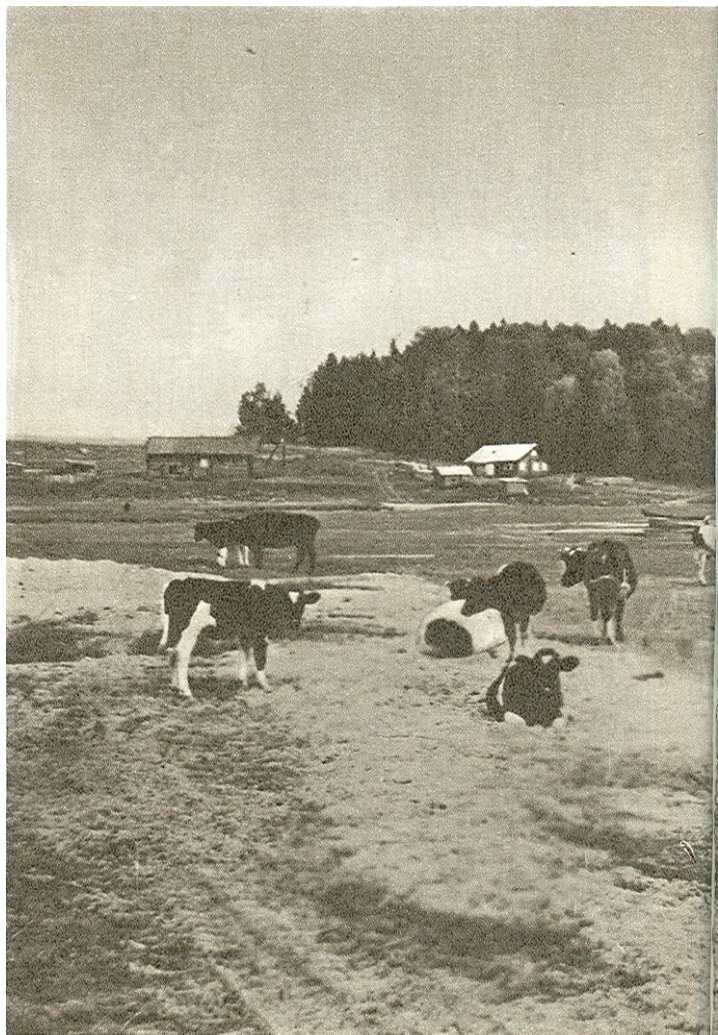
*Село Вершино.
Двуэжирная изба. XX в.*

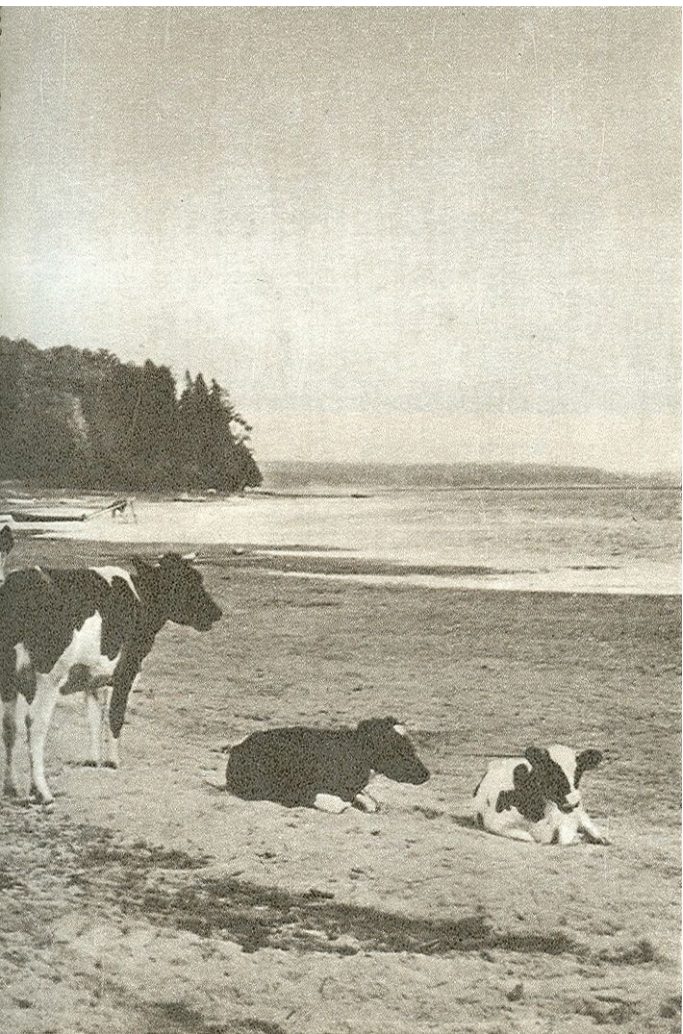
*Еловая роща у деревни
Шишкино*

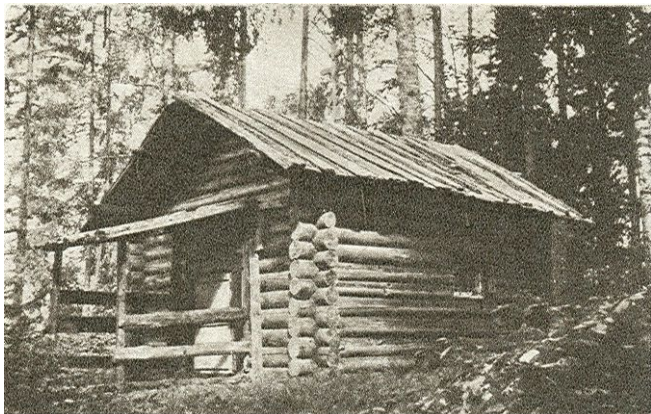

С вершины холма спустимся в село и пойдем вдоль ряда его статных изб. Конечно, Вершино не имеет теперь того облика, который в 20-е гг. застал Михаил Андреевич Ильин. В то время, по его подсчетам, двадцать—тридцать процентов изб в Вершинине были курными. Ученый сделал подробное описание одной из таких изб¹⁸. Подобную трехоконную избу на низком подклете, без охлупня, лишенную украшений, переделанную под белую топку, мы видели в Ряпусове. В Вершинине курных изб не осталось, даже как память. В селе, как говорилось, идет интенсивное строительство, возводятся новые дома, а старые подновляются и перекрываются шифером. Интересных построек здесь немало.

Снова вспоминая вышеназванную работу М. А. Ильина, хочется лишь заметить, что описанная им изба была более характерной для небольших деревень Кенозерья. Вершино, как волостной центр, выделялось в округе и среди скудных северных деревень считалось богатым селом. Некогда здесь регулярно два раза в год проводились ярмарки.

*Часовня в роще
у деревни Шишкино.
XIX в.*

Поэтому, в отличие от других озерных деревень, преобладающим типом старых жилых построек здесь следует считать двужирную избу.

Своей статностью и добротностью среди других изб, рядом выстроившихся вдоль озерного берега, выделяется дом 1897 г. Он и поставлен и украшен с умением. Окна нижнего этажа его скупо декорированы, все внимание уделено завершению здания, и тут плотники продемонстрировали все свое искусство. Верхний оконный ряд они выделили наличниками красивого рисунка и филенчатыми ставнями, фронтон украсили причелинами с полотенцами, из угла опустили ветреницу, некогда завершавшуюся резным «солнцем».

Балкон и слуховое окно мастера справедливо сочли неуместными, сохранив бревенчатую мощь фронтового треугольника, прорезав в нем лишь отдушину. Свес кровли защит тесом и раскрашен в красные и синие цвета, как окрашены были и ставни.

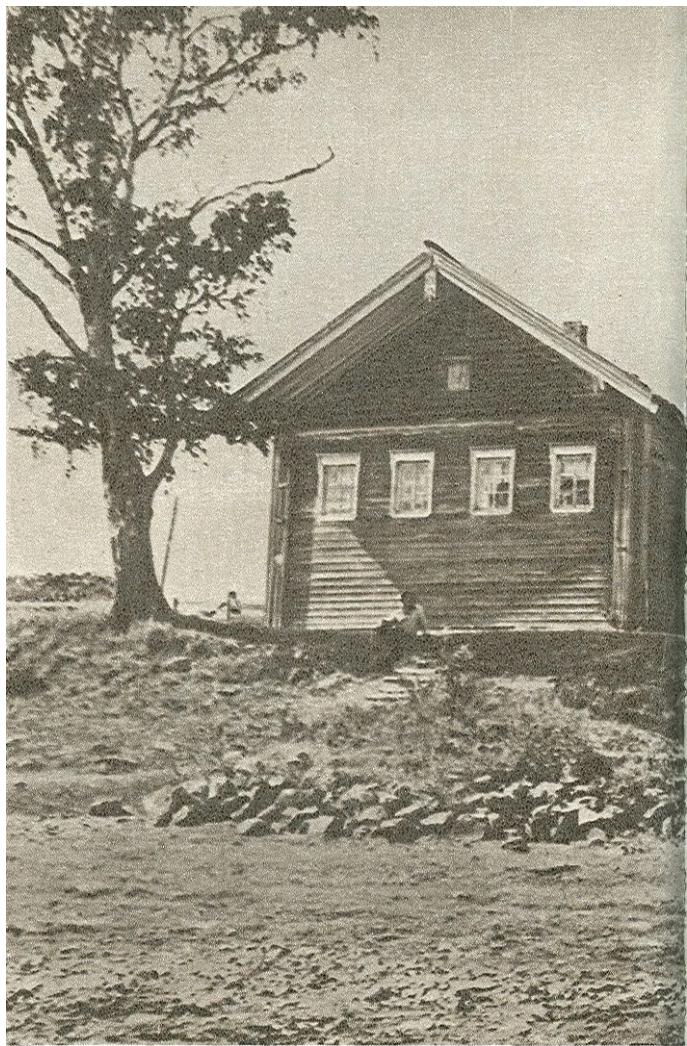

*Часовня в деревне
Бухалове. XIX в.*

*Деревня Немтое.
Сдвоенные избы.. XIX в.*

Стоящий рядом другой двужирный дом пленяет своей подфронтовой многолучевой звездой — «солнцем». В нем тоже много декоративных элементов, в отделку окон с прорезными наличниками вложено немало старания, но в целом он являет собой образец позднего вкуса и новых строительных приемов. Вместо традиционного четырехстенка появляется пятистенок, что дает в данном случае возможность организовать интерьер избы «по-городскому», вместо мощного фронтона самцовых бревен здесь стропильная конструкция кровли, при которой фронтон зашивается тесом. Мастера нашего века старались придать дому красивый вид, в то время как у мастеров прошлого века красота возникала произвольно, незаданно, словно бы сама собой.

Можно найти в Вершинине и другие интересные избы, и старой и более новой постройки. Вершининский ряд образует целый ансамбль, и приятно идти вдоль этого ряда, рассматривая избы, переводя взор на берег с баньками, с лодками, на само сверкающее озеро.

*Деревня Немятое.
Часовня. XIX в.*

В километре от Вершинина к востоку, на озерном мысу, черной массой на фоне оголенных берегов выделяется густая еловая роща. Ее нельзя не заметить, подплывая ли к селу, бродя ли по окрестностям. Это как бы часть леса, намеренно сохраненного среди полей, и леса особенного, не такого, как по другим берегам, вперемежку с лиственным и потому более светлого тона, а леса словно бы выхолонного, красиво стоящего огромной хвойной шапкой.

Это — «священная роща» у деревни Шишкино. Почему так названа маленькая деревня под еловой рощей, понять нетрудно. Но почему здесь возникла «священная роща» — сказать труднее. Конечно, старше она стоящей рядом деревни, а традиции, связанные с ее почитанием, еще глубже и уходят в языческую древность. Мы отмечали уже особое, бережное отношение к заповедным деревьям в Лёкшмозерской округе, видели часовни в заповедных рощах в Горбачихе, в Тарышкине, но среди всех роща у деревни Шишкино наиболее выразительна своей эпической красотой.

*Деревня Кирпово.
Дом с балконом. XIX в.*

Традиция почитания деревьев, как стоящих отдельно, так и растущих вкуче, была характерна не только для каргопольского Поозерья, но и для ряда мест Заонежья. Это отметила упоминаемая нами выше В. Харузина:

«Замечательно, что, окруженные со всех сторон лесом, крестьяне с такой любовью относятся к небольшой, состоящей из нескольких деревьев рощице, окружающей часовню. Такую любовь к этим, так называемым «священным рощам» мы замечали и в других местах... Некоторые из них действительно отличались своим живописным местоположением, как, например, Священная роща около деревни Шишкино на Кенозере. Другие ничем не отличались, но народ все так же восхвалял их»¹⁹.

В «священной роще» никто не смел рубить деревьев. К этим рощам приходила на гулянье молодежь. В некоторые церковные праздники был обычай купаться под рощей в озере. Пересказывая свои наблюдения, исследовательница заключала: «Нет сомнения, что тут мы имеем дело с места-

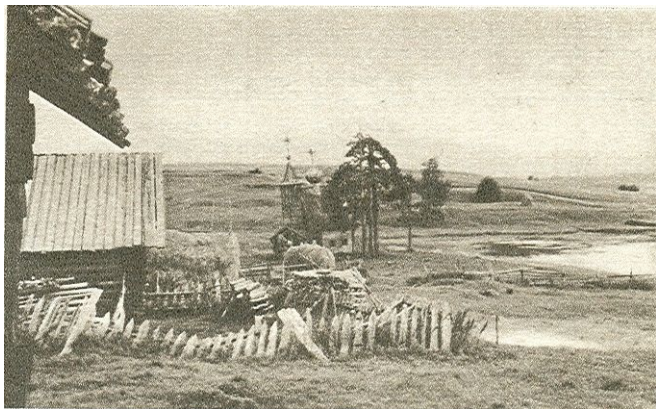

*Деревня Карпово.
Часовня в поле. XIX в.*

ми, освященными раньше языческими святилищами, теперь же христианскими часовнями»²⁰.

Так и в глубине роши у деревни Шишкино на полянке среди зарослей малины стоит часовня. Похожа она на лесную избушку, и только крест, укрепленный на кровле, свидетельствует о ее назначении. Неподалеку от часовни виден пересохший пруд. Возможно, некогда он наполнялся родником, теперь иссякшим. Какие забытые предания связаны с этим местом? Долго можно просидеть в этом укромном лесном уголке, глядя на старые могучие деревья, слушая шум ветра в кронах.

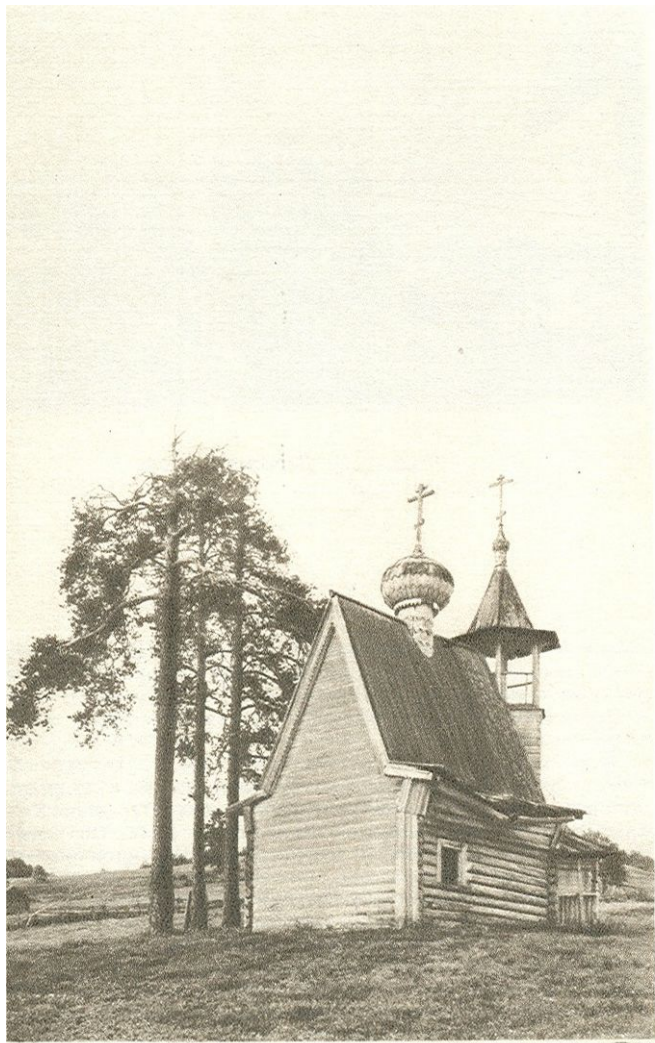
За Вершинином Кенозерский плес снова сужается. Влево отходит живописная Тамбич-лахта (впрочем, слово «живописное» можно употребить для любого места Кенозерья). В глубине лакты на полуострове у деревни Бухалово увидим мы еще одну клетскую часовню поздней постройки. Но как у каждой из кенозерских часовен, есть у нее своя особенность. Здесь это небольшая звонница, поставленная над

Деревня Глазово

притвором на двух маленьких восьмериках. Кровля звонницы плоская, над ней сооружена главка с высоким крестом, на кровле часовни врезана главка на тонкой шейке, тоже с высоким крестом, — вертикали оживляют облик этого простого сооружения.

Далее, за Тыр-Наволоком, по низкому берегу будет деревня Немятая. Здесь внимание всех проплывающих и проходящих привлекают два поставленных рядом и Соединенных крытым переходом больших двухжирных дома. Оба дома статные, с широким свесом кровли, резными причелинами и ветреницами. Правый дом — пятистенок, он крупнее и солиднее своего собрата. У левого дома по лицевому фасаду в нижнем этаже окон нет, окна прорезаны по боковому фасаду (как в «доме с крашеной дверью» в Ряпусове). Как часто бывает у двухжирных домов, венцы срубов зашиты тесом, как зашит и свес кровли. Молва говорит, что жили в них когда-то два брата, так и стоят они рядом домами-братьями. Но почему встали они в такой тесноте, небезопас-

ной в пожарном отношении? Очевидно, потому, что не так-то легко было найти в деревне свободное место для нового дома, и пришлось поставить вторую избу на старой усадьбе. Мы отмечали уже, как ценилась земля в скудных кенозерских окрестностях. К тому же рельеф местности не давал возможности росту деревни, ограничив ее сырыми низинами, поневоле приходилось тесниться.

В отличие от других часовен, поставленных вблизи озера или роши, здешняя часовня стоит среди каменистого поля на некотором отдалении от деревни. Это одна из наиболее простых по форме построек. В кровлю над притвором врублен восьмерик звонницы. Плоская кровля звонницы поддерживается круглыми столбиками, между которыми устроено легкое перильное ограждение. Скромность и незатейливость этого сооружения под стать этому скудному полю и окружающим сырým лесам.

На противоположном, гористом берегу расположилась деревня Карпово, или Карпова Гора. Здесь одна из высоких

*Деревня Глазово.
Часовня. XVIII в.*

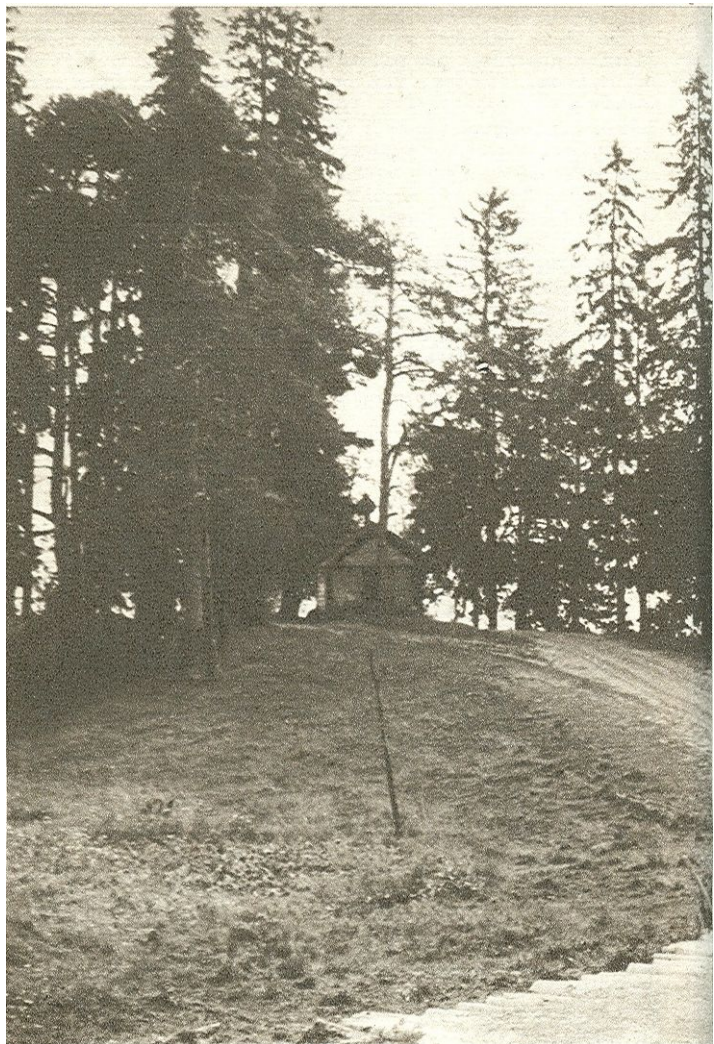
*Деревня Ммино.
Часовни в роше. XIX в.*

точек округи, и потому смотрится деревня весело и вид от нее веселый. И здесь, как и в стоящем на вершине Тарышкине, один из домов украшен крыльцом с балкончиком. Хорошо балконное ограждение в косую решетку, хороши и узорчатые ставни дома.

Дом поставлен так, что окна избы и горницы смотрят на озерные дали, а крытый двор прирублен не с торцового, а с бокового, северного фасада. Подобная организация избы и крытого двора встречается и в других кенозерских деревнях.

В Карпове, как и в Нямтой, часовня поставлена за деревенской околицей, в поле. Чем это вызвано? Ведь северяне берегли каждый клочок земли. Быть может, связано это с традицией летних гуляний в поле, как о том писала В. Харузина? Часовня в Карпове — самая скромная из всех нами виденных: звонница на четырех столбах завершена четырехскатной палаткой с крестом; у часовни крест поставлен на кровле.

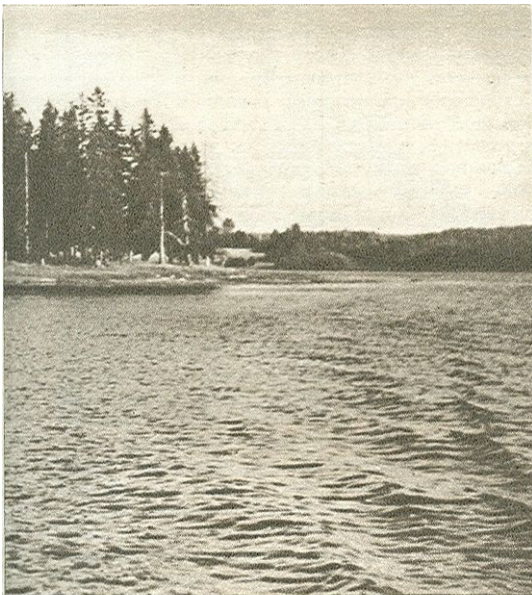

Далее водный путь наш идет так называемым Челмским проходом, подобным широкой реке, в третий озерный плес — Свиной, называемый также Свиным озером.

Как будто бы немало повидали мы на Кенозере, и чем дальше знакомимся с новыми деревнями, тем заметнее повторение в народном зодчестве определенных тем и мотивов: мы находили их и в пространственной организации поселений, и в облике жилого дома, и в формах часовен; и теперь, находясь в конце пути, нам может показаться, что ничего нового, интересного мы не встретим. Мы останемся при этом предубеждении, если не сумеем из Свиного озера попасть в его южный конец, в дальнюю Шуй-лахту.

Памятник, который мы увидим, — часовня в деревне Глазово — мало известен, между тем на Кенозере, богатом памятниками деревянного зодчества, он стоит в первом ряду.

Духовская часовня — изящное, стройное, легкое сооружение. У нее высокая островерхая клинчатая кровля с пере-

Деревня Мыза

ломом над повалом и широкими отводными полницами. Как в старых постройках (например, в вершининской часовне), завершение небольшого сруба здесь главная тема. В острый клин кровли изящно врезана крупная (относительно объемов здания) шейка с главкой, крытые лемехом, что придает сооружению нарядность.

К часовне прилегает возведенная на столбах (не рубленая) и зашитая тесом шестигранная высокая звонница над притвором, крытая шатром с лемеховыми шейкой и главкой. По-видимому, она пристроена позже, но, в отличие от вершининской, удачно сочетается с объемом часовни: ее острроверхность, внося добавочную вертикаль, усиливает взлет клинчатой кровли.

Поставлена часовня возле деревни в распадке между двумя пологими холмами, на низком берегу, на перешейке между Шуй-лахтой и Карповской лахтой. Она прекрасно вписана в мягкий пейзаж окрестных полей по холмам, спускающихся к озеру. Очарование ее дополняют три стоя-

щих рядом сосны, едва ли не современницы часовни XVIII в., с засохшими от старости верхними сучьями.

За Глазовом, в дальней оконечности Шуй-лахты, в полукилометре от берега, между деревнями Ершово и Минино в заповедной роще стоят еще две часовни. Большая, Георгиевская, с четырехстолпной звонницей над притвором, увенчанной пирамидкой с крестом, и с луковицей на дощатом барабане на кровле. Схожего типа часовни, виденные нами в Нямятой и Карпове, она превосходит своими размерами. По другую сторону проходящей через рощу дороги стоит небольшая Казанская часовня, с рубленным навесом над предместьем, увенчанная крупной главкой на шейке-столбике.

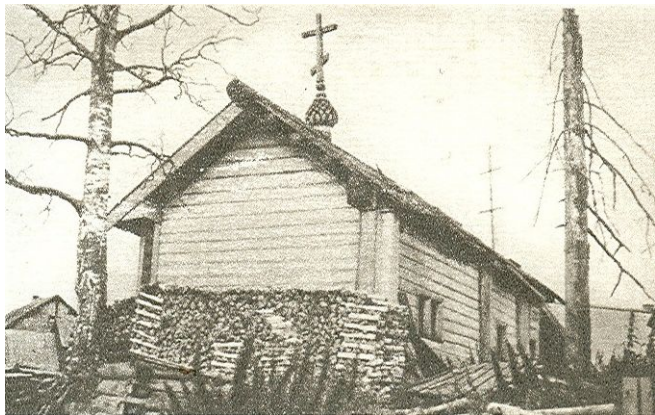
Из Шуй-лахты мимо островов Борового, Падшего, Собачьего, Еловца мы следуем в последний пункт нашего пути — Усть-Почу. Поселок этот, как говорит название, стоит на устье впадающей здесь реки Ночи, на длинном и узком наволоке, далеко выдающемся в озеро. На самой оконечности наволока — деревня в один дом, Мыза (что означает «хутор»). Выше по склону холма теснятся заповедные ели. На низком берегу у воды — другая группа деревьев. Никакими культовыми постройками эти рощи не отмечены, но какие-то предания с этим местом связаны. Здесь красивый озерный уголок, а с вершины холма, как со всех высоких берегов озера, открываются приветливые виды.

В Усть-Поче встречаем мы последнюю на нашем пути по Кенозеру клетскую часовню, простой формы, со скромной главкой на кровле, без звонницы. Она затерялась среди тесно стоящих домов и хозяйственных построек.

Кончен путь, и грустно сразу расставаться с прекрасными местами. Можно порекомендовать продлить путешествие и проехать из Усть-Почи на Почозеро (5 км), где стоит чудесная шатровая церковь, а поодаль можно увидеть старый погост с рубленой оградой и придорожную часовню. Памятники эти не входят в наш маршрут (они описаны мною в книге «Каргополье — Онега»).

Давайте оглянемся на пройденный путь и подведем итоги. Что увидели мы, что узнали? Увидели мы редкой красоты пейзажи, деревни, избы, часовни. Они поразили нас своим разнообразием и выразительностью, хотя, в сущности, набор художественных элементов, из которых слагаются формы деревянного зодчества, очень невелик и прост. Но такова вообще особенность народного творчества, в том числе и былин, с которых мы начали рассказ.

Кенозеро, очевидно, более всего удивило нас обилием своих часовен. И действительно, подобного нет в других местах

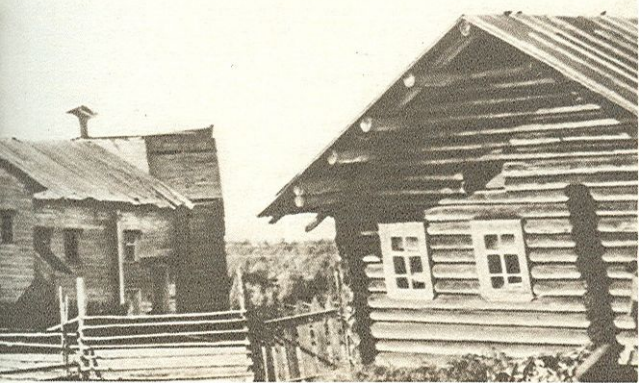
*Деревня Усть-Поча.
Часовня. XIX в.*

*Шатровая церковь
на Почозере. XVII в.*

Севера. Объясняется это, конечно, многочисленностью небольших деревень, рассеянных по изрезанным озерным берегам. И повсюду, как заметили мы, распространен исключительно тип клетской часовни. Между тем часовни бывали и других форм, например шатровые, с бочковидной кровлей, с четырехскатной кровлей, но на Кенозере только клетские с двускатной кровлей. Почему так? Спросим себя: а возможно ли появление в пейзаже Кенозера памятников другого типа?

Припомним расположение и облик почозерской церкви. Шатровая церковь на Почозере стоит на грядке между двумя небольшими озерами — она живет в пейзаже, его одушевляет. Но стоит перенести эти формы в другую обстановку, как они омертвляют, засохнут. Почозеро всего в пяти километрах от Кенозера, и, казалось бы, те же мастера могли возвести подобное чудо и тут. Но, вспомнив Вершинино с клетской часовней на горке и вообразив на ее месте иное, скажем, шатровое сооружение, мы ощути́м его несоответст-

вие пейзажу. Окажется, что вертикаль шатра не гармонирует с пространством большого озера, не вписывается в него. Шатер возможен на крутом берегу реки или на низком берегу небольшого озера или залива большого озера (как, например, памятник в Кондопоге), но широкий водный простор требует иных архитектурных форм. Совсем не случайно зодчие ансамбля в Кижях выработали эпическую форму многоглавия. Но у Кенозера иной облик, который определяют изрезанные гористые берега. Здесь эпическая мощь шатрового здания и эпический пейзаж окажутся несовместимыми. Напротив, скромный, лирический облик клетской часовни гармонично сочетается с суровым эпосом кенозерского пейзажа. Так мы начинаем понимать, что памятники деревянного зодчества органично живут в пейзаже, что сам их облик определяется пейзажем окрестных мест.

Мы осмотрели почти все памятники Кенозерья, не пренебрегая самыми простыми. Все они живут в своем природном окружении. Вне его они утратят свое очарование и будут выглядеть обыкновенным срубом.

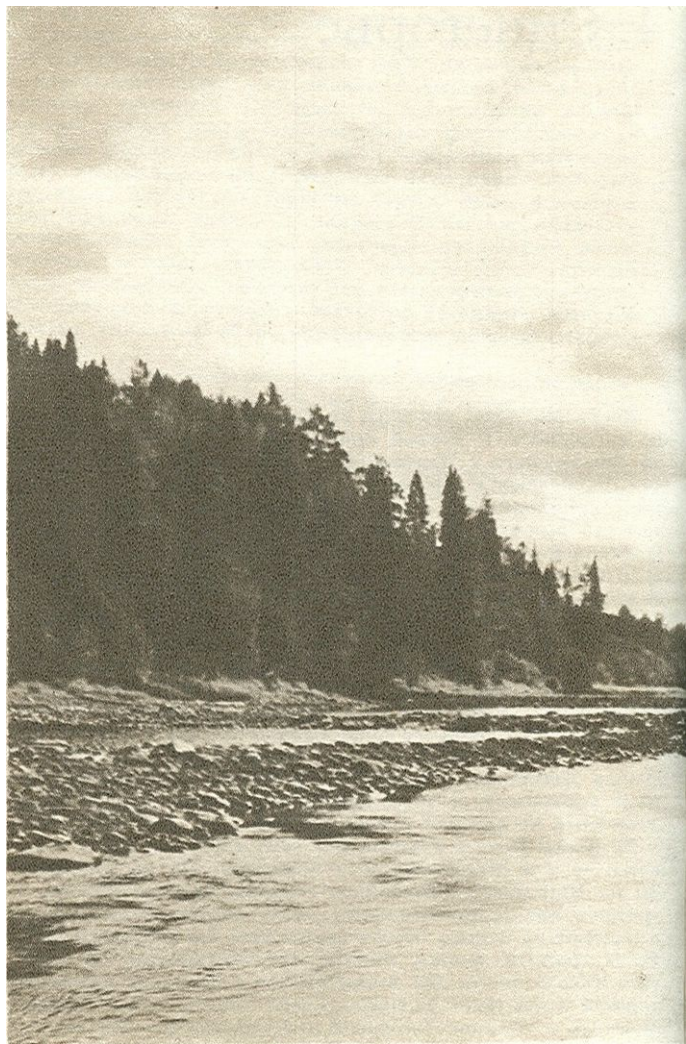
Кенозеро — само по себе уникальный музей деревянного зодчества под открытым небом. Так это и будет со временем. Район Кенозера предполагается сделать филиалом Архангельского музея деревянного зодчества.

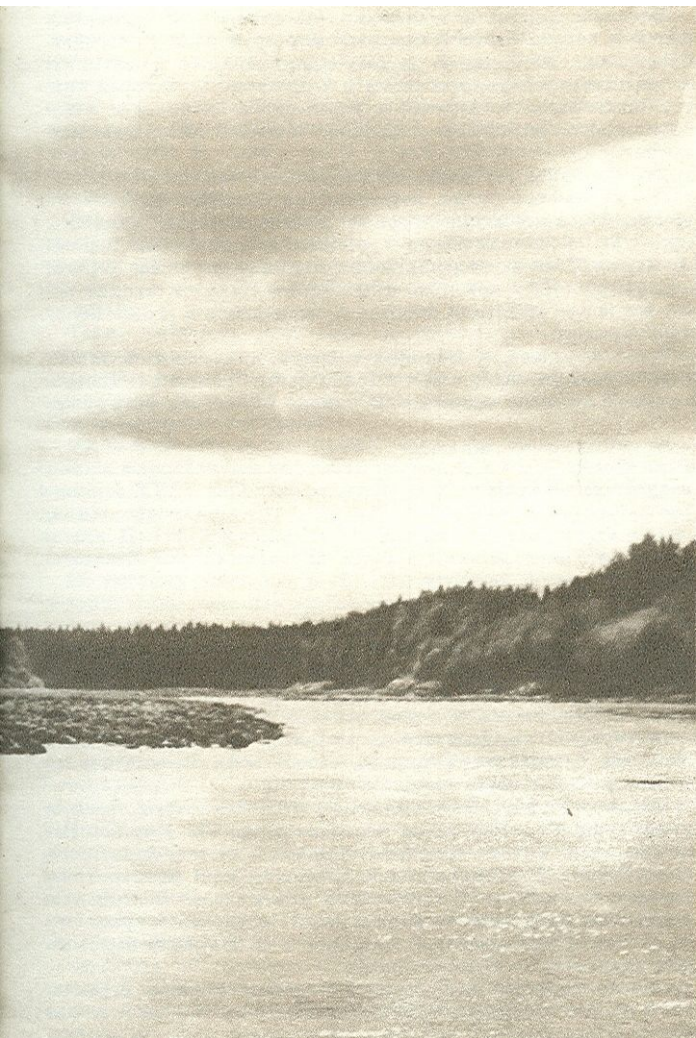
4. Синегорье

Несколько дорог сходятся на Кенозере, и несколько от него расходятся. С южной стороны выходит к нему дорога из Ошевенского и Каргополя. С юго-западной стороны через Порженское и Лёкшмозеро шел пудожский тракт, имевший немаловажное административное и торговое значение (до революции Кенозерье входило в Пудожский уезд Олонецкой губернии). На север через ундозерские места шла дорога к деревне Кривой Пояс к дальше, к Кожозеру. К востоку идет тракт на реку Онегу, в обжитое Поонежье.

В более древние времена преимущественное значение имели водные пути. О новгородском волоке между Водозером и Кенозером мы упоминали. Этим путем можно было выйти на реку Илексу, деревни по которой относились к Каргопольскому воеводству. На Илексе, на озере Юрьевом (ныне носящем название Монастырского), «подле Каргопольского рубежа», как сказано в Писцовых книгах XVII в., стояла Дамианова Юрьегорская пустынь — пожалуй, самый удаленный и труднодоступный монастырь из всех известных на русском Севере.

По рекам Поче и Ундоше вел путь к Ундозеру, а с волоками — и к Шардозеру, и к Кожозеру. Ни на Ундозере, ни на Шардозере памятников старины не сохранилось, и поэтому два примечательных озера каргопольского края выпадают из нашего обзора (даже если бы добраться туда было простым делом). Обычно путешественнику не остается ничего иного, как возвращаться с Кенозера проезжей дорогой вдоль Кены на Онегу, в село Конево, откуда можно проехать к станции Плесецкой или вернуться в Каргополь.

Нам же придется несколько уклониться от проезжих путей и нарушить свой озерный маршрут ради Синегорья. Собственно, это путь к одному-единственному памятнику, но памятнику первоклассному и уникальному. В своей книге «Каргополье — Онега» я упоминал о нем, но не имел возможности рассказать подробнее и теперь восполняю этот пробел.

Что же такое это сказочно звучащее Синегорье?

Это холмистая гряда, пересекаемая Онегой в среднем течении. Это голубеющие лесные шапки, которые увидишь, пролетая на самолете или проезжая по лесовозной дороге. А плавя Онегой, видишь лишь высокие лесистые берега, лесную узость, в которую за поселком Наволок входит река, все более убыстряя течение и скатываясь к своим Великим порогам.

Когда-то здесь, у Великих порогов, называемых также Бирючевскими, было самое глухое место Поонежья. Теперь, конечно, этого не скажешь. В районе Синегорья обнаруже-

*Река Онега
в среднем течении.*

«—

но крупное месторождение бокситов. За последние десятилетия в прежде глухой тайге возник бокситовый рудник, а в некотором отдалении от берега Онеги вырос новый город — Североонежск, один из тех новых благоустроенных городов, которые стали приметой сегодняшнего дня. Там, где прежде были тропки, теперь асфальтовые дороги и новые мосты через реки.

Когда-то не было подъездных путей к Синегорью, помимо реки, теперь попасть сюда гораздо проще. От поселка Наволок, куда можно проехать автобусом от железнодорожной станции Плесецкая, мы и начинаем наш путь в Синегорье, к Пустыньке. В сырое лето, когда Онега многоводна, добраться туда можно на попутной моторке, в сухое лето — случайной попутной машиной или тридцать километров пешком.

Онега, почти на всем своем течении унизанная деревнями и поселками, здесь, в середине своего пути, резко меняет облик и приобретает вид суровой таежной реки. За послед-

ней деревней, Нижний Маркомус (Плешковская), где некогда на обрывистом берегу стояла часовня XVIII в. с оригинальной бочковидной кровлей, с галерейкой²¹, до самой Пустыньки нет селений, а только река, уводящая в неизвестность, каменистые луды, пересекающие плесы, беловодные ручьи, сбегаящие с берегов, и зубчатые ряды островерхих елей. И сама река и лесной пейзаж кажутся неизменными и вечными, какими были они во времена древних новгородцев.

Так от излучины к излучине ведет своенравная река, пока за последним поворотом, за кипящим, порожком не откроется на низком речном мысу под высоким холмом небольшая деревня с выбеленной церковью. Это и есть Пустынька.

Такие названия мест, как Пустынька или озеро Монастырское, хотя зачастую никаких следов прошлого там не сохранилось, всегда свидетельствуют о существовании здесь монастыря. Так и на этом месте стояла некогда Ямецкая Благовещенская пустынь.

Ни основатель ее, ни время основания неизвестны. Возможно, возникла она во второй половине XV в. Известно, что в начале XVI в. через нее проходил Антоний Сийский, по преданию, написавший для братии монастыря икону Благовещения. Приписываемая ему икона некогда хранилась в турчасовской Благовещенской церкви, ныне не существующей.

Но история этого места гораздо древнее. В самые давние исторические времена населяло окрестные места чудское племя емь, или ямь. Первое летописное известие о еми относится к XI в. В Никоновской летописи под 1042 г. содержится запись: «Иде Володимер, сын Ярослава из Нового города на Емь и победиша их и плениша множество». Новгородские летописи несколько раз упоминают о походах ушкуйников на емь. Последнее неудивительно, поскольку через места обитания еми проходил волок с Онеги на Северную Двину, начинавшийся здесь, у Пустыньки, а кончавшийся за водоразделом, у верховий реки Емцы, получившей свое название от древних, бесследно исчезнувших обитателей. Так что допустимо предположить, что какое-то поселение на сравнительно людном, проезжем пути здесь возникло очень давно. Основанная на емцком волоке пустынь наладила мосты и гати и за проезд по ним получала дорожный сбор.

Сведения об истории Ямецкой (или Емецкой) пустыни скудны²². Первое документальное упоминание о ней содержится в сотной книге Никиты Яхонтова 1592 г. При царе

Федоре Ивановиче монастырь получает жалованную грамоту. «А по той грамоте велено им владеть землею и всякими угодья и промыслы вверх по Онеге до речки до Пяленги на четыре версты, а вниз до Каркуса порога на пять верст, да в Емце реке до мосту, ниже Оленья броду на версту» — так определялись монастырские владения в Писцовой книге Семена Языкова 1615 г.

В другой, Писцовой книге Ивана Воейкова (1621—1622 гг.) о пустыни сказано: «В Каргопольском уезде, в Турчасовском стану, на Онеге реке, на Емецком волоку, монастырек убогий, Благовещенский; а в нем церковь Благовещения Пречистые Богородицы древяна, стоит без пения, и церковного строения нет ничего. А в том монастыре живет в келье старец Осей. Пашни паханые худые земли, около монастыря осмина, за перелогом три четверти в поле, а в дву потому ж...»

Мы узнаем также, что в годы Смутного времени, «в разоренье литовские люди в той пустыни старцов посекали а жалованную грамоту сожгли и после того-де Побережские, Марковские, Шелековские крестьяне их, старцов, обижают». Из этих строк мы можем заключить, что оставшийся в живых старец Осей собрал малочисленную братию, но пустынь влачит жалкое существование. Окрестные крестьяне теснят монахов, предъявляют претензии на их владения, поскольку монастырь не может документально обосновать свои права. Поэтому «черный поп» Кирилл с братией посылают в Москву жалобу на местных крестьян и просят подтвердить свои прежние права. Грамоту такую они получают.

Очевидно, перед нами один из многих эпизодов борьбы крестьян с монастырями за право землевладения. Можно вспомнить, что столетием раньше Антоний Сийский, пройдя через Ямецкую пустынь, первоначально поселился на Шелеховском озере, где прожил семь лет, но был согнан окрестными крестьянами, опасавшимися, что новый монастырь, окрепнув, отнимет их земли (непокорные шелеховские крестьяне упоминаются и в цитированной выше грамоте).

Хотя прежние льготы, по новой грамоте, вернулись к монастырю, он так и не смог окрепнуть. Главной причиной тому было, что емецкий волок запустел, перестал быть важным торговым путем — на смену ему пришли сухопутные пути с Онеги на Двину. К тому же и монастырские пашни, «худые земли», и рыбные ловли не столь обильны в среднем течении реки, как в ее низовье.

Короткий расцвет пустынь переживает в годы управления

обителем строителя Павла (1718—1741). При нем возводится двухпрестольная церковь Благовещения, сохранившаяся до наших дней.

Дальнейшая история Ямецкой пустыни напоминает нам истории других удаленных северных пустыней, о которых мы уже рассказывали. Сначала они приписывались к более крупному монастырю, в данном случае к Спас-Каргопольскому, а затем упразднялись. Монастырская церковь была обращена в приходскую, а на месте обители возникла деревня, которая в память существовавшей здесь пустыни стала называться Пустынькой.

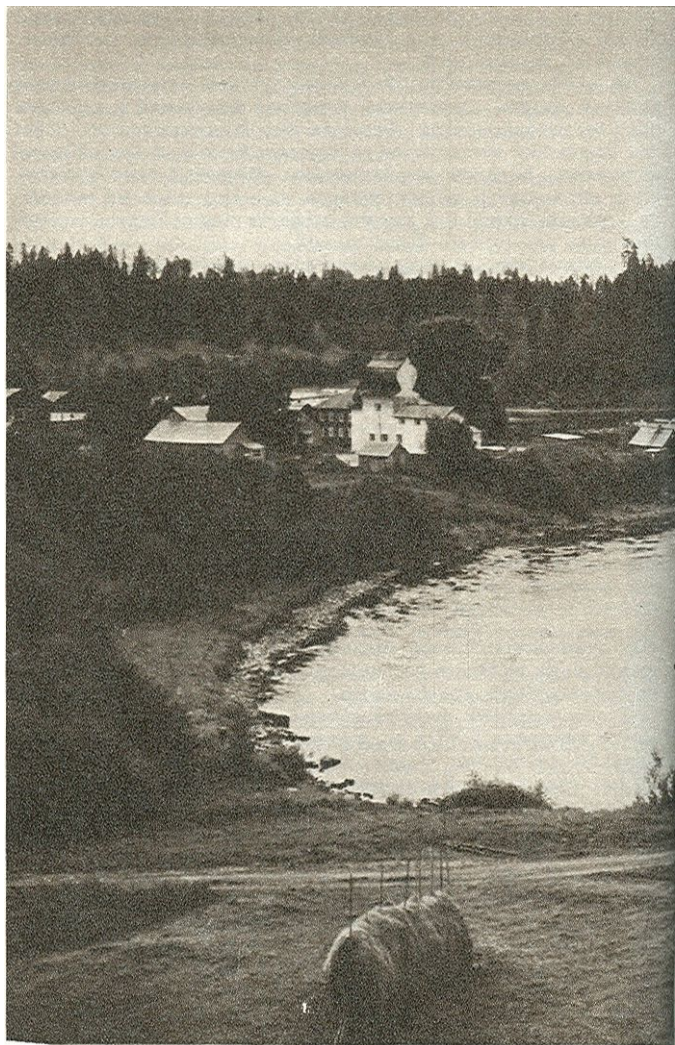
Название это, конечно, подходило и к характеру здешних мест — к их пустынности, удаленности, стесненности лесистыми холмами. Полей и лугов здесь немного, и они скудны, поэтому жителям лесной деревеньки, как и других окрестных деревень, приходилось искать побочные источники дохода. Таким источником стала опасная работа на реке. За жителями Пустыньки и деревень выше с давних

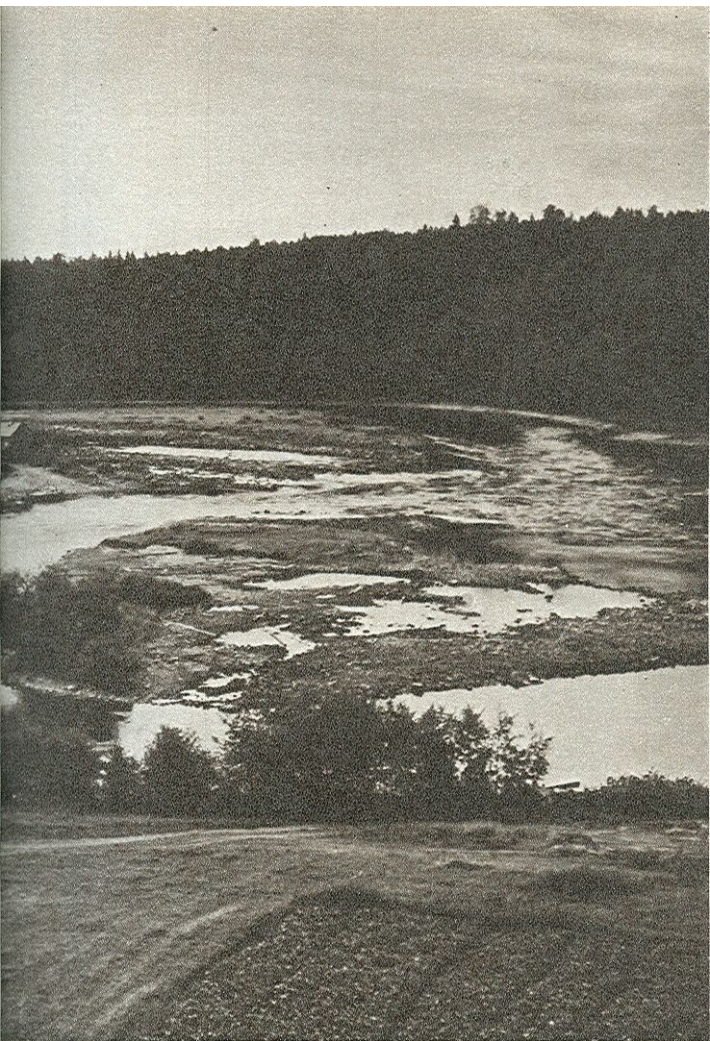
Деревня Пустынька

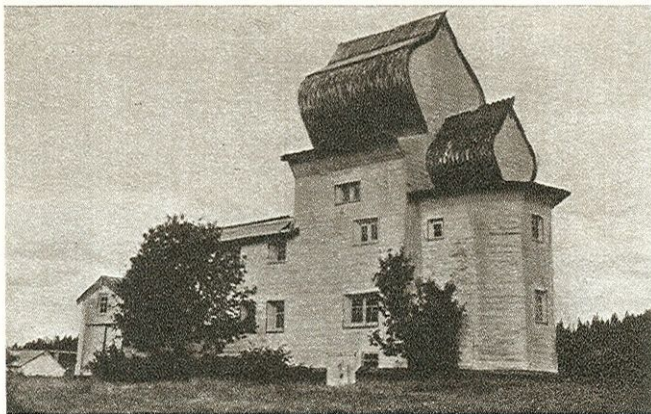

пор укрепились слава опытных лоцманов. Обычно плывущие вниз по Онеге не решались проходить Великие пороги без опытного провожатого.

С расширением лесоразработок по реке Онеге, начатых еще в середине XVIII в., к ремеслу лоцмана прибавилось ремесло плотогона. О тех, теперь легендарных, временах до сих пор народная память хранит множество рассказов, и смешных и печальных. Колоритные черточки старого быта найдем мы и в произведениях Александра Чапыгина, уроженца Усть-Моши — не столь далеких отсюда мест. В то время плотогонов на Онеге звали «лободырами» (у Дала: «Лободыроватый — глупый, тупоумный»). Это были смелые, но бесшабашные люди, которым легко доставались деньги, но скоро и уходили. По договору с хозяевами, пригнав плоты к деревне и поставив их ниже первого порога, они получали щедрое угощение. Поэтому и носит первый порог название «Дикая пьяница». А дальше предстояло провести ярус из восьми плотов по бешено кипящей воде.

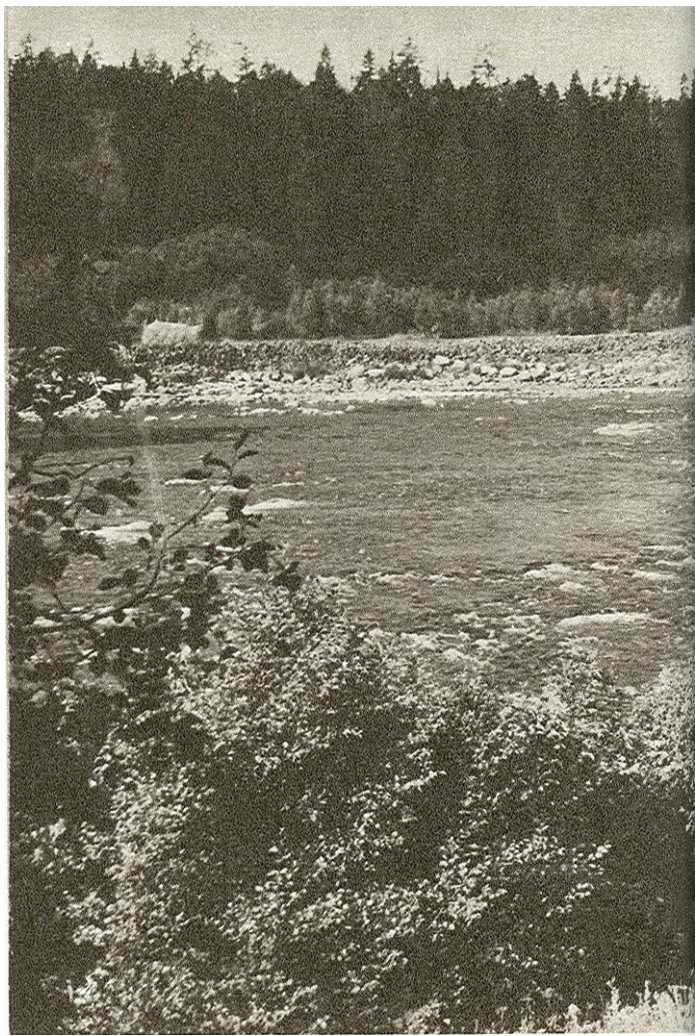
*Деревня Пустынька.
Благовещенская церковь.
1719 г.
Вид с юго-восточной
стороны*

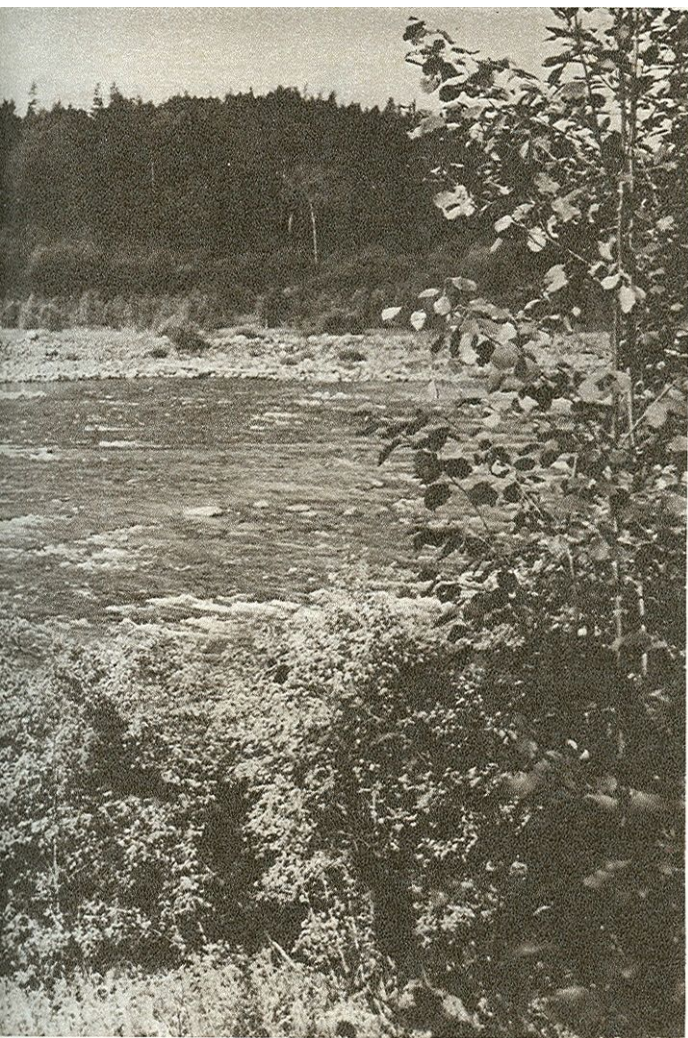
*Деревня Пустынька.
Благовещенская церковь.
1719 г. Вид с восточной
стороны*

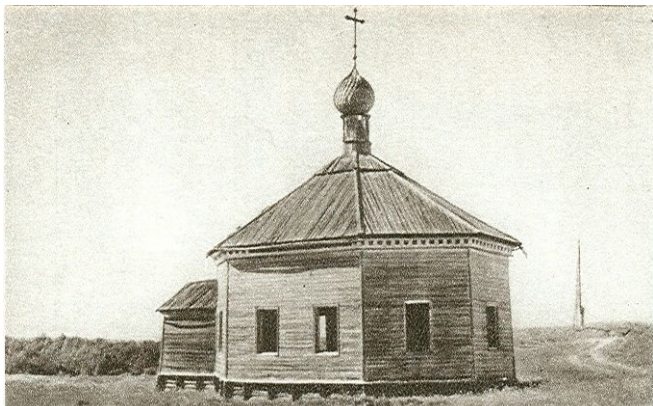
в камнях, где все решают доли секунды. Пройдя самые опасные пороги, плоты приставали у деревни Бирючевской, по имени которой называются пороги. Здесь был «Винный плес», где тоже полагалось угощение. Скупиться хозяевам не следовало, поскольку впереди были еще Гусевы пороги.

Давно отошло в прошлое ремесло плотогона, хотя все еще возникают на Онеге были и легенды о смельчаках, проходивших Великие пороги на одном бревне. Путешественник, достигнув Пустыньки, может увидеть самые большие пороги Онеги, пройдя высокой грядой правого берега, некогда бывшей дорогой на деревню Бирючево, теперь обратившейся в тропу. Он увидит сверху в просвете между деревьями сверкающую, шумящую реку в большую воду и всю засеянную камнями в маловодье, а пройдя четыре километра, увидит и услышит грозное кипение воды и, спустившись по крутому лесному откосу, предстанет перед самым большим порогом Онеги, который в Писцовых книгах XVII в.

Бирючевские пороги

*Варваринская церковь.
XIX в.*

назван «Каркус-порогом», но ныне старое название его забыто и называется он просто и значительно: «Большая голова».

Ознакомившись с прошлым Пустыньки и ее тоже по-своему легендарным, величавым пейзажем, подойдем теперь к цели нашего пути — деревянной Благовещенской церкви.

Исходя из сообщения, что нижний, теплый Благовещенский храм был освящен в 1719 г.²³, датировать постройку следует этим временем. Верхний, Вознесенский храм освящен в 1725 г.

Уже при первом взгляде на это сооружение мы ощущаем его необычность, хотя использованные здесь архитектурные формы нам знакомы. Решение здания предельно просто и сводится к одной теме: высокий четверик храмового сруба служит постаментом для возведения мощной, выразительных очертаний бочки. Вторая, меньших размеров, бочка поставлена над пятистенной апсидой. То, что бочка поставлена над апсидой, обычно и у шатровых и у кубова-

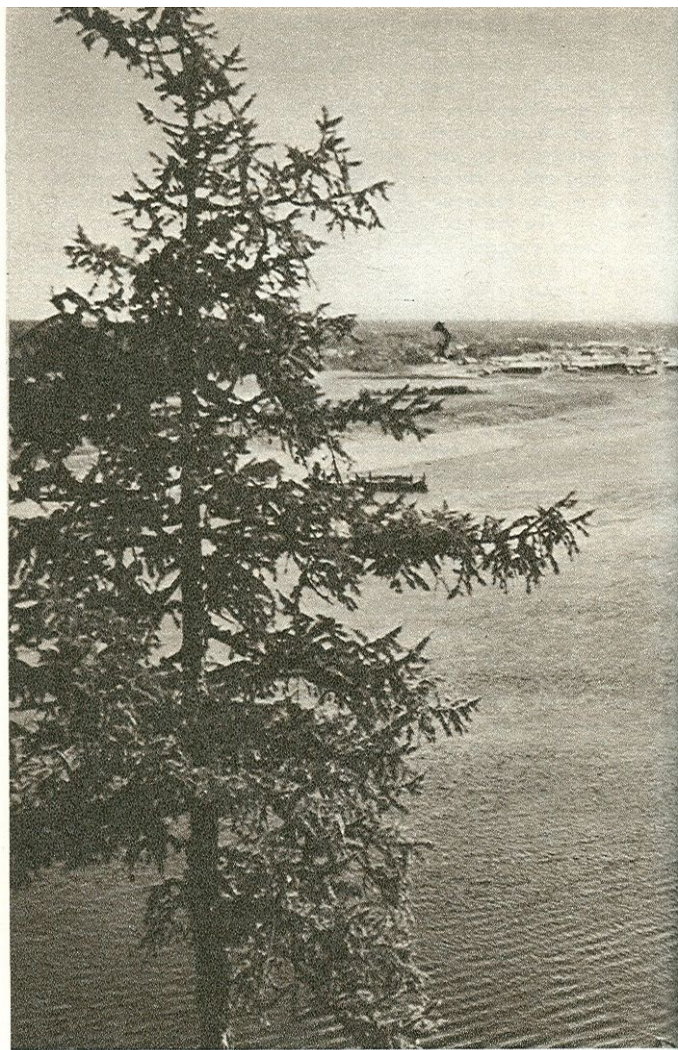
тых церквей, но бочка как завершение встречается чрезвычайно редко в деревянном зодчестве. Подобное завершение можно припомнить на Троицкой церкви бывшей Елгомской пустыни, ныне не сохранившейся, затем на знакомом нам Почозере, на второй церкви, рядом с шатровой, но и здесь бочковидная кровля не сохранилась, и ныне здание перекрыто на два ската. Была бочковидная кровля на упоминавшейся часовне с галереей в деревне Нижний Маркомус и на часовне в Ольховском погосте. Любопытно отметить, что эта оригинальная форма кровли локализуется лишь в одном определенном районе среднего течения Онеги и больше нигде не встречается на Севере. Знакомая с северным деревянным зодчеством, мы приходим к выводу, что каждому району был свойствен свой тип архитектурного решения как жилых, так и культовых построек.

Правда, столь редкая ныне, а еще точнее сказать — единственная в Пустыньке, бочковидная кровля была широко распространена в Древней Руси, особенно в хоромном строительстве, о чем свидетельствует сохранившееся изображение деревянного Коломенского дворца. Благодаря бочковидному перекрытию Благовещенская церковь имеет парадный, хоромный вид.

Есть особая прелесть в крутом, замшелом скате бочковидной кровли, в резко очерченном переломе между основанием бочки и отводными полницами. Возле таких сооружений, возле таких природных мест воочию постигаешь смысл слов: «сказка Севера». Здесь оживает перед нами Древняя Русь и звучат ее полузабытые предания.

«Пусть наш Север кажется беднее других земель. Пусть закрылся его древний лик. Пусть люди знают о нем мало истинного. Сказка Севера глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны... Все ищем красивую древнюю Русь»²⁴ — эти строки Николая Константиновича Рериха вспоминаются сейчас и служат своеобразным девизом нашего путешествия по задумчивым озерам и быстрым рекам.

Бесспорно, мы наблюдаем прекрасное сооружение, хотя оно и предстает ныне не в полном своем облике — отсутствует шейка с главкой, некогда врезанная в кровлю, к тому же здание предстает нам обшитым тесом и побеленным. Трудно судить нам и о первоначальном расположении окон, особенно по южному фасаду храма и трапезной, поскольку здание использовалось для хозяйственных нужд. На послед-

Онега под Ярнемой

Деревня Ярнема.

«Дом с многолучевым солнцем». XIX в.

нее не станем сетовать: благодаря этому оно сохранилось. Поблагодарим и плотников, которые при ремонте здания отреставрировали бочки. И потому, что покрытие сохранилось почти неповрежденным и лемех имеет свой зеленовато-желтый отлив, столь явственно звучит поэтическая тема этого памятника, выраженная в смелых очертаниях завершения, напоминающих силуэт взлетающей птицы.

От прекрасного памятника трудно оторваться. Обойдя его неоднократно, замечаешь, как поставлена церковь относительно реки: ее паперть выходит на тихий плес под деревней, единственное место, где можно причалить. Дальше река уходит вдаль прямым рукавом с заметным на глаз скатом и все более убыстряет свой бег. Путник может напоследок бросить взгляд на статный силуэт здания, а дальше уже не приходится оглядываться: за поворотом, перекрывая человеческий голос, ревет, кипит, беснуется, пенится «Большая голова». Многих людей встарь проводила церковь в рисковое плавание, а снизу никого не встреча-

*Деревня Ярнема.
«Многочуевое солнце»
(фрагмент)*

ла — в одну сторону была речная дорога. Нет, не отделить эту церковь на мысу от суровой и грозной реки!

Памятник в Пустыньке выявил и ввел в научный обиход еще в 80-е гг. прошлого века академик архитектуры В. В. Сусллов. Он описал его и сделал обмерный чертеж. Размеры ее таковы: длина 8, ширина 4, высота 8 сажен (сажень — 2,14 м). Согласно «Известиям археологической комиссии» (вып. 41), внутри стены были обиты холстом и окрашены. Иконостас новый. Четыре колокола были повешены на столбах у входа в церковь.

Но помимо рисунка В. В. Сусллова, воспроизводящего абрис сооружения, памятник до сих пор нигде не опубликован. Видели его и знают, конечно, многие, но ни репродукций, ни описаний нет. Если это так, то нам с фотографом книги Ю. Д. Рыбаковым выпала честь снова напомнить об этом удивительном, уникальном памятнике, выстоявшем два с половиной столетия в стороне от больших дорог, среди первозданной природной стихии.

*Деревня Ярнема.
«Дом с крыльцом».
XIX в.*

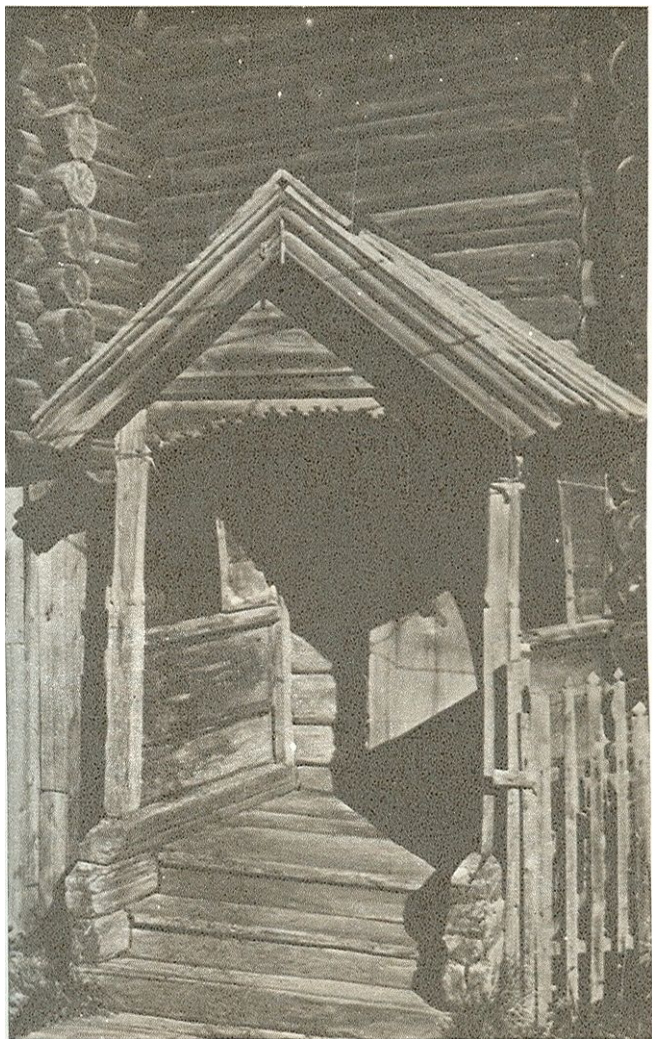
*Деревня Ярнема.
Крыльцо (фрагмент/*

Но, расставаясь с Пустынькой, мы еще не прощаемся с Синегорьем.

Пусть нет отсюда иных дорог вниз, кроме реки, и редко спускаются туда сплавные катера, но представим, что мы прошли все Бирючевские пороги — и «Большую голову», и «Малую голову», порог «Косуха», камень «Сундук», о который немало побилось плотов в старое время, прошли Гусевы пороги и устье речки Сомбы и наконец вместе с рекой вышли из лесов и гор в просвет открывшихся широких полей. Здесь еще ощутима всхолмленность, но холмы отошли в стороны от реки, и берега понизились.

(Попасть в эти места, конечно, гораздо проще, совершая путешествие по памятникам нижнего течения Онеги и добравшись до Ярнемы.)

Здесь, на выходе реки из леса, из-за невысокого левого берега выглядывает церковная главка. Выйдя на берег, убеждаешься, что небольшая церковка поставлена за береговой кромкой в низине, на кочковатом, болотистом лугу, что со-

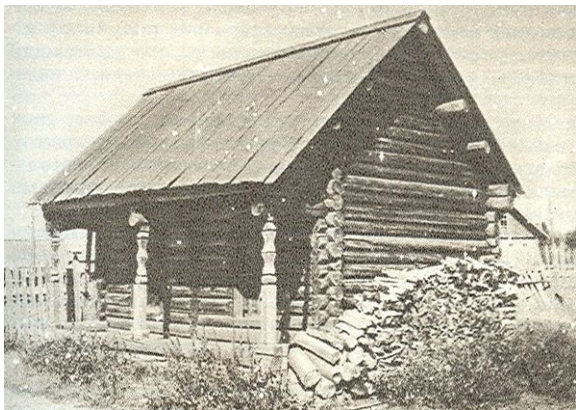

*Деревня Ярнема.
Озадок дома с охлупнем.
XIX в.*

вершено необычно для постановки северных церквей. Очевидно, сделано это неспроста. И действительно, сооружение церкви в необычном месте связано с местной легендой, повествующей о том, как крестьянин Вукол нашел на березе «явленную» икону св. Варвары. Для иконы на месте ее обретения срубили часовню. Легендарная дата этого события — 1539 г. Позже здесь была построена церковь. За долгое время сменилось три церкви. Четвертая построена в 1857 г., ее мы и видим ныне.

Варваринская церковь имеет ромбовидную восьмигранную форму в плане, соответственно и восьмискатную кровлю, напоминающую распластанный шатер, с одной главкой на дощатом барабане. У церкви небольшой притвор. У нее широкие окна, в соответствии с новыми вкусами она обшита тесом. Сруб поставлен на фундамент из дикого камня. Подклет сооружения, стоящего на сыром месте, достаточно высокий. Под алтарем находился колодец, наполнявшийся, очевидно, родниковой водой, теперь пересохший.

*Деревня Ярнема.
Амбар. XIX в.*

И здесь, на опушке лесного Синегорья, все еще звучат старые сказания.

На противоположном невысоком берегу стоит деревня Ярнема. Она считается одним из старейших поселений нижнего течения Онеги. Отзвуки старых традиций найдем мы здесь в деревянном зодчестве.

Интересно сравнить типы изб Свида и Кенозерья с особенностями жилого дома в нижнем течении Онеги. Ярким образцом такого дома представляется нам «дом с многолучевым солнцем» в Ярнеме. Он особенно интересен тем, что здесь сохранилась вся «стая» — все жилые и хозяйственные постройки, собравшиеся под одну крышу. Изба, как водится, поднята на высокий подклет, она четырехстенная, с четырьмя окнами по фасаду, что обычно для Каргополя. Сруб с горницей-боковушей несколько выступает за стену избы, что вносит разнообразие в протяженность бокового фасада. Взвоз на крытый двор располагается сбоку, а не с торца, как бывает чаще, поскольку к торцу кры-

того двора прирублен еще один сруб хозяйственного назначения. Боковой фасад дома, таким образом, получился необыкновенно растянутым, внушительным. Это настоящий «дом-корабль», устойчиво противостоящий северной непогоде.

Украшение лицевого фасада предельно скромное, причелины самой простой порезки. Красоту фронтоны из самцовых бревен придает искусно вырезанное, легкое многолучевое «солнце», которое как бы выделяет дом, сообщает ему запоминающуюся примету.

Тип другого дома, который мы назовем «дом с крыльцом», реже встречается в Каргополье. Жилая изба здесь помещена в подклете, а верхние темные помещения используются как чуланы. Благодаря низкому расположению окон сруб лицевого фасада выглядит очень высоким. Суровый ряд бревен вкупе с глухим самцовым фронтоном придают фасаду башенный облик.

К сожалению, у многих северных домов ныне утрачены старые крыльца. Здесь оно сохранилось. Низкое крыльцо дома, очень простое, с двускатной кровлей, слегка украшенное порезкой, тем не менее обладает какой-то бесхитростной привлекательностью. Есть в нем что-то добродушное, стариковское. Так и кажется, что вот сейчас скрипя отворится дверь и выйдет на порог старый обитатель дома и будет, прищурясь, с улыбкой смотреть на незнакомых людей.

Мы отмечали, что охлупни на домах почти не распространены в Каргополье. Действительно, окидывая взглядом фасады стройных ярнемских изб, мы их не обнаружим. Но неожиданно на торцовом фасаде одного из домов, на крыше крытого двора, мы замечаем охлупень с резным коньком. Внимательнее вглядываясь в торцовый фасад со взвозом, отмечаем его отчетливо выявленную крепость и статность, широкий разлет его крыши и начинаем понимать, что так внушительно срубленный озадок дома достоин украшения.

Не много заслуживающих внимания амбаров встречалось нам по пути, и мы не приводили их в своем описании. Амбар в Ярнеме, бесспорно, внимания заслуживает. Он издали выделяется среди простых срубов своей галерейкой на точеных столбиках над предместьем, из которого две дверцы ведут внутрь помещений, разделенных рубленой стенкой. И эта простая постройка, стоящая позади дома, уместно дополняет собой и, несомненно, украшает усадебный комплекс.

Таково Синегорье у шумящей Онеги.

Приречный край этот не отчужден от Поозерья. Каргопольский озерный край относится к бассейну реки Онеги и связан с ней кровеносными сосудами — реками. Из «сердца» озерного края — Кенозера — сюда шел путь древних новгородцев. В этих местах Поозерье встречалось с Поречьем. Здесь возник уникальный уголок Каргополья, труднодоступный, замкнутый и в этом отчасти схожий с озерными землячествами. У него своя история, свои предания, свои памятники старины, самобытные и неповторимые.

Нет, не исчерпан еще Север. Много еще таит он в себе прекрасного и неизведанного!

5. Кожозеро

Каждый из пунктов нашего маршрута по каргопольскому Поозерью представлял известные трудности, которые все усложнялись по мере продвижения дальше на север. Но если к прежним точкам нашего маршрута вели хоть какие-то подъездные пути, то к Кожозеру и таких путей нет. Те, кому есть там дело, — геологи, рыбаки — попадают туда по воздуху — вертолетом, гидросамолетом; те, кто путешествует по своей доброй воле, должны одолеть 76 километров от пристани Усть-Кожа на Онеге, вдобавок захватив с собою запас провизии, ибо, хотя и значится на картах Кожпоселок, никакого поселка теперь там нет.

Но книги серии «Дороги к прекрасному» пишутся не только для тех, кто решится отправиться в трудный путь, но для всех, кто интересуется памятниками искусства и культуры своей страны. Поэтому мы расскажем о том, что можно увидеть и узнать по пути и на самом дальнем озере, ощущая рядом с собой незримое присутствие любознательного читателя.

Начало пути от Усть-Кожки отмечено замечательным ансамблем деревянного зодчества в деревне Макарьинское. Это — церкви Кожского погоста.

Как обычно в древности, место для постановки церкви тщательно избиралось и было найдено не на берегу Онеги, а в трех километрах от села, на возвышенном сухом берегу Кожки. Некогда церкви стояли обособленно, и лишь позже возникла небольшая деревенька. Одна из церквей, Климентовская 1695 г., — сравнительно небольших размеров, увенчанная изящным кубом с пятью главками. Кресто-

воздвиженская 1769 г. — прекрасный образец шатрового зодчества типа «восьмерик на четверике», столпообразного облика с величаво взмывающим ввысь шатром. Объединяет две эти постройки, служа связующим компонентом ансамбля, небольшая, стройная звонница (XVII—XVIII вв., перестроена в XIX в.).

Не вдаваясь в подробное описание кожного ансамбля, неоднократно описанного и репродуцированного, отметим, что здесь представлены традиционные формы деревянного зодчества, разработанные мастерами Поонежья: формы куба и шатра. Две церкви с колокольной образуют знаменитый онежский «тройник» — тройной ансамбль, некогда украшавший многие села по течению Онеги (ныне в целостности такой ансамбль сохранился также в селе Верхняя Мудьюга). Постановка двух церквей рядом обычно объясняется тем, что одна из них использовалась как зимняя (в данном случае — Климентовская, кубоватая), другая как летняя. Но, наверное, дело не только в этом. Северным плотникам хотелось шире выявить свое мастерство, создать среди скромного пейзажа нечто величественное, торжественное, радующее взор. Открытой красотой своей такой ансамбль служил добрым напутствием путнику, уходящему в дальнюю лесную дорогу.

Выше по течению реки Кожы встретится нам еще один интересный памятник деревянного зодчества — часовня в деревне Остров. Это клетская постройка с клинчатой кровлей, с широким выносом полиц над повалом. К ней прирублен притвор, увенчанный звонницей на четырех столбах. Удивляет крупная главка на широкой и высокой шейке, кажущаяся несоразмерной при близком рассмотрении, но совсем иначе воспринимаемая издали. Она сообщает скромному сооружению импозантность.

Через четырнадцать километров дорога, перемежаясь то лесом, то лугом, то полем, приводит в деревню Петровское, красиво стоящую на возвышенном берегу Кожы тремя рядами изб. Это последний населенный пункт, далее дорога, перейдя на противоположный берег, входит в леса и болота и идет так свыше шестидесяти километров.

Дорога эта (называемая местными жителями «монастырской») и поныне заслуживает восхищения. Она экономно и расчетливо проложена по сухим лесным гривам вдоль правого берега Кожы, то удаляясь, то приближаясь к реке, кое-где пересекая загаченные болотистые пространства. Временами дорога идет прекрасной лесной просекой, прямая как стрела. Два колесных экипажа могли свободно разъехаться на ней. По местной легенде, проверял качество

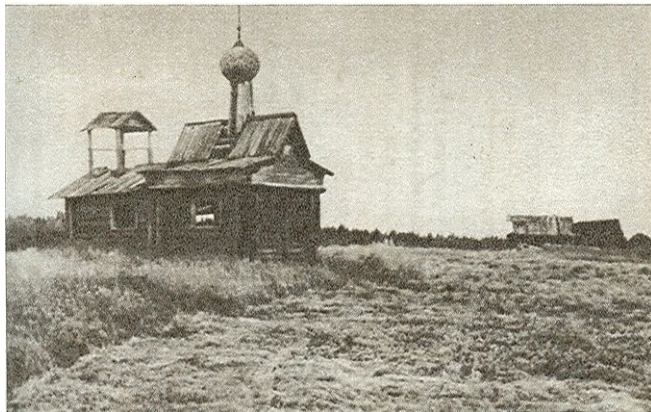

*Село Усть-Кожя.
Ансамбль XVII в.*

дороги сам игумен, который, едучи в коляске, ставил перед собой посох и там, где посох подскакивал, останавливался и велел заделать ухаб.

На полпути, на берегу реки, был у монастыря постоянный двор. Место это так и называется — Половина. Дальше дорога снова отходит от реки и продолжается глухим лесом еще тридцать с лишним километров. Встретится по пути небольшое Колозеро — значит, большая часть пути позади, но и отсюда еще девять километров. По мере нашего приближения к цели несколько раз сверкнет в просвете деревьев справа вода, но все еще никак не кончается дорога, словно бы не хотят ее выпускать бесконечные леса. Потом, за сосновым пригорком, дорога повернет вправо, лес расступится, впереди завиднеются белые монастырские постройки, а на обе стороны распахнется просторная озерная ширь.

Мы входим на песчаный мыс, соединенный насыпным перешейком с возвышенным лесистым островом, а теперь полуостровом Лопским, на котором расположен суще-

*Часовня в деревне
Остров на реке Коже.
XIX в.*

*Бывшая монастырская
дорога*

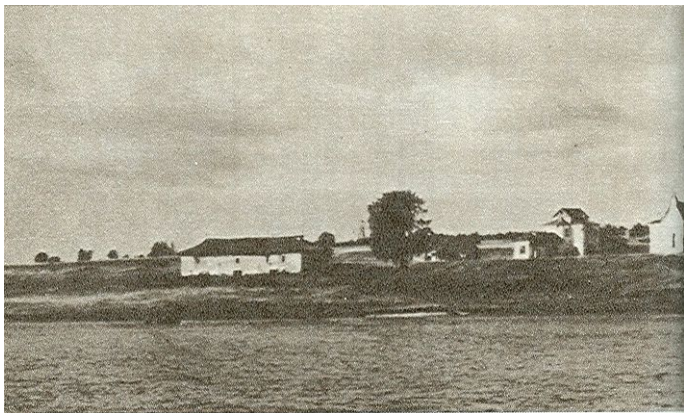
ствующий комплекс монастырских зданий. Это и есть цель нашего пути — бывший Кожеозерский Богоявленский монастырь.

История поселений человека на Кожозере, как и на других озерах Каргополья, насчитывает несколько тысячелетий. Хотя археологические работы в этом районе еще не велись, но существование стоянок древнего человека на озере сомнению не подлежит.

Не сомневался в этом и автор и потому, не раз побывав на Кожозере, подтверждений этому не искал. Сколько раз проходил я по песчаному пляжу вблизи Келейного озера, и сколько людей до меня проходило, и всем, наверное, бросался в глаза этот плоский камешек. Но камней разной величины так много по озерным берегам, что никто не обращает на них внимания. Правда, на этом пляже он был единственным. В тот дождливый день я вышел из леса на пляж, дождь кончился, и в просвете туч блеснуло солнце. Этот камешек, всегда казавшийся серым, обмытый дождем и об-

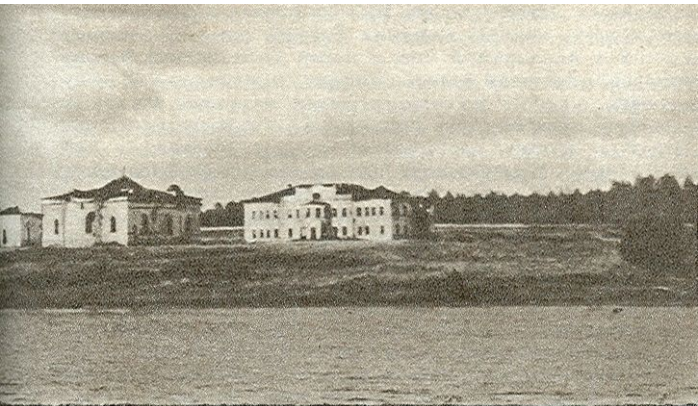

*Бывший Кожезерский
монастырь*

ласканный лучом солнца, вдруг поразил меня своим красивым зеленоватым цветом. Я поднял его. Он был продолговат, увесист и хорошо укладывался в ладони, с одного края он был сточен на лезвие, с другого закруглен, со следами шлифовки. Так не могли сделать волны, так мог сделать только человек. Это было тесло, пригодное для обработки камня, дерева, дробления костей, — незаменимая вещь в руках неолитического человека.

Я рассказываю об этом не с целью поделиться радостью находки — таких находок совершается много, правда, здесь она как будто бы первая. Мне хотелось лишь показать, что следы истории обнаруживаются на русском Севере буквально под ногами, и призвать читателей серии к внимательному отношению ко всему окружающему нас в путешествиях, будь то даже простой камешек.

Недостаточность археологических данных не позволяет нам судить, когда люди каргопольской культуры исчезли с Кожозера. В первой половине нашего тысячелетия на

озере жили саами, называемые в древнерусских источниках «лопь озерная». Свидетельствует об их пребывании здесь название острова — Лопский, — топонимика неизменно верна памяти о прежних жителях и поселениях. Об «озерной лопи», мирных охотниках и рыболовах, в древней письменности сохранилось немного сведений. К началу XVI в. лопь исчезла из озерного края.

Следующий исторический этап, уже не безгласный, относится к времени так называемой «монастырской колонизации» русского Севера. Большинство северных монастырей в XV—XVI вв. начиналось с отшельнической кельи, затем к первожителю присоединялось несколько монашествующих и начиналось монастырское устройство.

Так было и на Кожозере. Согласно преданию, в 1552 г. сюда пришел первый пустынножитель — монах Нифонт. Озеро в то время было безлюдным, хотя, несомненно, поонежские жители знали о его местонахождении и о путях к нему, но за отдаленностью и бездорожьем никто не решался

там селиться. Несколько лет Нифонт провел в одиночестве, затем к нему пришел мирянин Сергей, которого Нифонт посвятил в монашеский чин и нарек Серапионом. Вскоре собралась небольшая братия. Нифонт отправился в Москву хлопотать об устройении монастырском, но пропал без вести. Дело созидания обители принял на себя инок Серапион.

Это был человек необычайной судьбы. Настоящее имя его — Турсас Ксангарович, был он татарским царевичем, плененным при взятии Казани войсками Грозного. Пленный царевич был привезен в Москву, где окрещен в Сергия — насильственно или добровольно, мы не знаем, — и жил некоторое время у боярина Плещеева, жене которого, астраханской царевне, доводился родственником. Но пробыл в Москве недолго: в 1552 г. пала Казань, а в 1556 г. Турсас-Сергий уже на Кожозере.

Конфликт какого рода — внутренний или внешний — побудил крещеного татарина на исход из Москвы в далекое Поморье, мы не знаем. Определенно известно лишь, что последующие тридцать лет Серапион в Москве не появлялся. Но вскоре после кончины Грозного царя Серапион прибывает в Москву — в 1585 г. — просить царя Федора об устройении монастырском, чего и добивается. Монастырь получает в свое владение все озеро и «округ матерой земли по четыре версты», а также денежные пожертвования, на которые возводятся две церкви — Богоявленская и Благовещенская, обе деревянные. Называется новоучрежденный монастырь — Богоявленский Кожеозерский.

Во второй раз Серапион появляется в Москве с учеником Авраамием в 1599 г., в царствование Бориса Годунова, и встречает еще более щедрый прием. Патриарх Иов назначает Серапиона строителем монастыря. Новый царь жалует обители тони на Белом море и четыре деревни по реке Онеге. Таким образом, дальняя лесная обитель замечена правительством Годунова, и очень скоро оно вспоминает о нем, когда царь Борис начинает расправу с представителями знатных родов. Федор (Филарет) Романов ссылается в Сийский монастырь, а князь Иван Сицкий — в Кожеозерский.

Именем князя Сицкого открывается история кожеозерской ссылки в XVII в. Ссылка в Кожеозерский монастырь была куда горше ссылки в Сийский и даже Соловецкий монастыри. К тем существовали подъездные пути, на Кожозеро же добирались преимущественно зимним путем — зимником (шестьдесят верст от села Прилуки на Онеге), а летом езды не было из-за многих болот. И облик монастыря был скудный. Стояли на песчаном мысу две деревянные церкви, а вокруг — избеночки-келейки. Так мы можем представить

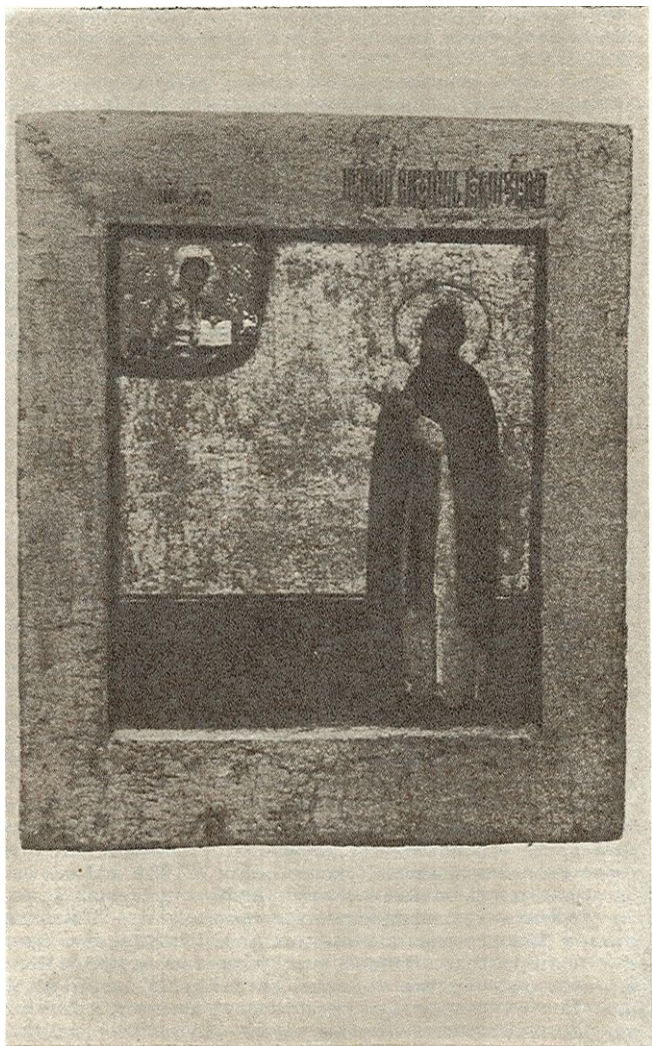
себе картину глухой северной обители. Долгое время не существовало даже оградки — она была поставлена в середине XVII в.

Но и здесь, в непроходимой глуши, шла своя жизнь, отмеченная противоборством характеров и интересов. История кожезерская развивалась негладко. Распри начались уже при первом настоятеле, Серапионе. Из сорока человек монашествующих выделилось пять иноков, составлявших, по-видимому, умственное ядро братии. Они отстранили Серапиона от начальствования и два года самовольно управляли обителью (1606—1608). Возможно, в этом выразилось их недовольство прежней, годуновской ориентацией Серапиона. Распря завершилась тем, что ученик Серапиона Авраамий добрался до Новгорода и был поставлен новгородским митрополитом в игумены. После этого пятеро иноков исчезают из монастыря и появляются уже за несколько тысяч верст отсюда, в заполярной Мангазее, где и основывают монастырь, названный ими в память покинутой обители Кожезерским Спасским Верхотурским.

В Смутное время удаленность монастыря обернулась ему во благо: шайки интервентов и «русских изменников», разорившие обители Поонежья, до Кожозера не дошли. В эти годы, ища тишины и уединения на взбудораженной русской земле, на Кожозеро уходит чудовский постриженник Никодим. Здесь он поселяется в дальней пустыни на речке Хозьюге, где проводит около тридцати лет. По имени пустытника река Хозьюга была позже названа Никодимкой, какое имя носит и поныне. Никодим был канонизирован в 60-е гг. XVII в. и вошел в число местночтимых святых каргопольской земли. Сохранилось интересное житие этого святого. Иконы св. Никодима Кожезерского появляются во второй половине XVII в. Одну из них можно видеть в экспозиции Каргопольского краеведческого музея.

На рубеже 30—40-х гг. XVII в. в монастыре появляются два по-своему замечательных человека.

Одним был анзерский иеромонах Никон. Сюда ушел он от своего строгого учителя старца Елеазара Анзерского, не стерпев его властного духовного авторитета. На Кожозере Никон появляется, скорее всего, в 1640 г. Поначалу он решает стать вольным пустынником и удаляется на речку Виленгу (русифицированное название — Виленка), приток Кожы, в семи километрах от монастыря, где проводит полтора года. Однако после кончины игумена Ионы его призывает братия монастыря и избирает новым игуменом. Почему было отдано предпочтение новичку, мы не знаем, но, бесспорно, в Никоне всеми ощущалась незауряд-

пая сила личности. Никон, как говорит монастырское предание, был строгим и рачительным хозяином. Монастырь за его трехлетнее игуменство (1643—1646) окреп и вырос, число монашествующих достигло ста. В 1646 г. игумен Никон отбывает в Москву ходатайствовать о новых льготах монастырю у нового царя, Алексея Михайловича. Произошла встреча сорокалетнего сурового игумена с юным семнадцатилетним царем, которую можно назвать исторической. С этой встречи начинается стремительное возвышение Никона. Царь не отпускает его назад, а ставит архимандритом Новоспасского монастыря. Никон становится «собинным другом царя». Через три года он митрополит Новгородский, еще через три года — патриарх всея Руси.

Другой человек — князь Борис Васильевич Львов, в иночестве Боголеп. Он попал на Кожозеро тоже с Соловков, но не по своей доброй воле, а был сослан, сначала на Соловки, затем в кожозерскую глушь. За какие вины попал сюда

*Икона св. Никодима
Кожезерского. XVII в.*

представитель знатного рода, родной брат думного дьяка Григория Львова, мы не знаем.

Судя по отрывочным сведениям, это был высокообразованный человек, удивительным образом сочетавший в себе книжность с самодурством, набожность с вольномыслием. Его родовитость, его богатство, его образованность создавали ему особое положение в монастыре. После Никона в течение двадцати лет князь-инок являлся фактическим хозяином Кожезерского монастыря. Игуменов он держал в страхе, доходило дело до рукоприкладства. Естественно, возле него группировались приспешники, но были и недовольные. Они-то и послали в Москву накануне Собора 1666 г. донос, озаглавленный: «Роспись плутовства и лицемерного затворничества старца Боголепа Львова». Вины старца, по средневековым понятиям, были чудовищны: отца духовного не имеет десять лет, к святому причастию не ходит двадцать лет, укрывает в монастыре беглых служилых людей, у себя в келье держит оружие, к игуменам не-

милостив, подвержен содомскому греху, но главное — склонен к старой вере, отрицает трегубую аллилуйю, называя римской ересью... На этот донос последовал царский указ, повелевавший доставить Боголепа Львова в Москву не мешкая. Но исполнить этот указ летом 1666 г. каргопольский воевода Иван Ендогуров не смог — летом путь в монастырь был непроезжим. Поэтому в Деяниях Собора 1666 г. о старце Боголепе осталась пометка: «не бе прислан к Москве». Повторных вызовов Боголепа на церковный суд не предпринималось. Да и куда было снова ссылать его^ мятежного старца Боголепа, как не на то же Кожозеро?"

В 60—70-е гг., когда Соловецкий монастырь находился в брожении, а потом и в открытом бунте (знаменитое соловецкое восстание монахов-старообрядцев 1667—1676 гг.), на это время местом ссылки становится Кожозерский монастырь. Известны имена нескольких человек, сосланных сюда, по-видимому, за принадлежность к расколу. К 1676 г. относится неосуществленный царский указ о переводе протоппа Аввакума с товарищами из Пустозерска в Кожозерский и Спасокаменный на Кубенском озере монастыри. Власти были встревожены агитационной деятельностью, развитой пустозерскими узниками, и хотели упрятать их в такие места, где всякие контакты с ними были бы исключены. По неизвестной причине указ этот не был исполнен²⁶.

Как видим, первые полтора века монастырской истории развиваются стремительно, наполнены событиями, связанными с незаурядными личностями.

Ныне, бродя по монастырским окрестностям, восходя на обрывистые скалы Лопского полуострова, глядя на озерную гладь двадцатикилометрового озера, то приветливо сияющего, то кипящего седыми волнами с белыми гребнями, тщетно пытаешься вообразить ту древнюю эпоху, образы тех ушедших людей. Вокруг почти те же природные картины, что и триста лет назад, а нет ощущения исторической событийности — и понятно почему, — потому что нет вокруг исторических примет, памятников прошлого, как есть они в облике Соловецкого или Сийского монастырей.

Кожозерскому монастырю, одно время выступавшему конкурентом Соловецкому в Поморье, в отличие от последнего, суждена была иная судьба. Удаленность монастыря и бездорожье оборачивались против него. Пережив расцвет в XVII в., в следующем столетии монастырь скудеет, а в 1764 г. упраздняется. Монастырские церкви обращаются в приходские, на месте монастыря возникает деревня.

В середине 50-х гг. XIX в. высочайшим указом монастырь восстанавливается, однако без пособий от государственной

казны. Поначалу лесная обитель влачит жалкое существование. Ей приходится буквально начинать с пепелища, поскольку двое злоумышленников-святотатцев ограбили Боговляненскую церковь и зажгли ее, чтобы замести следы преступления. Положение меняется с назначением настоятелем соловецкого иеромонаха Питирима. Это был, бесспорно, умный, волевой, деятельный человек. Питирим начал обширную строительную деятельность, которая продолжалась и после его кончины. При нем осуществляется проведение дороги, знаменитой «монастырки», о которой мы выше говорили. Средства на дорожные работы дала продажа леса, росшего вдоль трассы. Питирим и был тем легендарным игуменом, который проверял качество работ своим посохом (этот посох ныне можно увидеть в экспозиции Архангельского краеведческого музея). Путем немалых усилий новый облик каменного монастыря в целом сформировался к началу XX в.

События гражданской войны на Севере тоже оставили свой след в кожезерской истории. В Кожезерском монастыре стоял отряд белых. Красное командование осуществило дальний рейд через труднопроходимые лесные дороги на деревню Кривой Пояс с выходом на Кожозеро и дальнейшим фланговым выходом на Онегу в тыл белых частей. Следы происходившего здесь боя и поныне видны на стенах монастырских зданий. На братской могиле красноармейцев поставлен обелиск.

В советское время на месте бывшего монастыря возник Кожпоселок, а по берегам озера еще три деревни. В конце 50-х гг. жители сселились с Кожозера в онежские деревни и поселки: монастырская дорога, рассчитанная на конный транспорт, оказалась непригодной для современного транспорта. Теперь живут на Кожозере рыбаки архангельского рыбкомбината, прилетают геологические партии, совхозные пастухи из Усть-Кожы пригоняют на летний выпас телят. Всегда есть люди здесь, как и на других обжитых местах озерного края.

Такова четырехсоттридцатилетняя кожезерская история в самом сжатом очерке.

Монастырь, как говорилось, первоначально обосновался на сосновом песчаном мысу, напротив Лопского острова, отделенный от него узким, но глубоким проливом.

Лопский остров, ныне полуостров, представляет собой вставшее из озерных вод каменистое плато вулканического происхождения. За многие века на нем образовалась поч-

ва, вырос лес. В южной, более удобной для сельского хозяйства части острова земли были расчищены под поля и пастбища. Остров был соединен с песчаным мысом перешейком, пролив был засыпан камнями и песком. Когда была построена дамба, достоверно не известно, но, очевидно, в первое столетие существования • монастыря. Песок брали неподалеку на песчаном мысу, отчего образовалось небольшое озеро, называемое Келейным.

По возобновлении в середине XIX в. монастырь занял поначалу старое место.

В нашем путешествии по озерному краю мы отмечали, что северные поселения в древние времена ставились, как правило, в пониженных местах, близ воды, сберегая плодородные земли по холмам. Вспомним, например, село Кенорецкое на узком песчаном мысу. Многие значил и рельеф местности. Чаще всего деревни строились в распадке или под горой, прикрывающей от холодных северных ветров. Так был поставлен и Кожеозерский монастырь в северном, «зимнем» конце озера, недалеко от истока реки Кожи, закрытый от ветров большим (примерно 2 км как вдоль, так и поперек), возвышенным островом.

Монастырская гравюра 80-х гг. прошлого века передает облик монастыря. Мы видим деревянную Богоявленскую церковь, построенную вместо сгоревшей, поздней, невыразительной формы, вокруг которой расположились кельи и подсобные помещения. В отдалении, на полуострове, по склону которого разделаны огороды, возвышается каменный Успенский собор, пока единственная каменная постройка.

Со строительства собора и начато было возведение каменного монастыря на новом месте. Препрежнее местоположение его на низком песчаном берегу не подходило. Теперь уже не было необходимости сберегать каждый клочок плодородной земли. В конце XIX в. монастырская дорога позволяла бесперебойно подвозить покупной хлеб, а основой монастырского хозяйства стали молочное животноводство и рыболовство. Важнее было придать монастырю импозантный облик, используя его прекрасное природное расположение, привлечь в эти места поток богомольцев, а следовательно, приток пожертвований, как это было в Соловецком. По-видимому, рачительный игумен Питирим, затеявая обширное монастырское строительство, это понимал.

В проектировании монастырских зданий принимали участие профессиональные архитекторы. Г. В. Алферовой удалось разыскать проект церкви, созданный петербургским архитектором Васильевым для Кожеозерского монасты-

*Бывший Кожеозерский
монастырь.
Успенский собор
и Преображенский храм
с трапезной. XIX в.*

ря²⁸. Однако этот проект не был осуществлен, и справедливо — его вертикаль плохо вписалась бы в окружающий пейзаж. Архитектор (или архитекторы), строивший кожеозерский ансамбль (был ли им Васильев или кто другой), безусловно, побывал на месте и заново проектировал здания, увязывая их с озерным пейзажем. Площадка для монастыря была выбрана на первой террасе островного берега, над которой возвышается вторая терраса ровного плато. Здесь во всем господствует горизонталь, линии берега расходятся вширь, фоном служит простор озерных далей. Поэтому господствующим принципом архитектурного решения ансамбля становится горизонталь, здания ставятся просторно, сами же постройки имеют приземистые, тяжелые очертания.

Так был поставлен Успенский собор (1883 г.), задавший тон последующему строительству. Это крупное сооружение, пожалуй, грузное, сложенное прочно и устойчиво.

Внешне собор выглядит чрезвычайно просто, декоратив-

ные элементы, вроде плоских пилястр, сведены к минимуму, главной задачей было подчеркнуть его массивность и устойчивость. В плоскости его стен прорезаны высокие окна с полуциркульным завершением. Апсида крупная, полукруглая. Внутреннее пространство решено в традициях крестово-купольной композиции. Четыре мощных столба поддерживают верхние своды. Однако каменный купол не был возведен, и причиной тому вряд ли был недостаток строительных материалов: начиная строительство, монастырь построил собственный кирпичный завод. Скорее всего, местные каменщики не решились ставить тяжелый купол на своды, и был поставлен деревянный широкий световой барабан. Четыре меньшие главы, поставленные по углам кровли, тоже деревянные, глухие. Собор поражает толщиной своих стен, добротностью кладки, подобной старым постройкам. Собор был теплым, по углам его было поставлено четыре печи. Стены внутри были расписаны (сохранились фрагменты росписей).

Собор стоит у берегового ската. К югу от него, рядом, на одной линии, поставлена Преображенская церковь с трапезной (1885 г.) соединенная с главным храмом крытым каменным переходом. Традиция соединения монастырских зданий крытыми переходами — что вполне объяснимо северным климатом — начата в Соловецком монастыре, продолжена в Кийостровском Крестном, а здесь мы видим ее позднее завершение. (Эта традиция имеет истоки в древнерусском теремном строительстве.) Соединение двух отдельно стоящих зданий длинным крытым переходом пространственно организует восточную сторону монастырского двора.

Само здание Преображенского храма с трапезной решено геометрически просто: к квадратному в плане сооружению пристроена тоже квадратная в плане апсида. Перекрытие плоское, на двух столбах. Облик храма с южной стороны имеет, скорее, светский облик жилого дома с крыльцом и навесом, и лишь окна с полуциркульным завершением, выделенные выложенной из кирпича скобой, и подчеркнутая сдержанность облика говорят о назначении здания.

По другую сторону монастырского двора воздвигается настоятельский корпус. Это здание целиком светского облика и здесь, в лесной глуши, вызывает изумление: такого в начале века не было не только в деревянной Онеге, но и в самом губернском Архангельске.

Это большой двухэтажный дом с мезонином. Над входом выступает эркер второго этажа. Окна здания крупные, потолки высокие, помещения светлые. На верхнем этаже

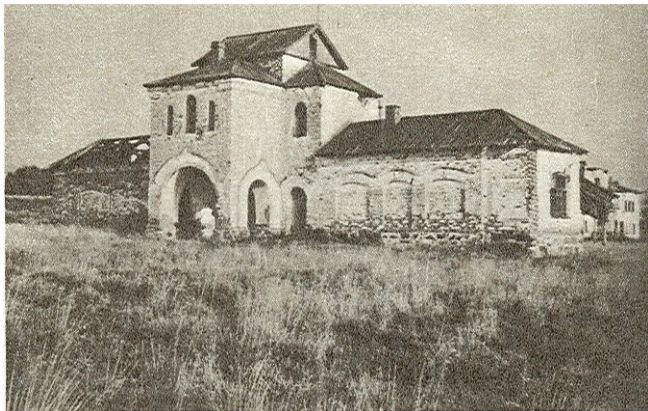

*Бывший. Кожеозерский
монастырь.
Настоятельный корпус.
XX в.*

размещались настоятельские покои — туда вел отдельный вход по лестнице, выложенной из светлых и темных камней, имитирующих ковровую дорожку. Внизу находились братские кельи. Первый этаж имеет сводчатые перекрытия.

Чтобы окончательно завершить ансамбль монастыря, придать ему торжественность, требовалось оформить въезд в монастырь. Это вполне удалось постановкой святых ворот с надвратной церковью Иоанна Богослова. Быть может, среди монастырских зданий это — последнее по времени сооружение, но в нем, пожалуй, единственном, ощутим дух древности. Архитектор избежал модной стилизации, умело используя лишь некоторые элементы древней архитектуры, например в оформлении проездной арки стрельчатыми дугами. Главная удача не в деталях, а в умелом сочленении каменных масс, что характерно для древнерусской архитектуры.

Ныне постройка воспринимается как изолированное сооружение. У нее суровый крепостной облик. Над святыми во-

*Бывший Кожеозерский
монастырь.
Каменные ворота
с надвратной церковью.
XIX в.*

*Бывший Кожеозерский
монастырь.
Мельница-шаг ровна
(в Архангельском музее
деревянного зодчества
в Малых Корелах). XIX в.*

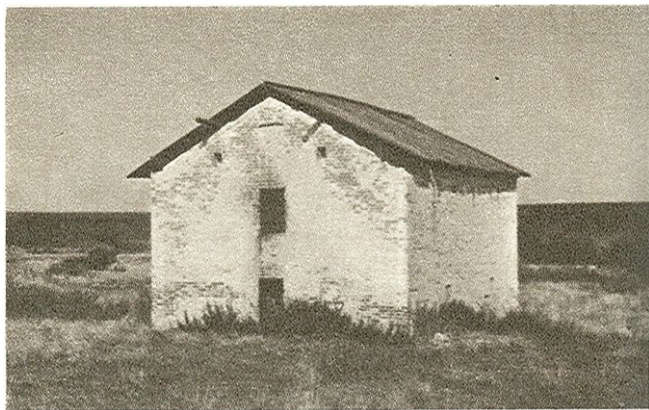

ротами хмуро смотрят узкие прорези окон, глухие стены пристроенных к воротам зданий, растягивающих фасад по горизонтали, скупо разбиты на прясла. И здесь все предельно просто, ясно, устойчиво, чем отмечены все кожеозерские постройки.

Въездные ворота выразительны, пожалуй, больше, чем другие монастырские здания. Издали, с верхней террасы, откуда весь монастырь открывается как на ладони, видно, сколь необходимы они в ансамбле, более того, как они и создают ансамбль, объединяя здания церковей и настоятельского корпуса.

Некогда прямоугольник монастырского двора замыкался с северной стороны деревянным зданием келарских палат. Для полного завершения монастырю не хватает только оградки, которая вписала бы здания в четырехугольную раму. Но была ли ограда и какая, у нас достоверных сведений нет. Есть неподтвержденное предположение, что существовала чугунная декоративная оградка.

*Вывиший Кожеозерский
монастырь. Сушило. XIX в.*

Конечно, озерный монастырь красивее всего смотрится с озера, и лучше всего любоваться им с противоположного берега. К тому же вблизи здания, оставленные без людского присмотра, имеют печальный вид. Но к монастырю подъезжали или подходили не со стороны озера, а лесной дорогой. Некогда путника, вступившего на песчаный мыс, продолженный перешейком, первыми встречали стоящие по сторонам две деревянные церкви — Богоявленская и Благовещенская. Их фундаменты из дикого камня и поныне видны в куче елей и сосен, выросших на этом месте. За ними впереди справа открывался монастырь. Здесь путник поневоле должен был остановиться и полюбоваться открывшейся картиной. Далее на перешейке под угором стояли каменная монастырская гостиница и трапезная для богомольцев, сложенные из розоватого неоштукатуренного кирпича (все другие монастырские постройки оштукатурены). Дорога некруто поднималась на угор, где по обе ее стороны стояли каменные хозяйственные постройки. Ниж-

*Бывший Кожеозерский
монастырь.
Хлебный амбар. XIX в.*

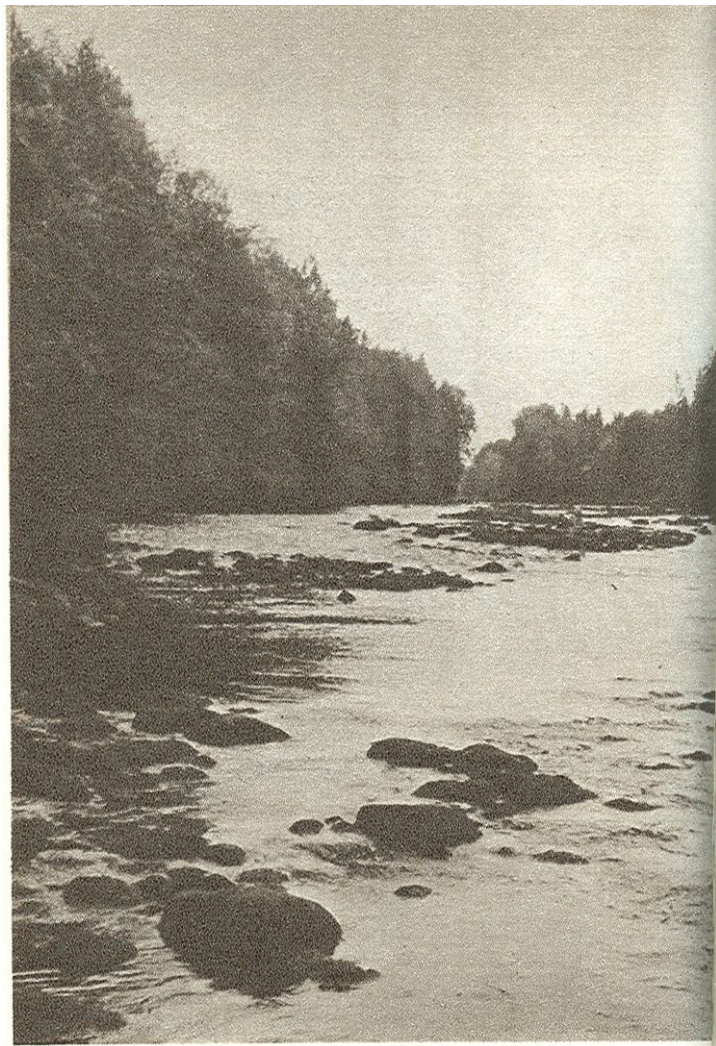
*Скалы
Лопского
полеострова
>>>>*

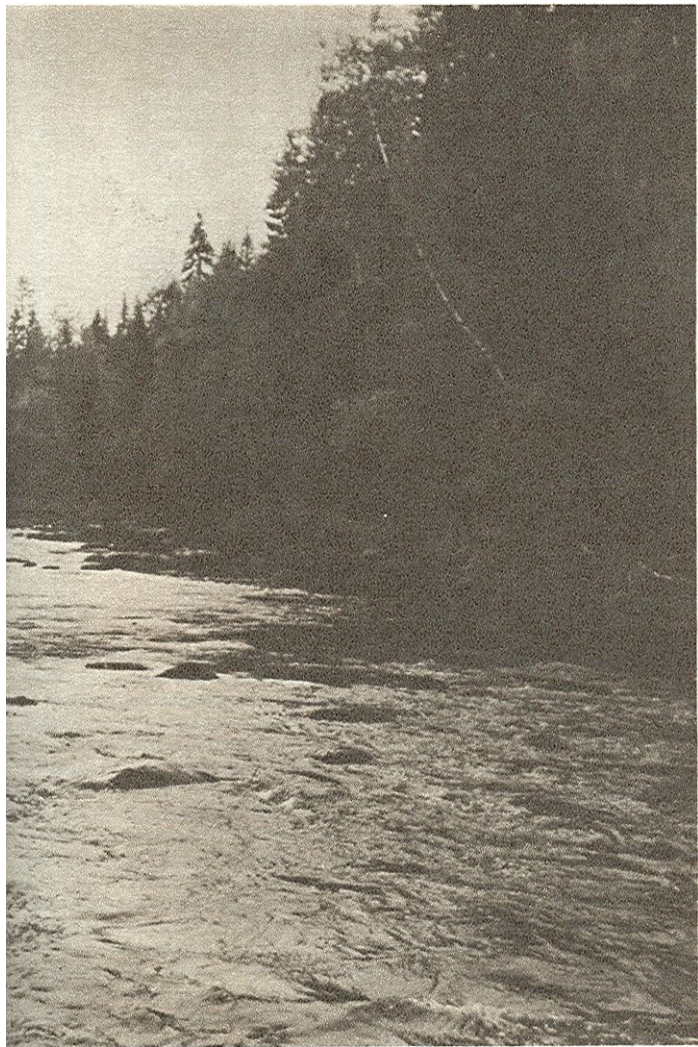
ние этажи зданий врезаны в скат берега и сложены из дикого камня — будто поставлены они на крепостные стены. Помещения нижнего этажа использовались под ледники для хранения рыбы или других продуктов. В верхнем помещении левого здания было, по-видимому, сушило для хранения сетей, в верхнем помещении правого здания находилась конюшня.

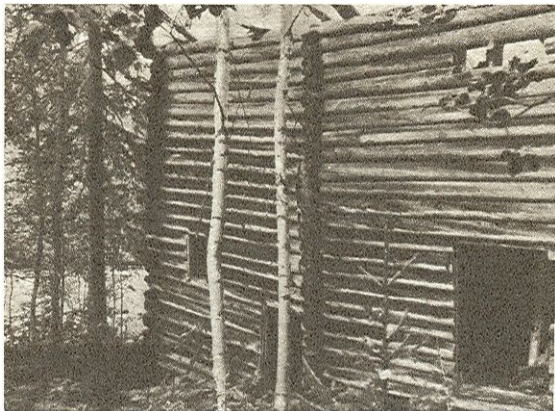
На верхнем плато, на краю поля стояла огромная ветряная мельница — так называемая мельница-шатровка (ныне перенесена в Музей деревянного зодчества в Малых Корелах). Построена она в 80-х г. прошлого века. Ветряки таких размеров нигде больше не ставились на севере, да и в средней полосе не часто встречаются. Для обмолота урожая с небольших монастырских полей такая мельница была не нужна — достаточно было бы обычной для Севера маленькой мельнички-столбовки (к тому же у монастыря была и мельница на реке). Эта же мельница помимо своего обычного назначения выполняла для монастыря не менее'

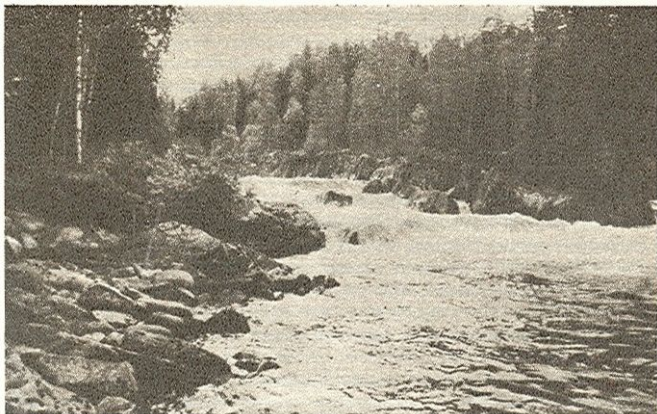
Река Кожя

*Сруб водяной мельницы
на реке Коже. XIX в.*

важную работу: она могла использоваться как для помола зерна, так и для поперечного распила бревен на бруски и доски. Через систему вращающегося вала и шестерней движение могло передаваться либо жерновам, либо циркульным пилам. Трехдюймовые доски местного распила и поныне можно увидеть в настилах пола и потолка монастырских зданий.

В Малых Корелах мы воочию можем любоваться двухъярусным срубом, из кровли которого поднимается мощный усеченный восьмигранный шатер, завершенный устройством для крепления мельничных крыльев.

Невдалеке от бывшего местоположения мельницы, на краю поля, у каменистой ложины, стоит овин. Необходимость его понятна: часты дожди на севере, и снятые снопы перед обмолотом приходилось сушить. Это каменное здание без окон, лишь с люками дверей, перекрытое внутри коробовым сводом. Стоит оно поодаль от всех других построек и в своем молчаливом облике сохраняет отзвук

Падун на реке Коже

седой древности. Стоит угрюмо, но твердо, как и все, сработанное людьми в этом суровом крае.

Урожай с монастырских полей был невелик и ненадежен. Как мы говорили, монастырь вынужден был жить привозным хлебом, а поэтому создавались запасы. Для хранения этих запасов за монастырем, под лесом, был построен амбар. Это огромный сруб под огромной четырехскатной крышей, внушительного и по-своему красивого облика. Такие хлебные амбары на Севере звали «магазеями». На косяке окна второго яруса даже есть надпись синей краской: «1715». Очень бы хотелось ей верить — тогда это была бы единственная сохранившаяся постройка от давних времен, до упразднения монастыря, — но стропильная конструкция амбара развеивает это предположение. Пусть так. Но, быть может, тем и важно наше знакомство с кожеозерскими памятниками, что здесь мы воочию убеждаемся, что весомостью могут обладать не только памятники убеленного сединами прошлого. Как часто прежде, в том числе и автору

этих строк, приходилось отдавать все внимание именно таким памятникам, отстраняя многое интересное лишь потому, что позднее! В нашем путешествии мы как будто такой чрезмерной избирательности избежали, отдавая предпочтение художественной выразительности произведений зодчества. Так и наш амбар, сто ли лет назад он поставлен или двести, обладает такой художественной весомостью.

Внутри амбар двухъярусный. Существовала целая система закромов с особой засыпкой и отсыпкой зерна. Внутри помещения вело трое ворот, обитых железом. Через боковые ворота свободно могла въезжать лошадь с телегой, разгружаться возле закромов и выезжать через другие боковые ворота. В средних воротах стояли весы — к ним подъезжала подвода, отпускаемое зерно взвешивалось, и мешки наваливались на телегу. На косяках ворот и на бревнах сохранились карандашные записи начала нынешнего века — кому, когда и сколько зерна выдано.

Хлебный амбар — «магазея» — единственное, к тому же почти полностью (не считая некоторых внутренних утрат), сохранившееся деревянное монастырское строение. Тем большую ценность оно приобретает и заслуживает самого бережного отношения как памятник не только Кожозерья, но и всего северного региона. Памятников подобного рода на Севере почти не осталось, в Поморье (Кожозеро в ста километрах от Белого моря) это второй, после известной «магазеи» XVIII в. в Сумском посаде.

Была у монастыря и вторая, водяная мельница на реке Коже. Река Кожа, единственная вытекающая из озера, поначалу идет спокойными плесами в торжественной тиши лесов, но за озером с приветливым названием — Доброе — меняет облик: кручей вздымаются лесистые берега, течение убыстряется, появляются камни, начинается Мельничный перекат, а за ним и Мельничный порог. Здесь на быстрине и была поставлена мельница. Ныне от нее остался только мощный четырехстенный сруб, а когда-то это было крупное двухъярусное строение под четырехскатной крышей. И поныне в зарослях кустов виден обложенный камнем пересохший канал, по которому вода бежала на мельничное колесо. А под мельницей, стоящей на речном мысу, гремит и клокочет Мельничный порог... Вид разрушенной мельницы, все еще сохраняющей ровную связку своих стен, высокие ряды замшелых бревен, лесная глушь, поглотившая ее, неумолчный шум порога — все это оставляет впечатления незабываемые.

А дальше, за мельницей, все глуше становятся места вниз по реке, все круче вздымаются отвесные берега, выступая

каменистыми щельями-скалами. Река пробивает себе путь в высоких отрогах Ветряного пояса. Гористость пейзажа кажется непривычной для окрестных мест, для которых характерны небольшие возвышения и низкие пространства окружающих озеро бесконечных моховых болот. Глубоко внизу, видимая между деревьев словно с высоты птичьего полета, вьется река, то вскипая белой пеной на порогах, то притихая на коротких плесах. Так идет она несколько километров, пока не войдет в узость и не ворвется в каменный каньон. Здесь — Падун, каскадный водопад. На протяжении ста метров прорывается река через каменистую преграду, ниспадая на восемь с лишним метров. Грохочет вода, сотрясая береговые скалы, ревет, как дикий неукротенный зверь, угрожая всякому, кто осмелится приблизиться к стремнине, вскипает погибельным котлом, свергаясь с последнего уступа.

Вид вольной, несмиримой стихии всегда производит впечатление торжественное, звучное. Пусть Падун и будет заключительным аккордом в нашем путешествии.

Перебираешь в памяти все, что мы видели: прекрасные озера, северные реки с их изменчивым характером, то тихие и приветливые, то беспокойные и неугомонные, множество полевых и лесных дорог, лесных и побережных тропок, деревни и поселки, рассеянные по всему пути, и, наконец, памятники народного зодчества — избы, церкви, часовни, а также памятники природы — заповедные рощи и заповедные деревья, — и душа полнится благодарностью к суровому и прекрасному краю и начинают звучать в ней поэтические струны. Но тут надо бы слагать иное произведение...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Каргополе также см.: *Алферова Г. В.* Каргополь и Каргополье. М., «Стройиздат», 1973; *Гемп К. П.* Каргополь. Архангельск, 1968; Каргополь. Альбом. Вступит. статья А. Я. Каковкина. Л., «Искусство», 1971; *Федоров Б. Н.* Каргополь и его окрестности. Л., «Художник РСФСР», 1978.

² *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 82.

³ Там же, с. 80.

⁴ *Ушаков Ю. С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., «Стройиздат», 1982, с. 47—49.

⁵ См.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 321.

⁶ Первый исторически известный настоятель Челмогорской пустыни — Ефрем, 1544 г. (см.: Строев П. Списки иерархов и основателей монастырских. Спб., 1877, № 15).

⁷ Существуют непроверенные сведения, что сюда была сослана одна из жен Ивана Грозного (но в таком случае здесь должна была бы быть женская обитель). По другим сведениям, в 1563 г. в Каргопольский Челмский монастырь был сослан князь Дмитрий Курлятов с женой и дочерьми, а в 1584—1587 гг., уже в царствование Федора Ивановича, по проискам Годунова был сослан князь Андрей Иванович Шуйский, позже казненный (см.: Каргополь. Исторический очерк В. М. Белозерского. — В кн.: Памятная книжка Олонекской губернии 1858 года. Спб., 1858).

⁸ *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. Спб., 1882, с. 309.

⁹ Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. Каталог. М., изд. ГБЛ, 1981, с. 74—75, № 85.

¹⁰ *Торо Г. Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 121.

¹¹ Русская фольклористика. Хрестоматия. М., «Высшая школа», 1971, с. 106.

¹² *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М., «Наука», 1975, с. 91.

¹³ См.: *Чичеров В. И.* Школы сказителей Заонежья. М., «Наука», 1982.

¹⁴ Русская фольклористика. Хрестоматия, с. 112.

¹⁵ Там же, с. 107.

¹⁶ *Ушаков Ю. С.* Указ. соч., с. 31—32.

¹⁷ *Харузина В.* На Севере. Путевые воспоминания. М., 1890, с. 127.

- ¹⁸ См.: *Ильин М. А.* Крестьянская изба Кенозера. — «РАНИОН. Труды секции археологии». Вып. 4. М., 1928.
- ¹⁹ *Харузина В.* Указ. соч., с. 48.
- ²⁰ Там же, с. 49.
- ²¹ Памятник воспроизведен в альбоме: *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М., 1942.
- ²² Сведения об истории пустыни взяты из статьи К. Докучаева-Баскова «Емецкого волока Благовещенская убогая пустыня» («Христианское чтение», 1885, № 7—8).
- ²³ Сведения взяты из кн.: Краткое описание приходов и церковей Архангельской епархии. Т. III (Онежский уезд, Ямецкий приход). Архангельск, 1896.
- ²⁴ *Рерих Н. К.* Собр. соч., кн. I. М., 1914, с. 207.
- ²⁵ «Известия императорской археологической комиссии». Вып. 41. Спб., 1911, с. 124.
- ²⁶ См.: *Малышев В. И.* Новые материалы о протопопе Аввакуме.— «Труды отдела древнерусской литературы», т. XXI, 1965.
- ²⁷ Воспроизведена в книге *А. Кононова* «Судьбы Кожеозерской Богоявленной пустыни Архангельской епархии» (Спб., 1894).
- ²⁸ См.: *Алферова Г. В.* Каргополь и Каргополье, с. 181.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье. М., «Стройиздат», 1973.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Д., «Наука», 1983.

Вигов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. Изд-во МГУ, 1962.

Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Т. I—III. М., Изд-во АН СССР, 1949—1950.

Грабарь И. История русского искусства. Т. 1, 2. М., 1910—1911.

Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. Спб., 1842.

Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. М., «Наука», 1975.

Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Ч. I—III. Спб., 1890—1897.

«Известия императорской археологической комиссии». Вып. 41. Спб., 1911; вып. 52, Спб., 1914; вып. 57, Пг., 1915.

Ильин М. А. Крестьянская изба Кенозера.— «РАНИОН. Труды секции археологии». Вып. 4. М., 1928.

История русского искусства. Т. III, IV. М., Изд-во АН СССР, 1954—1955.

Кононов А. Судьбы Кожезерской Богоявленской пустыни Архангельской епархии. Спб., 1894.

Краткое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Архангельск, 1896.

Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.

Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Олонецкий сборник. Вып. 1, 2, 3. Петрозаводск, 1884—1896.

Памятная книжка Олонецкой губернии. С.-Петербург — Петрозаводск, 1856—1869.

Реформатская М. А. Северные письма. М., «Искусство», 1968.

Севан О. Г. Народное деревянное жилище Севера. М., 1981 (Автореферат).

Смирнова Э. С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков. М., «Наука», 1967.

Сулов В. В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. 1—7. Спб., 1895—1901.

Сулов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. Спб., 1888.

Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Д., «Стройиздат», 1982.

Шайжин Н. Сведения о церквях Олонецкой епархии, построенных ранее XIX века.— В кн.: Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества. Т. V. М., 1911.

Фотографии выполнены Ю. Д. Рыбаковым

ГЕНРИХ ПАВЛОВИЧ ГУИН

КАРГОПОЛЬСКИЙ ОЗЕРНЫЙ КРАЙ

Редактор
И. А. КУРАТОВА

Художник серии
Ю. К. КУРБАТОВ

Рисунки
к карте
Ю. И. РАПОПОРТА

Художественный редактор
Е. Е. СМИРНОВ

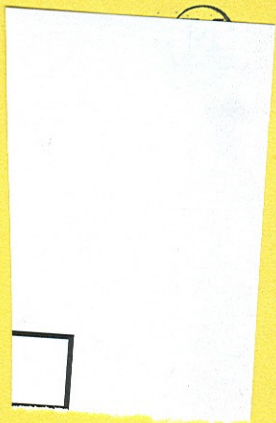
Подготовка фотооригиналов
Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректор
Е. А. МЕЩЕРСКАЯ

И. Б. № 1998

Сдано в набор 20.12.83. Подписано к печати 15.06.84. А02009. Формат издания 70x90/32. Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6.727. Уч.-изд. л. 8,36. Изд. № 1376. Тираж 85 000. Заказ 113. Цена 65 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

КНИГА Г. П. ГУННА
О КАРГОПОЛЬСКОМ ОЗЕРНОМ КРАЕ
ПРОДОЛЖАЕТ ВЫШЕДШУЮ РАНЕЕ
В СЕРИИ «ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ»
КНИГУ «КАРГОПОЛЬЕ — ОНЕГА».
ОНА ЗНАКОМИТ
С МАЛОИЗВЕСТНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ
РУССКОГО СЕВЕРА,
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА,
ПРОКЛАДЫВАЕТ
НОВЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ МАРШРУТЫ.